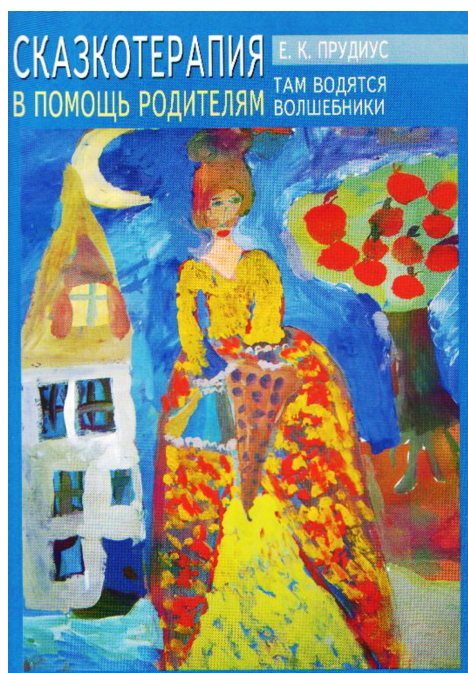

Сказкотерапия в помощь родителям. Там водятся волшебники.

— СПб.: Речь, 2006. — 224 с.

Вступление.....	6
Глава 1. Потерялся мальчик	9
Чудо-рыба	14
Глава 2. Почему они вдруг?	16
Мышонок Пик..... ч	20
Глава 3. Кое-что о «марсианах», или Первое предательство	23
ЛесМиловзоры.....	31
Глава 4. Ода «ослам» и папе Карло.....	34
Яйцо.....	40
Глава 5. Великаны и карлики	42
Глава 6. Такого в театре еще не бывало	51
Глава 7. О покемономании, канале <i>Fox kids</i> и взрослых страхах.....	61
Мальчик-призрак.....	64
Глава 8. Любят ли дети болеть?.....	66
Глава 9. Болезни роста и короткие штанишки.....	73
Глава 10. Можно ли обижать слабых?.....	81
Глава 11. Зачем Ване Баба Яга? (Непедагогическая история)	86
Глава 12. Гребешок для лесного духа.....	92
Сказка о Василисе, ее тигренке, их друзьях и злом волшебнике	95
Глава 13. История Тыквоголового Джека	99
Глава 14. Гарри Поттер в зеркале тролля, или На чью мельницу льем воду?.....	108
Глава 15. Воображаемые друзья и сказка на вырост.....	115
Сказка для Алисы	119
Глава 16. Синдром Подменьша.....	123
Мальчик-змея и радужная фасолина	129

Глава 17. Прошлое, настоящее и будущее сексуального просвещения	132
Глава 18. О, хищные вещи века!	140
Глава 19. Мама и папа не сошлись характерами.....	145
Сон и калика переходной.....	147
Глава 20. Трава под сапогом и стеклянный слоник.....	153
Глава 21. Магия — материнская и психотерапевтическая	160
Мир мультипликации в Новый год.....	171
Сон про филина.....	176
Глава 22. О сказках и алгоритмах	178
Глава 23. Философ с пустышкой и тайна Теремка (о сказках для самых маленьких)	183
Глава 24. Новый домострой	191
Глава 25. Техническая	194
Глава 26. Рекомендуемая литература.....	199
Глава 27. Кино для всех.....	208

Всем детям на свете, моим дочерям Анне и Анастасии, внуку Вовчику, а также — тому чудесному внутреннему Ребенку, который оживляет бытие каждого взрослого, в том числе мое, — посвящается эта книга.

Надо в детство почаще впадать.

Из песни, которую исполнял Г. Ф. Милляр — Актер Божьей милостью

Вступление

Мы живем на одной территории — мужчины и женщины, родители и дети, взрослые и маленькие — разные полюса одной сущности, поэтому потрясающе непохожие и вместе с тем не представляющие себе жизни друг без друга. С похожими на нас легко и удобно. А как быть с теми, кто противоположен и дополняет нас? Как нежной женщине принять реальность грубоватого и не понимающего ее мужчины, как дисциплинированному взрослому не сорваться при виде вернувшегося с улицы ребенка (а настоящий живой ребенок в такой момент своей жизни должен быть грязен, оборван и исцарапан, даже если он девочка).

Эта книга осуществлена как психолого-литературное исследование самых важных для родителей вопросов воспитания и развития детей, а также включает в себя размышления о самих родителях. Четко выделить специфические детские проблемы мне не представляется возможным, так как дети в большинстве своем не круглые сироты и не Маугли среди волков, а живут рядом с нами, родителями и другими взрослыми, и растут в атмосфере нашей жизни. Цель книги — обобщение некоторой части профессионального и человеческого опыта общения с множеством детей и их родителей. При этом я пользовалась любимыми инструментами — сказкой, историей и стихотворением как иллюстрациями к житейским коллизиям. Литературная метафора и ее использование не новость для профессионалов, но возможности ее применения представляются неисчерпаемыми, потому адресую книгу и детским психологам, и родителям — любящим, равнодушным и любопытным, и прочим взрослым, которым интересны дети и детство. Использование сказки и метафоры для решения проблем здоровья и развития традиционно называется сказкотерапией. Она во многом погранична с библиотерапией, принципом которой является использование различного рода литературных текстов, в том числе стихотворения. Что ж, можно считать,

что эта книга с точки зрения метода посвящена сказкотерапии и биб-лиотерапии. В данном случае этот сплав двух методов предназначен для родителей и воспитателей разного калибра и формата, в не меньшей, пожалуй, степени — для их детей и уж совсем нелишним это оказывается для самого психотерапевта. Другой мой профессиональный интерес состоит в возможности ощутить животворную связь между разными областями человековедения — психологией и литературой, той самой, которую творит художник, отражающий, как зеркало, свою действительность.

Для того чтобы литература стала действительно областью человековедения, ей недостает регулярного и узаконенного союза с психологией (священного брака); для того чтобы психология стала полноправной областью человеческой

культуры, ей столь же нужен плодотворный союз с литературой, театром, кино.

О своей работе хочу сказать, что по натуре я — собирательница, поэтому мой труд носит в немалой степени компилятивный, хрестоматийный характер, но мне самой от этого тепло. Это напоминает тот период моей юности, когда я собрала туристическую группу студентов-первокурсников своего медицинского института в поход по Молдавии, а со мной, кроме них, пошли еще два зубра из городского клуба туристов — Валерка и Юра. Им просто было приятно прошвырнуться еще раз по Молдавии в компании с молодежью. Надо ли говорить, что у меня не было никаких проблем с ориентированием на местности и наш поход удался на славу?

В этот путь я взяла с собой самых любимых и самых компетентных спутников. Это замечательные сказочники и прочие писатели — детские и взрослые. Кроме того, в эту книгу я включила и собственные сказки, написанные под впечатлением о некоторых детях и их родителях, с которыми мне выпала удача встретиться. Впрочем, с тем же успехом можно сказать, что эти сказки обо мне самой. Есть также сказки, сочиненные детьми или записанные мною по их сценариям. Какой смысл в этих сказках? Сказка наряду с мифом — естественная форма, вполне соответствующая миру внутренних переживаний человека, особенно ребенка. Она отражает символический, образный характер мышления человека изначального, природного, каковым является ребенок и женщина — его мать. Помимо этого, как литературная форма, сказка является важной частью древней Традиции воспитания, частью архаической инициатической культуры, потребность в которой никуда не делась,

а, видимо, обретает все большую актуальность, судя по приросту поголовья сказочников в среде психологов.

Таким образом, мы совершим путешествие в такую далекую и все же бесконечно близкую страну детства. Туда, где водятся волшебники... Туда, куда не устаю ходить снова и снова.

Надеюсь, что эта книга, промежуточный итог моего пути, поможет кому-то в его собственном поиске в мире людей, в мире отношений, в первую очередь со своими детьми и со своим внутренним Ребенком.

Потерялся мальчик

Родители надоели. Они вздумали, что чты им принадлежишь. Что тобой можно хвастаться, как электронной печкой.

Л. Жаров и С. Ермакова. Учебник детской жизни

Доверяй своему вкусу, а не чужому вкусу.

Русская поговорка

Ваш ребенок готовится в школу. Точнее, это вы готовитесь к его поступлению в школу. В наше время многие дети не горят желанием стать учениками. Они уже в садике учатся, и от школы ничего нового и особенно интересного не ждут. Во многих современных садиках интеллектуальный рацион детей настолько загружен, что до игровой комнаты они добираются только к вечеру, и приходящие забирать их родители нередко слышат такие реплики своих детей:

— У-у-у, а мы еще только начали играть...

Беззаботное детство кончилось задолго до школы. Эффекта новизны уже нет. Насыщения произвольной творческой игрой не произошло (а именно этот фактор является определяющим для дальнейшего нормального развития детей). В результате большинству современных детей в школу после каникул не хочется. Многие мечтают о садике — вернуться туда. Совсем другая ситуация была лет тридцать тому назад. В школу после каникул очень хотелось. Там было то, чего не было в других местах, — там открывалась дверь в поистине волшебную страну знания. Это была прерогатива школы. Сейчас все перепуталось. Идея раннего интеллектуального развития детей беспощадно используется педагогической пропагандой, служит задаче создания искусственной озабоченности и без того волнующихся о будущем детей родителей и цели расширения своих приоритетов. Детей надо развивать, надо готовить к школе, иначе они что-то там потеряют в будущем. Что — никому неизвестно. И что сейчас приобретают современные школьники, кроме ранней близорукости, сколиоза и неврастении (это послушные), — еще большой вопрос. Но мы уже сейчас, пока ребенку три года, судорожно выискиваем самый лучший садик, где детей развивают. И огорчаемся, если наш малыш не развивается так же быстро, как и его товарищи. И начинаем его водить к специалистам по развитию, отдавать в какие-то дополнительные развивающие группы.

Несколько лет назад молодая женщина, очень энергичная и ответственная, привела ко мне на прием четырехлетнего сына. Она хотела знать, не вредно ли будет водить его еще и на шахматы. А кроме шахмат, его мама уже водила на каратэ, глиняную игрушку и уроки подготовки к школе с опытной учительницей. Мальчик сам ни от чего не отказывался. Он таинственно и неуверенно пожимал плечами и оглядывался на маму. Мама смотрела на меня. Я попросила мальчика нарисовать семью. Семья получилась неполная. Сын с папой сидели за столом. Мамы на рисунке не оказалось. Я спросила у ребенка, где же мама.

— На кухне, — последовал ответ, — она готовит нам есть.

В общем-то, неважно, как ребенок объясняет отсутствие кого-то. Важен сам факт отсутствия этого человека. Отсутствует кто-то по причине сложных и неясных отношений, возможно опасных для ребенка. Высказать об этом прямо не каждый сможет, а нарисовать — пожалуйста, дети подвоха здесь не видят.

Вот и получилось, что мальчик своим рисунком дал маме ответ:

— Мне с тобой плохо, лучше с папой.

Папы обычно меньше грузят детей воспитанием и обучением. Они просто радуются ребенку после рабочего дня. Их общение обычно никак не структурировано, беспорядочно, представляет какую-то возню, вопли радости или просто блаженное присутствие возле уткнувшегося в газету или в телевизор отца, который явно не занимается воспитанием ребенка, но ребенку почему-то хорошо быть просто рядом. В таких случаях матери часто возмущены поведением отца:

— Ты отец, ты должен воспитывать!

Но с другой стороны, сколько же можно воспитывать? Когда-то ведь можно просто порадоваться присутствию друг друга. А папа целый день не видел своего малыша. А малыш — соскучился по нему. Вот и выходит, что общение отцов с детьми бывает более непосредственным, неформализованным и жизненно необходимым ребенку для того радостного мироощущения, без которого нет и не может быть здорового детства и здоровой взрослости.

В нашем случае я объяснила маме, что ребенок ответил шахматам «нет», во всяком случае, на ближайшее обозримое

время. Что ему сейчас нужнее всего не мама — бонна-гувернантка, а мама — теплая печка, возле которой можно отогреться после нелегких детских трудов. Тем более что в возрасте четырех-пяти лет происходит раннее становление будущей сексуальности ребенка, и мальчики очень любят и предпочитают всем остальным своих мам, а девочки*— обожают и боготворят своих пап. И если это не так, значит, вы делаете что-то не то с ребенком.

Этот случай помог вспомнить недавний разговор со знакомым мальчиком-подростком. Речь шла на очень актуальную тему, как родители грузят своих детей. Дима предложил мне почитать Э. Успенского, а именно «Следствие ведут колобки».

— Там, — сказал он, — потерялся мальчик, и все из-за этого.

Я нашла эту книгу, которая раньше как-то не попадала в поле зрения, и прочитала. С большим удовольствием. И с тех пор всегда рассказываю родителям, которые слишком торопят своих детей.

А написано там было вот о чем. В кабинет Колобка и Булочкина ворвалась немолодая гражданка молодежно-спортивного вида в пальто наизнанку и с кашпо на голове. Это от спешки. У нее потерялся внук, талантливый дошкольник, надежда науки и искусства, будущее страны. Поиски дошкольника заставили Булочкина повторить обычный день жизни этого ребенка. И обычный день дошкольника Васи состоял из последовательных перемещений в сопровождении энергичной бабушки по извилистому маршруту. Первым этапом эстафеты была группа на сквере с английским языком, в которой происходили следующие диалоги:

— Мальчик, мальчик, вы мешаете мне идти. Можно я стукну вас лопаткой?

— О, я буду просто счастлив!

Затем был музыкальный класс, удержаться в котором Булочкину помогла «суровая, почти армейская дисциплина».

Потом была секция фигурного катания, где юный Вася с прочими юными дарованиями тренировался на будущего чемпиона мира.

Дальнейшее Булочкин помнил смутно. Было рисование, шедевры мировой литературы, бассейн, урок высшей математики. У Булочкина потемнело в глазах. Ему захотелось назад к Колобку — задерживать нарушителей дисциплины, перебираться по веревке через пропасти, исследовать копии чертиков.

Но отступать он не любил.

Тем временем в НИЦД Колобок успешно исследовал котлеты. Их не осталось ни одной. «Но если я один съел все котлеты, их мог съесть и этот инопланетянин... который похитил. То есть тот, которого похитили».

Сначала у Колобка в голове все затуманилось, а потом прояснилось. Все стало ясно. Именно в это время дверь в НИЦД распахнулась и в комнату влетел Булочкин, на нем были ласты и плавки. В руках он держал пальто шинельного типа, куртку с погончиками и остальную одежду.

— Шеф, — сказал он, — у меня версия. Никакого мальчика вообще не было, ни один нормальный ребенок не может выдержать такой жизни. Он от нее сбежит».

Мальчик Вася все же существовал, и его потом нашли, правда, только с помощью талантливых профессиональных сыщиков Колобка и Булочкина.

Для того чтобы не терялись девочки и мальчики, не становились вам чужими и не избегали собственных родителей, нужно учитывать законы развития ребенка, открытые психологами.

Основной вид деятельности дошкольника (то есть ребенка до шести-семи лет) — это игра. Причем чем меньше ребенок, тем большую долю должна составлять свободная, так называемая недирективная игра без правил, навязанных внешним миром. Это способствует развитию творческого начала ребенка, формированию свободного доступа к собственным потребностям (имеется в виду не капризам, а насущной необходимости). Именно в такой игре ребенок постепенно узнает то, к чему он уже готов. Например, что, если в песок добавить воду, из него можно строить крепость. Или — что бумажный кораблик плывет по воде и не тонет, пока не размокнет. Или — что котенок тебя поцарапает, когда его дернешь за хвост, потому что ему больно. А также множество полезных вещей, без которых в мире просто не выживешь. Чем старше становится ребенок, тем больше появляется игр с правилами. Причем их не нужно навязывать детям. У них самих есть внутренняя потребность в самоорганизации, в отношениях с другими людьми, в которых без некоторых правил не обойдешься. Причем дети сами очень строго следят за тем, чтобы никто из играющих не нарушал эти оговоренные правила. Похлеще взрослых (а чья наука?). Потребность детей в играх с правилами и является достоверным сигналом к тому, что можно вводить регламентированные занятия по развитию, причем основаны они должны быть на непроизвольном интересе детей к ним, чтобы не отбить аппетит к процессу познания нового.

К шести-семи годам у ребенка закладывается основа произвольности поведения, то есть его саморегуляции. Это совершенно не противоречит тому, что обучение должно представлять интересное и желанное занятие для ребенка. Ведь в каждом интересном занятии наступают пресыщение или усталость, неудача при усложнении задания, когда мотивация ребенка снижается. Тогда, если мы хотим, чтобы ребенок стал целеустремленным и трудолюбивым, нам важно побудить ребенка позаниматься ЕЩЕ НЕМНОЖКО, ни в коем случае не доводя состояние до отвращения к занятию. У ребенка останется приятное ощущение преодоления, чувство победы и роста. Важно, чтобы родители и педагоги испытывали аналогичные чувства удовлетворения, а не гнали ребенка, как лошадь на скачках, навстречу своим лаврам воспитателя.

Очень опасно гордиться своим ребенком, тем более хвастаться. «А мой-то ходит в секцию... Учится хорошо... Никаких замечаний в школе...» Если не отследите в себе червоточину тщеславия, то, выражаясь народным языком, сглазите собственного ребенка, подставите его неблагоприятным для него обстоятельствам, к которым он еще не готов, а потом будете искать причину в плохих учителях или злых соседях. Сейчас был упомянут паранаучный взгляд на мир, порожденный магическим (или символическим) мышлением. Он свойственен абсолютному большинству детей и львиной доле матерей и прочих женщин. Ему будет посвящена отдельная глава о материнской и психотерапевтической магии.

У каждого ребенка индивидуальный маршрут развития, свой темп и направленность. Его надо знать уже при выборе дошкольного учреждения. Если ребенок нуждается в щадящем образовательном маршруте и большом объеме свободной игры, а его отдают в «развивающий» садик с плотным рабочим графиком, то он не сможет взять предложенные ему блага, мало того, у него в ситуации контраста с успехами других детей разовьется комплекс неудачника. Получится, что «поспешешь — людей насмешишь», а то и вовсе не до смеха будет. И наоборот, если активный и быстро развивающийся ребенок попадает в бедную информацией среду, ему быстро станет скучно, его интеллектуальная незанятость обернется абберациями поведения, он также рискует стать неудобным членом детского коллектива. Есть ли какой-то рациональный выход? Да. Детский психолог поможет вам определить модель развития ребенка и оптимальный маршрут его воспитания и обучения. И в садике, и в школе.

Услышать голос разума родителям мешает страх — страх не успеть, не соответствовать принятым представлениям, отстать от кого-то, прослыть неудачником. А именно под влиянием такого страха и воспитываются неудачники, которые тоже будут бояться остановиться, осмотреться, пересмотреть свои взгляды на жизнь, обновить с ней отношения, почувствовать себя хорошо реализованным и при этом востребованным людьми человеком.

Вот и выходит, что для воспитателя детей самым важным качеством после интереса к жизни ребенка является его бесстрашие, мужество. При этом важно не перепутать человеческое чувство любви как осознанной привязанности и заботы со слепой стихией любви собственника к своей обожаемой вещи. Ладно, если к обожаемой, а то иной раз взрослый кроит по своей мерке ребенка просто потому, что тот в его власти. А вот и сказка к этому разговору, когда-то записанная самарским жителем, ныне покойным, Игорем Мухановым.

Чудо-рыба

В солнечные правремена, согласно подгорским преданиям, жила в Каменном озере чудо-рыба. Глаза — изумруды, чешуя — зеркала, плавники — тонкий батист. Каждый вечер, лишь только медовый месяц над лесом показывался, закипала озерная гладь и объявлялись на берегу четыре бобра. Не спеша, вразвалку, несли в голубые поля камышовый коврик. На том коврике чудо-рыба возлежала, светясь, как разноцветный фонарь. Подгорцы к ней, как к заозерному богу, относились. Издали полюбовуются, радость благодатную в сердце получают, и по избам своим разбредутся. Никаких неумильных поступков по отношению к чудо-рыбе не совершали. Всякое семисложное дело проще простого решать умели. Птицы клевучие да звери рысчучие в дружбе с подгорцами жили. Не говорили подгорцы, а рекли. Алатырь-камень, зарытый в Жигулях еще при царе Горохе, знавали. Жили по триста лет и с песнями умирали. Про то подгорские предания говорят. А какая в них доля правды - уж каждый про себя пусть сам решает!

Случилась эта история уже в наши, покорившие аэропланом небо времена. У фельдшера Казарина из села Рождествено заболел единственный сын Илья, гимназист. Болезнь какая-то странная — все мнит себя замурованным в бетонном подвале. Пугается, плачет, кричит. Сначала фельдшер пытался лечить своего сына сам, потом к помощи видных самарских врачей обратился. Не помогло. Илья сох на глазах, а на третий с начала болезни месяц погрузился в какой-то реликтовый бред.

Фельдшер, сельская знать, большие надежды на своего сына возлагал. Мечтал видеть его юристом, с деньгами и с положением. А тут вот такая беда приключилась! Понятное дело, затуманился фельдшер лицом. Рыжие, торчавшие в стороны усы вскоре, как вымоченные в воде, повисли...

Раз, в самый разгар болезни сына, проходил фельдшер мимо скамейки, на которой грелся на солнце хилый старик. Село Рождествено большое, фельдшер помнил по имени далеко не всех. Окликнул старик фельдшера, попросил подать выпавшую из его дрожащих рук клюку. Тот подал. Домой идти фельдшеру не хотелось. Подсел он к тому старику на скамейку, разговорился. А старик, словно ребенок малый, все к сказкам да небылицам в разговоре тянется. От него-то и услышал фельдшер впервые предание о чудо-рыбе. И только носом в ответ заорганил - он, человек крещеный, языческие бредни всегда осуждал!

А ночью приснилась вдруг фельдшеру чудо-рыба, такая, какую ее старик описал. Уставилась на него пилюлевидными глазами и такое человеческим голосом поведала: «Хочешь, чтобы твой Илья выздоровел, вырой в огороде новый колодец!»

Фельдшер над таким сном сначала только посмеялся. Но и впрямь надо было рыть новый колодец - старый-то совсем пересох! Чудо-рыба в этом была совершенно права. И хоть не был фельдшер суевером, а все же тайным, скрытым в сердце умом, подумал: «А вдруг?» Короче говоря, нанял фельдшер землекопов и вырыл новый колодец.

К тому времени Илья уже совсем задалеченный, с полужакрытыми глазами в постели лежал. Стал фельдшер, ругая себя за суеверие, поить его водою из нового колодца - не помогло. Плюнул - и перестал. А дня через три пошел, уже для хозяйственных нужд, за водой, и зачерпнул из колодца матросскую бескозырку. Наверное, соседские мальчишки подбросили! Увидел случайно ту бескозырку Илья - замычал, как теленок, восковыми ручонками к ней потянулся. Надел ее себе на голову - и первый раз за долгой

болезни улыбнулся!

Вскоре Илья и совсем поправился. С матросской бескозыркой - словно она заколдована была! - ни на минуту не расставался. А

как стал ему отец снова про юридический факультет толковать - сбежал. Плавал сначала юнгой на пароходе, а много лет спустя и до капитана дослужился.

Объездил Илья весь белый свет. Видать, есть судьба у человека. А жила ли в солнечные правремена в Каменном озере чудо-рыба - кто же ее знает!

Почему они врут?

Врут тому, кому правду говорить опасно.

Н. Козлов

У страха глаза велики.

Русская пословица

Все мы, взрослые люди, в той или иной степени сталкивались с проблемой детского вранья и, мягко выражаясь, присвоения чужих вещей. А если как следует поднапряжем свою память и будем вполне честными с самими собой, то припомним и собственные похожие грешки далекого детства. Но, разумеется, не такие ужасные, нет! Как правило, родителей особенно ужасают детские преступления в том случае, если сами они в детстве себе такого не позволяли. А причины для такого плохого поведения детей всегда есть. И их несколько.

Первая, наиболее распространенная, причина вранья отражена в эпитафье. То есть причиной является страх ребенка перед последствиями его поступков, причем теми последствиями, которые предполагает ребенок, а не имеет в виду родитель. И это совсем не обязательно страх физического наказания или ваших криков. Это может быть страх потерять любовь самого близкого человека, от которого ребенок чувствует свою зависимость: мамы или папы, а также бабушки и дедушки. Ради того, чтобы сохранить любовь, некоторые дети готовы идти на любую ложь, и бесполезно им доказывать путем логических умозаключений, что мы их будем еще меньше любить, если они будут продолжать врать. Их логика пока по-детски кривая. Они невольно поддерживают родительский миф о том, каким должен быть ребенок — таким рыцарем без страха и упрека, не имеющим права на ошибки. А сами-то мы... все давно забыли — услужливые механизмы психологической защиты личности благополучно вытеснили большинство травмирующих фактов вроде кражи колбасы из холодильника. Не ошибается только тот, кто ничего не делает. И чем активнее ребенок, чем больше у него потребностей, тем большее количество ошибок может он совершить, пока усвоит правила взрослых игр. По статистике, обманы и кражи по наивности, недопониманию совершаются очень часто детьми вплоть до конца начальной школы, позднее — значительно реже. Поэтому не стоит считать своего провинившегося ребенка преступником на основании его ошибок, его двоек по поведению — это оценки за процесс учебы; настоящая ответственность вся еще впереди. А лучше подумать самим: почему ребенок действует тайком, почему он боится посвятить вас в тайну своих потребностей? Почему его желания кажутся ему плохими, почему уже сейчас он чувствует себя преступником сам? Если родитель сможет быть честен сам с собой и сочувственен к ребенку, то ко времени полной взрослости окажется, что дети ничем не хуже своих родителей, а, может даже, и гораздо лучше.

Причина номер два: они нас так достают — привлекают к себе внимание, в котором чувствуют недостаток, совершая проступок. Это поведение уже не наивное, а провоцирующее, манипулятивное, и родители, как правило, это чувствуют и сердятся на детей. Хотя лучше сердиться на самих себя. Ребенок хочет вырасти хорошим человеком, а для этого ему, как растению, нужен солнечный цвет, тепло, регулярный полив и всякие «уДОБРЕНИЯ». И если они этого недополучают, то могут поднять бунт на вашем домашнем корабле. Ведь они просто не хотят вырасти хилыми и корявыми моральными уродами! А о том, что можно привлекать внимание хорошими поступками, им еще неизвестно, да и то сказать, это редко бывает правдой. А гораздо чаще бывает так: мама девочки-отличницы месяцами не смотрит дневник и рассеянно кивает в ответ на сообщение о пятерках (дескать, так и нужно, продолжай в том же духе), пока дочь в гневе не сообщает маме, что, раз так, она будет учиться на двойки, если никому не нужны ее пятерки. Вот и попробуй привлечь к себе потоки родительского внимания (читай — полив и согрев) честным способом. Да и на глазок, родители больше дорожат детьми, которые им тяжело достались, в которых пришлось вложить много своей души. Так правы дети или нет? Я думаю, что правы. По моему опыту, многие родители, чьи дети имели протестное поведение и которые сумели разобраться в его причинах, сумели восстановить теплые, дружеские отношения с ними. А это и есть единственная надежная профилактика таких тяжелейших социальных отклонений, как наркомания, алкоголизм и правонарушения.

Причина номер три — дети таким способом компенсируют недостаток положительных эмоций, свою недолюбленность родителями, невостребованность своих недоразвившихся возможностей, непопулярность среди окружения. Нередко

маленькие воришки на добытые деньги устраивают настоящие потлачи для сверстников, раздачу лакомств и игрушек. Надо сказать, что так же поступает в племени американских индейцев молодой кандидат на должность вождя, чтобы заручиться поддержкой племени. Так поступает кандидат в депутаты нашей отечественной Думы. Так ли уж иррационально поведение маленького неопытного ребенка, который еще не знаком с честными способами достижения своих целей, обретения друзей и сторонников? Большая удача, если родителям удастся преподать ребенку собственный пример честных способов жить.

Есть значительно реже встречающаяся причина лжи и воровства — особенности наследственности ребенка, патологические склонности его биологических родителей, закрепившиеся в генетическом аппарате. В таких случаях бывает необходима длительная и постоянная психиатрическая помощь и социально-психологическая реабилитация. Но не пытайтесь вынести ребенку приговор в виде диагноза потомственного урода и тем более приводить его в исполнение без суда присяжных — врачей и психологов. Явная видимость не всегда оказывается истиной.

Что же делать, если ребенок достал вас своими преступлениями? Во-первых, нажмите на свои тормоза (у взрослых они уже должны быть, в отличие от детей) и подумайте, чем вы могли загнать его в угол. Вспомните о собственном, временами невеселом детстве, спросите у своих родителей, если они под боком, как сами давали им «прикурить» в свое время. И поговорите с ребенком не с позиции инквизитора, беспощадно выжигающего ересь, а встав с ним рядом, плечом к плечу, на его нелегком пути. В таких случаях очень хорошо помогает соблюдение имеющегося в нашей культуре ритуала отхода ко сну, когда вы имеете ни с чем не сравнимую возможность реанимировать ваши отношения и понять ребенка. Для этого бывает достаточно посидеть рядом с ребенком, поговорить с ним перед сном, рассказать ему любимую сказку, спеть колыбельную песенку, погладить спинку и пяточки. Только все это надо делать с чистым и открытым сердцем, и на двадцать минут полностью отложить все заботы. Помните у Мамина-Сибиряка: «Спи, Аленушка, спи, красавица, а папа будет рассказывать тебе сказки...»? Все дети мечтают о таком папе и такой маме. Сделайте их счастливыми. Это можете только вы. И вы это можете, только захотите очень сильно, больше всего на свете.

Еще одна воспитательная тонкость показана Григорием Остером в его рассказе «Глубокое уважение». Родители считают, что хуже их Коли нет никого: двойки из школы, разбитые окна, разорванные ботинки и т. д. Весь джентльменский (с большой дороги) набор. И ругают его, и наказывают. Потом папа решил все-таки узнать, нет ли кого-нибудь еще хуже. И вышел вечером во двор покурить. А там его в темноте уже подслушавший их с мамой разговор сын дожидается. Со светлячком в руке, будто курит. И рассказывает басом папе о своем сыне Толе, который... ну, вообще. Обрадованный папа прибегает домой и рассказывает маме:

— Знаешь, а Коля наш, оказывается не самый плохой. Тут у соседа сын Толя есть, тоже, как наш, во втором классе, так про него, про этого Толю, и рассказывать страшно. А Коля наш еще ничего. По сравнению с этим Толей он совсем хороший. Если с Толей сравнивать, так мы своим сыном просто гордиться должны.

Мама задумалась, а потом решила:

— Если так, тогда давай будем нашим сыном гордиться. Не будем его ругать, а с завтрашнего дня будем относиться к нему с глубоким уважением.

И начали папа и мама относиться к Коле с глубоким уважением. А ругать его совсем перестали.

И от этого уважения стало Коле вдруг как-то не по себе. Не то чтобы совестно, а как-то неловко и неудобно. И стал Коля, сам того не замечая, потихоньку исправляться, исправляться... И постепенно совсем исправился.

Вариант Остера возможен у тех родителей, которые сами в себя верят и хорошо к себе относятся. Тогда вложенный ими труд в ребенка, забота и любовь видятся как позитивная и самая сильная программа его развития. Если же боитесь, что у вас растет преступник, это первый сигнал того, что вы сами к себе относитесь плохо и не уверены в своих действиях и результатах. А крайним оказывается ребенок.

Если ваши усилия не помогают или ваше собственное состояние слишком тяжело для терапевтических отношений с ребенком, вам поможет консультация и совместная работа с психологом или врачом-психотерапевтом. Причем чаще всего помощь нужна не маленькому отступнику, а запутавшимся в собственном страхе родителям. На Западе есть даже специальные психологические службы помощи родителям, склонным к жестокому обращению с детьми. У нас в стране пока четко проговаривается только проблема оказания помощи жертвам насилия. Видимо, легализация проблемы самих «насилльников» — дело будущего. Родители, у которых есть склонность к слишком крутым разборкам с собственными детьми, имеют право не чувствовать сами себя окончательными преступниками, а понять причины своей непримиримости, найти собственный страх перед жизнью, увидеть его в лицо, а значит, лучше контролировать свою жизненную позицию.

Сказка про мышонка Пика все на ту же тему, одна сказка с таким же названием уже была написана В. Бианки, а это другая сказка про другого мышонка.

Мышонок Пик

Мышонок Пик жил в маленькой темной норке вместе с бабушкой. Он был хорошим мышонком, помогал бабушке, и она очень его любила. Только все равно Пик часто бывал грустным, у него не было друзей, кроме бабушки. Однажды бабушка уехала навестить свою сестру, и Пик пришлось жить в большой норке вместе с другими мышатами. За ними ухаживали большие мышки. Их было много, и никто из них не был похож на его бабушку. Пик совсем тогда расстроился. Друзей у него так и не появилось. Другие мышата были

ему неинтересны. Они приглашали его играть с ними, но он не хотел. Он думал, что все они плохие. Еще он думал, что драться нехорошо, и бедного мышонка били только за то, что он не давал сдачи и все время плакал. Мышата его не понимали и смеялись над ним за то, что он такой плакса. Однажды другой мышонок из этой большой норки, которого звали Носик (потому что у него был длинный носик, которым так удобно залезать в любую щелочку), принес с улицы очень красивую и вкусную бумажку от шоколадной конфеты. На ней еще сохранилось немножко шоколада! Носик спрятал свою добычу в уголок под щепочку, а Пик видел это. Потом он все время думал и думал об этой красивой и вкусной бумажке. В конце концов он не выдержал и потихоньку прокрался в этот уголок, когда его никто не видел, и взял бумажку, спрятал потом под свою щепочку, где уже лежал любимый камешек Пика.

Когда Носик вернулся и проверил свой тайник, бумажки, такой вкусной и красивой, не оказалось на месте! А Носик был уже очень голодный. Он расплакался, хотя и не был плаксой. Уж очень обидно было, что кто-то взял его сокровище. Другие мышата пожалели Носика, а самый умный из них, Головастик (у него была большая, умная голова), сказал:

- Наверное, у нас завелась крыса. Мыши не могут красть друг у друга, только крыса могла это сделать. Надо выследить эту крысу.

Но мышата были еще маленькие и скоро забыли об этом случае. А Пик трясся от страха, что бумажку могут найти, и никак не хотел привыкать к мышатам. Они же к нему привыкли и больше не трогали, они его почти не замечали. Однажды большие мышки принесли в норку много вкусных зернышек пшеницы, и мышата все наелись до отвала. Пик тоже наелся. Немного зернышек осталось, и большие мышки положили их в специальную ямку, на следующий день. Пику очень захотелось съесть самому эти зернышки, и он выбрал момент, когда никого не было рядом, и забрал их почти все.

Забрал, сколько мог утащить в своих лапках. И быстро спрятал в своем тайнике, где уже лежала красивая бумажка и камешек. Утром большие мышки хотели накормить мышат и заглянули в Корку, но там было всего лишь два зернышка.

- Мышата, кто брал отсюда зернышки? - строго спросила мышка Магда Емельевна.

- Мы не знаем, - отвечали мышата. И Пик тоже ответил, что он не знает.

- Наверное, это опять крыса, — сказал умный Головастик.

Магда Емельевна ответила, что не видела здесь никаких крыс и что, наверное, это сделал кто-то из мышат. Пик напугался, но продолжал молчать.

В ту ночь он даже не мог спать от страха. Один раз он потихоньку встал и съел зернышко из своего тайника, и ему стало немного лучше - ведь оно было такое вкусное. И он опять лег спать и уснул. Ночью ему приснилось, что Магда Емельевна нашла его тайник и узнала, что все украл он. Пик. Все остальные мышата набросились на него, и тут он проснулся. На его мордочке были слезы, и он опять дрожал от страха. На самом деле все еще спали, и в норке было тихо-тихо. Но Пик уже не мог уснуть до самого утра.

Утром Магда Емельевна собрала всех мышат и спросила их:

- Что же мы будем делать, ведь среди нас завелся вор?

Тогда Пик не выдержал, заплакал и сказал:

- Это я взял...

И он вернул бумажку Носику и зернышки всем мышатам. Тогда все стали кричать:

- Выгнать его надо из нашей норки, не нужны нам такие, как этот Пик

Но Магда Емельевна строго посмотрела на них и сказала:

- Вы что, сами никогда никого не обманывали или не вели себя очень плохо?

Мышата опустили головы и промолчали. Тогда Магда Емельевна погладила Пика по голове и сказала:

~ Первый раз прощается, второй раз запрещается, а в третий раз — получишь в глаз! На сей раз, Пик, мы тебя прощаем. Постарайся стать честным мышонком.

Пик плакал и обещал постараться стать честным мышонком. Но если уж честно, то не знал как. Ведь ему было все время грустно и скучно. Он все ждал, что к нему вернется бабушка. А потом он немножко подрос и стал играть с мышатами в футбол, заниматься на тренажерах, кататься на велосипеде. Все это ему очень понравилось. А потом он выучился на механика и стал хорошим мастером. И к нему все стали ходить и просить починить разные сложные вещи. И он все это делал с удовольствием. А бабушка? Конечно, она вернулась и забрала Пика к себе домой, и он иногда приходил в гости к мышатам и Магде Емельевне, потому что они были очень хорошие. И Пик тоже.

Это сказка про мальчика Алешу, который в детском коллективе был нечист на руку. Мать очень рано отказалась от его воспитания и передала его бабушке. Отец присутствовал в его жизни почти виртуально. И этот мальчик чувствовал себя очень несчастным, не имея возможности с кем-то поделиться. Но он соглашался заниматься с психологом, причем чем угодно. Для начала мы выучили таблицу умножения, а потом я предложила ему сочинять сказку. Начало сказки у меня уже было, но продолжение мы писали вместе. О его собственном воровстве и обмане мы вообще не говорили. О мышонке говорить было можно. Так появился Пик и Магда Емельевна, которая приняла мышонка под защиту, как оступившегося, но еще не преступившего. Да и кто еще мог бы понять бедного мышонка, как не кающаяся Мария из Магдалы, ставшая в нашей истории по желанию Алешы дочерью известного плута Емели? С этим Алешей потом был запомнившийся мне случай. Однажды у меня пропал аудиодиск в этой группе детей, я их спросила, не взял ли кто случайно, и никто не сознался. Через день-другой Алеша подошел ко мне и молча протянул искомый диск.

— Я его нашел.

Пусть это не было всей правдой, но я была ему очень благодарна за то, что он не предал нашу с ним сказку. А через два-три месяца он действительно играл с мальчишками в футбол. Видно, человек всегда имеет шанс почувствовать себя изнутри.

Кое-что о «марсианах», или Первое предательство

Микеланджело умел извлекать пользу из прожилок и трещин в глыбе мрамора, которую получал для вааяния. Он обращал эти изъяны материала в дополнительный источник красоты.

А. Моруа. Письма незнакомке

Если выдумаете, что повествование будет об инопланетянах, то ошибаетесь ровно наполовину. Потому что чужая душа — потемки, да и в собственной иногда приходится разбираться, как в марсианской. А есть ли какая-нибудь реальность вообще — об этом до сих пор спорят философы и физики. Может быть, это та мозаика, которая создается мозгом из пазлов, специфически пропущенных через наши органы чувств. Ведь есть же дальтоники, которые видят цвета иначе, чем большинство людей. И мы решаем, что видим правильно, простым большинством голосов. А какова истинная картина, узнаем ли мы когда-нибудь? Тем не менее мы это пытаемся делать, и вновь и вновь сталкиваясь с реальностью на ощупь, пытаемся ее разглядеть и расслышать.

У марсиан, кроме их непонятности, есть еще одна особенность, описанная Реем Брэдбери в рассказе, который так и называется «Марсианин». Облик марсиан меняется в соответствии с ожиданиями человека, который их видит. У них есть и свой, от природы присущий им облик, но они слишком слабы, чтобы его удержать, и для них важно быть кем-то любимыми, кому-то нужными. И вот марсианин меняется в соответствии с представлениями человека, в поле влияния которого он попал. Том лежал на спине, закрыв глаза, и никто не сказал бы, спит он или нет. Старик пристально глядел на него, размышляя. «Кто же это, — думал он, — что за создание, жаждущее любви не меньше нас? Кто он и что он — пришел, спасаясь от одиночества, в круг чуждых ему существ, приняв голос и облик людей, которые жили только в нашей памяти, чтобы остаться среди нас и обрести, наконец, свое счастье в нашем признании? С какой он горы, из какой пещеры, отпрыск какого народа, еще населявшего этот мир, когда прилетели ракеты с Земли?» Лафарж покачал головой. Этого не узнать. А так, с какой стороны ни посмотри — он Том, и все тут (Р. Брэдбери. «Марсианин»).

В рассказе марсианин погибает от слишком частых превращений. А в жизни...

На свет появляется ребенок. Чаще всего его долго ждут, представляют в своем воображении девочкой или мальчиком, иногда связывают с ним свои мечты, не сбывшиеся для себя. И вот он появился. Он живет естественной, биологической жизнью, приучая взрослых людей заботиться о себе, понимать свои потребности. Здоровый инстинкт помогает матери без большого ущерба для себя приспособиться к потребностям малыша. Здесь очень важно не пропустить сенситивный период в жизни женщины для ее успешной материнской адаптации. Молодой женщине (до 25-30 лет) гораздо проще быть пластичной и гибкой к потребностям ребенка, чем у более старшей в силу открытой зоны роста в ее физиологической и психической жизни, готовности к изменениям. Имеет значение время появления на свет ребенка в зависимости от начала совместной жизни супругов. Родители, пожившие несколько лет «для себя», с трудом потом перестраиваются на включение в их рай вдвоем долгожданного ребенка. Сложившийся стереотип жизни очень трудно и болезненно поддается изменению. Нередки случаи распада брачного союза после появления младенца. Привычный комфорт закончился. Молодые же родители меньше фантазируют по поводу будущего своего ребенка, их молодого оптимизма и высокого уровня эндорфинов (гормонов радости) хватает для того, чтобы принимать ребенка таким, какой он есть, и не пытаться переделать его природу в соответствии с опытом своих разочарований и потребности в компенсации. Ребенку разочарованных в жизни родителей предстоит нелегкая миссия стать маминной радостью и папиным утешением на старости лет.

— Вспомни, в ту пору я являл собой плачевный результат неверного воспитания. Сын лютеранского священника, а с двенадцати лет — единственное утешение овдовевшей матушки. Да-да, единственное, несмотря на то что она считала себя ревностной христианкой. Мальш Джонни занял и первое, и второе, и третье места, Бог очутился в аутсайдерах. И разумеется, у единственного утешения не было другого выбора, кроме как быть образцовым сыном, первым учеником, неизменным лидером школьных состязаний и продираться сквозь колледж и дальнейшую учебу без единой свободной минутки...

— ...А твоя матушка когда-нибудь говорила тебе, что самый чудесный свадебный подарок, какой юноша может поднести своей суженой, — это его девственность?

— К счастью, нет.

— Так-то, а моя говорила. Причем, опустившись на колени в процессе внеочередной молитвы. Внеочередные молитвы — это был ее конек... Тут она затыкала за пояс даже отца... Хочешь верь, хочешь нет, но в 28 лет я еще берег для будущей невесты свой свадебный подарочек (О. Хаксли. «Гений и богиня»).

Но вот прошел первый год жизни, когда всем было ясно, что ребенок не капризничает, а осуществляет насущные свои потребности. Родители с радостью замечают проблески разума у малыша, и с немалыми основаниями рассчитывают быть понятыми им. Тем более что он уже начинает разговаривать и вроде что-то понимает.

Все прошедшее с момента зачатия время родители и ребенок самым активным образом влияли друг на друга и формировали друг друга. Эрик Эриксон (представитель американской психоаналитической школы) писал, что «семья не может воспитать ребенка, не будучи сама воспитана ребенком». То есть в каком-то смысле мы, вступившие в активное взаимодействие друг с другом — два друга, два любящих человека, ребенок и его родители, даже хозяин и его собака, — становимся марсианами, способными незаметно для себя меняться под влиянием значимого для нас существа. Это может быть гармоничное и гибкое изменение, происходящее по механизму взаимного послушания — в оптимальном варианте. Приведу ниже выдержку из третьей книги космической трилогии К. С. Льюиса «Мерзейшая мощь», где говорится о послушании в супружеских отношениях, но эта модель столь же применима и во всех других отношениях.

— Ах, равенство! — сказал хозяин. — Мы как-нибудь об этом поговорим. Конечно, все мы, падшие люди, должны быть равно ограждены от себялюбия собратьев. Точно так же все мы вынуждены прикрывать наготу, но наше тело ждет того славного дня, когда ему не нужна будет одежда. Равенство — еще не самое главное.

— А я думала — самое, — сказала Джейн. — Ведь люди, в сущности, равны.

— Вы ошибались, — серьезно сказал он. — Именно по сути своей они не равны. Они равны перед законом, и это хорошо. Равенство охраняет их, но не создает. Это — лекарство, а не пища.

— Но ведь в браке...

— Никакого равенства нет, — сказал хозяин. — Когда люди друг в друга влюблены, они о нем и не думают. Не думают и потом. Что общего у брака со свободным союзом? Те, кто вместе радуются чему-то или страдают от чего-то, — союзники; те, кто радуются друг другу и страдают друг от друга, — нет. Разве вы не знаете, как стыдлива дружба? Друг не любит своего друга, ему было бы стыдно.

— А я думала... — начала было Джейн и остановилась.

— Знаю, — сказал хозяин. — Вы не виноваты. Вас не предупредили. Никто никогда не говорил вам, что послушание и смирение необходимы в супружеской любви. Именно в ней нет равенства... Но мы с вами слишком торжественно беседуем. Лучше я покажу вам умилительную и смешную сторону послушания. Вы не боитесь мышей?..

— Видите, — сказал хозяин... Он отломил себе хлеба, налил вина и смахнул крошки на пол. — Теперь сидите тихо, Джейн.

Он вынул из кармана серебряный свисток и тихо просвистел одну ноту. Джейн сидела не шевелясь, пока комната наполнялась весомым молчанием; потом она услышала шорох и увидела, что три толстые мыши прокладывают путь через ворс ковра... Все три сидели на задних лапах, бесшумно подбирая крошки, а когда съели, что могли, хозяин свистнул снова, и они, взмахнув хвостиками, юркнули за ящик для угля.

— Вот, — сказал хозяин, весело глядя на Джейн... — Все очень просто: людям надо убирать крошки, мыши рады убирать их. Тут и ссориться не из-за чего. Видите, послушание — скорее танец, чем палка, особенно когда речь идет о мужчине и женщине; то он ее слушается, то она его. В таких отношениях мы учимся быть гениальными скульпторами друг друга, дорожащими каждым изъяном материала как источником его уникальности. Камнерез Данила из уральских сказов Бажова следовал направлению жилок камня, вырезая чашу или цветок. Только так получалась действительно прекрасная вещь.

Но в полной свободе и взаимопонимании не выросли еще никто, и уж никак не наши родители, воспитанные в режиме тоталитарного государства. Откуда им было знать о том, что можно жить более свободно и самостоятельно, не оглядываясь на каждый шаг и не боясь проронить неосторожное слово, за которое можешь загреметь в места не столь отдаленные. Политические репрессии воспитали целую череду поколений людей, живущих в рабстве у страха, которые научились мимикрии и приспособлению, множеству хитрых социальных масок и, в конце концов, переставали отличать то, что же нужно им самим, от того, что навязало общественное мнение. Особенно досталось женщине. Испокон веку она была несвободной в своем выборе, была своеобразным товаром, покупалась и продавалась. И чем красивее была женщина, тем более желанным товаром для мужчин она была, тем меньше свободы выбора могла реализовать, в конце концов смиряясь со своей ролью красивой и дорогой безделушки и мстя мужчинам своей властью над его страстями.

Не раб ли ты? Тогда ты не можешь быть другом. Не тиран ли ты? Тогда ты не можешь иметь друзей.

Слишком долго в женщине были скрыты раб и тиран. Поэтому женщина не способна еще к дружбе: она знает только любовь.

В любви женщины есть несправедливость и слепота ко всему, чего она не любит. Но и в знаемой любви женщины есть всегда еще внезапность, и молния, и ночь рядом со светом.

Еще не способна женщина к дружбе: женщины все еще кошки и птицы. Или, в лучшем случае, коровы (Ф. Ницше. «Так говорил Заратустра»).

Не будем обижаться на Фридриха Ницше. Он выразил свое мнение, его слова отразили как зеркало, саму жизнь. Кроме того, его собственный опыт общения с женщинами был весьма травматичен. Свою книгу о Заратустре он писал после расставания с обожаемой им Лу Андреас Саломе, женщиной необыкновенной, вызывающе смелой и независимой, всю свою жизнь находившейся в непрестанных поисках своего человеческого и женского призвания.

По-видимому, этот механизм взаимной купли-продажи был для чего-то нужен эволюции. Возможно, он соответствовал

периоду детства человечества, когда выживал самый выносливый в физическом и психическом смысле.

И вот ~ родители хотят воспитать ребенка настоящим человеком или настоящим мужчиной. Или успешным бизнесменом. Наследником Дела твоей жизни. В общем, впихнуть его в прокрустово ложе собственных галлюцинаций о нем. В средние века так растили Квазимодо — уродцев на потеху публике. Маленькими их помещали в глиняный горшок Уродливой формы. Телу было некуда деться, кроме как в свободное пространство. Оно деформировалось и становилось таким, каким его хотел заказчик. Вообще до конца XVIII века отношение к детям было как к неполноценному материалу будущего человека. Низкий уровень развития гигиены, санитарии, медицины не мог обеспечить выживания большинства родившихся детей. Об их смерти не было принято долго горевать. «Бог дал — бог взял» — эта утешительная формула и отсутствие контрацепции помогала женщинам забыться в новом материнстве. И только к началу XIX века появилась детоцентрическая модель воспитания, с признанием большой роли периода детства в жизни будущего взрослого человека и бережным отношением к детям. Если раньше человек, убивший ребенка, по закону карался нестрого (это не приравнивалось к убийству взрослого человека), то сейчас произошли изменения и в законодательном плане. Ребенка признали человеком. Но отрывка старых времен нет-нет да прорывается в нашей жизни. Память предков. «Я тебя породил, я тебя и убью» — так говорил Тарас Бульба. Кстати, еще поколение шестидесятников изучало это произведение и образ Бульбы, как в высшей степени положительный патриотический персонаж.

А ребенку жить надо, да еще не просто жить, а в любви и признании, быть востребованным. И если родители являются сильными личностями, убежденными в том, как жить правильно, а как нет, то ребенку приходится прогибаться под их представления о его правильном развитии, предавать себя, терять свое истинное лицо.

И вот оно — первое предательство. Всем, имеющим детей, известно, как начинают себя вести малыши к трем годам. Большинство из них становятся упрямыми, врединами, они все отрицают, ни на что не соглашаются. «Нет», «не хочу», «не буду», «вы все дурачки» — становятся его главными словами. Как будто дух противоречия вселяется в вашего малыша. Почему это происходит, башковитые психологи уже узнали. Оказывается, приблизительно к трем годам ребенок уже настолько умен, что начинает догадываться об отдельности своего существования от других людей, ощущать свое «Я». Ориентировочно-исследовательский инстинкт заставляет его прощупать границы этой отдельности и зону безопасности. И дальше все зависит соотношения весовых категорий характеров ребенка и его окружения. Кто кого. Если родители намного сильнее, у ребенка развивается внутренний парус, который помогает ему улавливать дуновения настроений родителей и направлять свой корабль к берегу любви и счастья. Вспомните «Приключения Тома Сойера»: У Тома был младший брат, Сид — воплощение идеального ребенка, тетушкино утешение.

Такой побежденный и предавший себя (сам того не зная в свои три года) ребенок внешне может выглядеть спокойным, ненавязчивым, удобным родителям; он нередко уходит в свои фантастические переживания и игры, мультяшную телевизионную жизнь (ведь где-то надо совершать подвиги и побеждать свой страх). Рано поняв, что упрямством и криками от родителей ничего не добьешься, загоняет свой адреналин внутрь, в конституционально слабую часть организма, где и проявляется симптом функциональной болезни — невроза или психосоматического расстройства. Дети привыкают к своим болезням и обычно не производят впечатления несчастных. Природа хранит их социальный оптимизм для продолжения жизни, продолжения рода. По ночам они могут «дуром» кричать, и успокоить их очень трудно. Это бессознательный выплеск той агрессии, на проявление которой днем наложен родительский запрет. Но самые серьезные проблемы возникают не у маленьких, а у подростковых марсиан. Эти дети привыкают жить на оценку. Если поставят пятерку, чувствуют себя хорошо, а если двойку, как бы теряют себя, не желая совмещать свой образ (вслед за родителями) с правом на ошибку, поиск, а значит, развитие.

В общении с другими людьми такие дети перестают ощущать себя («как будто меня нет», «не чувствую себя», «не могу понять, чего хочу»), не могут нащупать собственные желания, строят отношения с другими людьми, точнее, пристраиваются к тем, кто знает, что им надо. Становятся вторичными, приспособленцами, хамелеонами, ждут одобрения, оценки. И только в подростковом кризисе ценой колоссального упрямства, противостояния, ухода в себя, как в кокон, получают шанс обрести себя заново, если не спасуют опять перед внешними обстоятельствами. Впрочем, если зависимость от оценки не проходит через осознание, старые привычки могут вернуться после кризиса отделения себя от детского мира. Накатанная колея как ни терниста, все же привычна и изучена и, что очень важно, предсказуема. Очень много здесь зависит от позиции родителей — заметили они внутреннего, уникального человека в своем ребенке, дали себе труд считаться с его особенной миссией в его собственном, а не их будущем или еще раз размазали его по стенке. Их дети пополняют собой легионы невротиков, завсегдатаев поликлиник и медицинских стационаров, алкоголиков, наркоманов и трудоголиков. Куда-то надо уйти от невыносимой реальности рабства. Не зная и не ценя себя, построить мир, который поддерживает иллюзию жизни, деятельности, в котором ты хоть гость, но желанный. При этом нет настоящего удовлетворения от жизни, нет чувства радости, зато есть чувство кому-то и зачем-то принесенной жертвы. А жизнь проносится мимо, вот уже грохочут последние вагоны поезда твоей жизни. Успеешь ли ты еще вскочить на подножку?

Все драмы нашей жизни были заложены очень давно, в потемках детства, о котором, собственно говоря, ничего и не помнишь, не догадываешься о собственном предательстве самого себя, о той коже хамелеона, которую надел очень

давно и так привык к ней, что уже и не понимаешь, кто ты на самом деле.

Все эти грустные картины взяты из реальной жизни. Снова и снова повторяется судьба ребенка, предавшего себя в три года, отказавшегося от борьбы за себя, от отношений с родителями, ушедшего в мир фантазий, книг, болезней, телевизора. Но куда ни повернешься, все равно к себе вернешься. Как ни убегаешь от столкновений с реальностью, а она тебя снова подводит к зеркалу: на, полюбуйся. И ты опять у своих корней, истоков, рядом с доживающими свой век, так и не заметившими тебя родителями. Или это ты сам так и не дал себе труда, не нашел мужества, не принял ответственность заявить себя истинного, неправильного с точки зрения многих, не разбудил свою мать, Спящую Красавицу, и не решился приподнять забрало шлема закованного в латы отца... Что же мы, взрослые, можем сделать сейчас для себя и того ребенка, который растет рядом с нами? Ведь если во всем повинны наши родители (а и они сами, по меткому высказыванию Луизы Хей, жертвы жертв) и плохое общество, то в чем же смысл нашего личного существования? Ты — марионетка? У тебя есть ниточки, которые ты даже не вручаешь никому, а они достаются тем, кому не лень за них дергать? Или однажды ты обрезаешь нити зависимости (они же ремни безопасности) и с непривычки сначала неловко топчешься, как слон в посудной лавке, постепенно учишься пользоваться своей выхваченной, еще не обеспеченной ответственностью свободой? Не лучше ли вернуться обратно к Караба су-Барабасу в его театр марионеток? Хватит ли у тебя пороку отвечав за свою свободу, не озлобясь на людей, которых раздражают твои не ловкие передвижения по жизни? На самом деле больше вопросов, чем ответов. Я против призывов к свободе. Кто отвечать-то будет? Это дело каждого — решать, что выбрать — свободу или клетку, собственное лицо или марсианское. А к теме разговора такая вот сказка.

Лес Милловзоры

Огромные просторы занимает волшебная страна. Но трудно туда попасть человеку непосвященному. Иной даже не заметит, что в ней побывал. Ну подумаешь, лес, коряга - эка невидаль. А лешего с кикиморой и не заметит. И не распознает мудрой усмешки столетнего дуба, и не поймет, о чем процокала белка и о чем журчал ручей. Вот так. А кто открыт непознанному, неизвестному, все это не пропустит и вернется из волшебной страны с сияющими глазами и ощущением чуда.

Есть в волшебной стране разные места: и луг тюльпанов, и река Забвения, и болото Уныния, и горы Преодоления, и совсем юный лес, не получивший пока имени. В нем хозяйничает Великан. И вопреки многим сказкам про великанов он вовсе не злой и не глупый, а просто очень большой. Он растит этот лес и старается сделать его достойным своих усилий. Но часто лес проявляет своенравие и огорчает Великана.

Лес этот необычен. Он тысячерук и очень подвижен — его ноги-деревья не любят долго стоять на одном месте и умеют прыгать с места на место. Не успеет Великан оглянуться, как от порядка, который он навел, не осталось и следа. Каждого вошедшего в него любопытный лес ощупывает своими руками, а может и подставить ножку - чтобы посмотреть, как смельчак будет лететь и что он сделает после этого: добродушно посетует на собственную неловкость при ходьбе по незнакомому месту или же с громкими проклятиями стукнет по подвернувшейся коряге.

В самом сердце юного леса расположилось небольшое круглое озеро с чистой и прозрачной водой, с зелеными берегами в дивных цветах. И живет в нем прекрасная русалка Милловзора. Ее Великан любит больше всего в этом лесу. Каждый день Великан приходит к озеру полюбоваться на Милловзору сквозь прозрачные воды. Он счастлив, когда ее лицо сияет радостью при виде него. А неподалеку от русалкиного озера зияет черным провалом поющая пещера. Дивными звуками оглашает она иногда лес.

И все было бы отлично в этом лесу, если бы не подземное чудовище, которому Великан не захотел дать имя. Он терпеть не мог это чудовище, и не только потому, что оно было мохнатым, грязным и безобразным. Сидело бы себе спокойно под землей - никто бы и слова не сказал. Так нет - не сидится ему. То в поющей пещере поднимет такой крик и вой, что у великана начинается головная боль, то начнет щекотать деревья за пятки, и те, как безумные, устраивают скачки по всему лесу, ломая тот порядок, который с таким трудом устроил Великан. А надо сказать, что мечтой Великана было сделать из леса английский парк. Аккуратнее английского парка нет ничего на белом свете. Это четкие дорожки без единой травинки. Это аккуратно подстриженные деревья и кусты. И ясное дело, деревья в таком парке не бегают с места на место, а стоят, как их поставили. Так вот, это мерзкое чудовище портило великий план Великана. Конечно, лес рос, и его деревья становились все толще и толще, и все труднее становилось сдвинуть их с места, но чудовищу и не такие задачи были по плечу. Впрочем, Великана оно боялось. Как-то Великану удалось схватить его за хвост и выпороть. От воплей чудовища весь лес замер и съехался, а Милловзора в ужасе забила на дно озера, взмучив его прозрачные воды, и Великан долго после этого не видел свою любимую русалку. Даже когда воды озера вновь обрели свою хрустальную чистоту, Милловзора выглядела какой-то похудевшей, грустной и растерянной. Впрочем, через некоторое время все встало на свои места. Чудовище по-прежнему устраивало свои развеселые представления, только теперь русалка предупреждала его о приближении Великана, и позволяла ему прятаться на дне своего озера. Конечно, озеро при этом становилось мутным, и Великан, как ни старался, ничего не мог разглядеть в его водах. Он только чувствовал, что русалка стала его избегать. Зато дорожки в его парке оставались ровными, и деревья вовремя становились на свои места. Великан задумчиво осматривался. Порядок ему нравился, но радость омрачал вид озера, которое прежде было душой этого леса. Теперь посреди красивого парка расположилась мутная лужа, зараставшая потихоньку болотной ряской. Теперь Великан стал уходить и советоваться с мудрецами, как вернуть лесу его светлую душу - прозрачное озеро с прекрасной и радостной русалкой.

Только Великан уходил, русалка выпускала чудовище из озера. Вода вновь становилась прозрачной, пещера пела и хохотала, деревья приплясывали, а лицо русалки сияло радостью.

Все это кончалось, как только вдали слышались тяжелые шаги Великана. Чудовище быстро зарывалось в ил на дно озера, русалка выплывала, чтобы встретить Великана, но ее испуганное лицо сквозь мутные воды озера не радовало хозяина.

Мудрецы давали Великану разные советы. Одни предлагали усыпить чудовище специальными лекарствами и сонного посадить в клетку. Так Великан и сделал. Но проснувшееся вскоре чудовище так мощно сотрясало стены своей тюрьмы, что землю в лесу рассекли трещины, и деревья в лесу начали падать. Тогда в страхе Великан схватил сонное зелье и начал поливать им чудовище. Чудовище

отплевывалось и содрогалось, сонное зелье попало в лес и на русалку. Теперь спало не только чудовище, но и русалка большую часть времени сонно лежала на дне озера, лениво взбаламучивая дно. Тысячи рук леса вяло обвисли, не стало в них упругости, сочности и острого запаха листвы. В тоске от содеянного Великан освободил чудовище от его клетки и выбросил сонное зелье. Он сидел на берегу, обхватив голову обеими руками, и горестно раскачивался из стороны в сторону. Теперь он не знал, что ему делать. Русалка долго и недоверчиво смотрела на него. А Великан долго и внимательно рассматривал каждую травинку, каждый листик своего взрослеющего леса, вслушивался в тихие шорохи трав и каких-то маленьких животных, в неровное дыхание пробуждающегося монстра. Эти тихие и будничные звуки непонятным образом сообщили ему о том, что сейчас не все зависит от него. Теперь он был согласен уже просто на лес - лишь бы он оставался живым. Он будет ухаживать за ним - вовремя убирать сухостой, расчищать завалы, прореживать молодняк деревьев. И как бы в ответ его мыслям на поляну к нему выскочили ушастые зайцы (они оказались самыми смелыми), осторожно вышла хитрая лиса, слетелись маленькие лесные птички и даже филин, изменив своему ночному образу жизни, спустился к нему на плечо. Миловзора вышла из успокоившихся вод озера, робко прикоснулась к плечу Великана, и ей стало жалко своего могучего хозяина, беспомощно сидевшего сейчас на берегу собственного озера. Она погладила его, нежно и ласково улыбулась ему. И Великан с изумлением и восторгом смотрел на ее светлое лицо. Он чувствовал в ней новую, неизвестную ему силу. Казалось, она знала, что ей делать. Легкой грациозной походкой Миловзора подошла к уже просыпающемуся чудовищу, шепнула что-то ему на ухо, погладила мохнатую голову - и монстр довольно заурчал. Потом она указала своим пальчиком на беспорядок в лесу, повела тонкой бровью и слегка кивнула. Чудовище, преданно пожирая ее глазами, вскочило, расправило свои застывшие члены, встряхнулось. Великану на мгновение стало жутко. Он взглянул на русалку - та была спокойна. Она с любовью смотрела на свое чудовище - и оно мурлыкало под ее светлым взором. Великан перевел свой взгляд на укрощенного монстра. Страха уже не было. Повинуясь почти незаметному движению Миловзоры, чудовище вмиг убрало завалы из сучьев, расширило и углубило уже заросшее немного озеро, взрыхлило землю вокруг деревьев. Потом, мощно выдохнув, сотворило над лесом тяжелую тучу, которая тут же пролилась теплым обильным дождем. А на очистившемся небе над лесом безмолвной красотою воцарилась радуга.

Притихший и оробевший Великан перевел взгляд на русалку, счастливую, гордую.

— Как? — спросил он у Миловзоры, — как ты смогла это?

Русалка недоуменно посмотрела на него и ответила вопросом на вопрос:

— А как ты смог поверить в меня?

И получил лес имя - лес Миловзоры.

Эту сказку я написала после знакомства с одной любящей и очень строгой мамой и ее дочкой, которой приходилось маму обманывать, чтобы не быть опять наказанной. У мамы оказались в наличии и ум, и сердце, она задумалась над своей жизнью. А дочка кое в чем оказалась настоящей кудесницей — другие дети неожиданно для нее самой и мамы искали у нее поддержки и выбирали ее в наших игровых занятиях доброй волшебницей.

- 4 -

Ода «ослам» и папе Карло

Карло выстругал нос — обыкновенный... Вдруг нос сам стал вытягиваться, расти, и получился такой длинный острый нос, что Карло даже крикнул: — Нехорошо, длинен... И начал срезать у носа кончик. Но не тут-то было! Нос вертелся, вывертывался, так и остался — длинным-длинным, любопытным, острым носом.

А. Толстой. Приключения Буратино

В прошлой главе ребенок оказался слабее своих родителей, он сдался на милость победителя. В этой же главе мы увидим ребенка совсем другого склада.

Осел считают очень упрямыми и глупыми. Но еще в детстве из одной книжки я узнала, что это наполовину не так. Осел в определенном смысле очень умное животное, потому что хорошо чувствует меру своих сил и не станет двигаться, если ноша слишком тяжела. В отличие от лошади, которая несет все, что на нее нагрузят, до тех пор, пока ее ноги не подгибаются и она не падает. Осел не позволяет хозяину превышать его возможностей. Есть и такие дети — упрямые как ослы, на которых что попало не нагрузишь. Они доставляют своим родителям, и не только им, много неприятных переживаний.

Вспомним еще раз появление на свет Буратино. Столяр Джузеппе внимательно осматривал полено и прикидывал, что может из него получиться. «Хорошая ножка для стола получится», — рассуждал он. Но полено неожиданно отказалось подчиняться и проявило характер, несвойственный куску дерева. Что было дальше, мы все помним. Характер Буратино оказался просто ужасным, с точки зрения любого родителя, папа Карло и в тюрьму из-за него чуть не

угодил, и без куртки остался, и покой потерял.

Это вам уже не марсианин, готовый изменяться по вашей воле. Это та воля, которая сама сгибает. Как поется в песне Андрея Макаревича «Не стоит прогибаться под изменчивый мир, пусть лучше он про гнется под нас».

Не сразу ребенок проявляет свой норв. Хотя нередко уже внутри мамы такой малыш отличается активностью, подвижностью, так пинает по желудку, печени и прочим внутренним органам, что мама только дух успевает перевести. И у нее уже закрадываются подозрения, что грядет нечто из ряда вон выходящее. Но все это разворачивается на полную катушку, когда ребенок встает на свои нож и и начинает ими пользоваться.

Как вы поняли, это рассказ о детях другого типа, противоположного марсианскому, о тех, чья врожденная сила воля оказывается сильнее своего окружения. Эти дети делают все, что хотят, и не боятся наказаний, и ведут себя после них еще хуже, так что родители быстро усваивают, что этот педагогический подход не работает. Буратино, посаженный Мальвиной в чулан, вместо того чтобы раскаяться, сбежал оттуда и ринулся навстречу «ужасным опасностям и страшным приключениям». Причем родители у таких «ослов-буратино» очень часто марсианского типа, которые в детстве нахлебались родительской власти и теперь их мучают сомнения, а можно ли так поступать с собственными детьми. Я имею в виду тех родителей, которые приходят на консультацию к психологам.

Отношение к поведению таких детей практически у всех взрослых однозначно отрицательное, оно представляет абсолютное зло, которое нужно искоренять.

Давайте посмотрим на этот вопрос с другой стороны — медицинской. Дети-«буратино» обычно мало болеют, гораздо меньше своих тихих и послушных сверстников, которые свои отрицательные эмоции вынуждены напускать на свой же организм. А у «буратино» в одно ухо вошло, ^a в другое — вышло. Он не берет в голову все ваши попытки изменить его. Он реагирует поведением и весь свой адреналин пускает непосредственно в оружие голосовые связки и топающие ноги, а также и во все остальные мышцы. Такой способ реагирования поведением однозначно сберегает физическое и психическое здоровье ребенка. Педагогической задачей становится дать ребенку пример социально приемлемых форм отреагирования своих эмоций. Это я поняла и по собственным детям, этому меня научили многие и многие девочки и мальчики, доставшие своих родителей. И знаете, именно таких детей на самом деле проще понять, поняв, удовлетворить их жизненно важные потребности, потому что способ их общения с миром открыт и честен, хотя и болезненно прямолинеен. Гораздо труднее понять тихого и таинственно-отрешенного «марсианина», укрывшегося в своих мирах. Статистически достоверно (по многочисленным опросам родителей выросших уже детей), что дети-«буратино» доставляют очень много хлопот в первом периоде детства, но при внимательной и ответственной позиции родителей с ними становится легче в подростковом периоде и юности. Получается своего рода парадокс. А пришибленные «марсиане» начинают «отрываться», как только у них прорезается подростковая реакция эмансипации. И если родители не удосужились своевременно посетить внутренний мир своего ребенка и стать там желанным гостем, то получают от своих взрослых детей такие неприятности, о которых даже не подозревали. Ведь в подростковом периоде начинает мощно действовать механизм компенсации, который гармонизирует личность, готовит ее к самостоятельной жизни во взрослом мире. И активные крикуны, попадая в кокон пубертата, нередко приобретают черты вдумчивости, потребности в самоанализе, а робкие и застенчивые вдруг самоутверждаются на сцене, в спорте или в хулиганстве. Такой истории можно было бы дать название «о том, как мышка-норушка превратилась в мышку-нарывушку». Но как же воспитывать ребенка, если вам достался «буратино»? Если мы обратимся к образу папы Карло, то не ошибемся. Сколько бесконечного терпения, понимания и, самое главное, как бы ничем не обоснованной веры в своего ребенка проявлял он постоянно, всегда готовый прийти на помощь сыну, еще не умеющему сдерживать свое слово хорошо себя вести и «быть умненьким и благоразумненьким». Что же помогало папе Карло верить в своего ребенка, не отвергать его, не присоединиться к враждебной глупенькому Буратино части мира? Не то ли глубокое и вряд ли четко осознаваемое убеждение, что если я сделал его своими руками, вложил в него свою душу, то он не может быть плох? Просто нужно время, пока он наберется своего опыта и своего ума, ведь ему жить свою жизнь, и какая она будет, я ведь точно не знаю, да и никто не знает. Так как же я могу решать, что правильно, а что не правильно делает мой сын? Я могу только оберегать его в самые опасные его моменты, так, чтобы он успел их увидеть и взглянуть в глаза своему страху.

А если он ущемляет чьи-то права, не мешать людям сообщать ему об этом. Тогда он поймет, что другим тоже бывает больно. Тогда мы с ним по одну сторону баррикады, и мне не нужно становиться его врагом, его критиком и прокурором, судьей, выносящим приговор. Не лучше ли быть его защитником, адвокатом, принимающим к сведению смягчающие обстоятельства, ведь «преступник» еще так мал и не может нести перед законом и людьми всей ответственности.

Всю полноту ответственности может нести только вполне взрослый человек. На Западе право избирать и быть избранным в органы власти получает гражданин, достигший 21 года, и не раньше. В нашей стране этот рубеж составляет 18 лет, и никак не меньше. Развитие мозга человека, особенно его лобных долей, в которых находятся высшие координирующие поведение центры, заканчивается не ранее 18-19 лет. И до этого можно говорить лишь о постепенном увеличении ответственности за свои проступки. Это, конечно, приблизительно. Есть дети, которые гораздо раньше вынуждены повзрослеть, если их детство оборвала трудная жизнь и необходимость ответственности, ставшей условием

выживания. Есть люди, которые надолго застревают в безоблачном детстве при вполне созревшем мозге — просто потому, что не было особой необходимости повзрослеть, что рядом всегда находились те, кто продолжал принимать на себя ответственность за недорослей. Все дело в чувстве меры и в мужестве видеть реальность. Папа Карло это имеет. Поэтому его сын успешно проходит страшные опасности и находит золотой ключик своей судьбы, своего счастья, не согнувшись и не сломавшись, не притворяясь кем-то другим. Мало того, он способен заражать своей естественностью и других. Рядом с ним чопорная и правильная Мальвина становится отличным товарищем, и ее педантичность оборачивается надежностью и верностью принципам. В трусоватом Пьеро прорезается талантливый сочинитель воодушевляющих стихов:

Пляшут тени по стене
— Ничего не страшно мне.
Лестница пускай крута,
Пусть опасна темнота,
— Все равно подземный путь
Приведет куда-нибудь...

Благодаря папе Карло, который верил в него, Буратино не остался маленьким разрушителем, какими поначалу бывают все дети (им ведь надо испробовать на прочность мир, в который они пришли), а благополучно пройдя этот этап развития, стал готов к созиданию и обновлению этого мира. А это именно то, что отличает человека творческого от преступника.

В данном случае мне наиболее интересна личность папы Карло. Может, конечно, показаться, что в реальной жизни никаких таких пап не бывает. Но в том-то и дело, что их на самом деле достаточно много. Это все те родители, дети которых многого добились в жизни, пошли своим путем, стали интересны другим людям. Спросите хорошенько, как росли эти сегодня такие уважаемые люди. Да часто, как этот самый Буратино или Гадкая Морковка Ирины Цхай. Ее чудесная сказка заслуживает внимания взрослых и очень нравится детям. Гадкой Морковке посчастливилось. На нее набрел дядя Коля, гуляя в лесу. Он заговорил с Морковкой, а она, по обыкновению, начала ему дерзить. Но дядя Коля нисколько не обиделся. А даже наоборот — присел рядышком и стал ее внимательно разглядывать. И пригласил к себе в огород.

Следующий день был необычайно гадким. Солнце палило нещадно, и от пыли дышать было нечем.

Но Гадкая Морковка гордо восседала в толстом бумажном пакете с мокрой землей и думала, что путешествует, как королева.

Они вышли на нужной станции и дошли до высокого дощатого забора.

Морковке вдруг стало страшно:

— Я — гадкая! Увези меня обратно! — запищала она.

— И не подумаю. Я сам гадкий, — ответил дядя Коля и посадил Морковку в большую пышную грядку. И Морковка снова почувствовала себя королевой.

А потом пришла осень. Но Морковку не выкопали из грядки, а оставили на семена. Потому что она оказалась какой-то диковинной морковкой, еще неизвестной науке.

А еще выяснилось, что Морковка вовсе и не гадкая, а просто с характером. У всех знаменитостей непростой характер. За это их и любят.

И папа Карло, и дядя Коля, и многие другие папы и мамы умеют верить в себя, в то, что дело их рук и души может иметь счастливое будущее, они благословляют свое детище на трудную, интересную и самостоятельную, ответственную жизнь. Эти родители не боятся своих детей, они не обижаются на них, потому что чувствуют свою силу и не понаслышке знают жизнь, потому что умеют вместе с ребенком принять ответственность за его неровный путь.

Поэтому если вам повезло (это не ирония) и в вашем доме растет «осел», «буратино» или «гадкая морковка», единственный способ довести их до ума — самому развить в себе взрослое, ответственное и заинтересованное отношение к жизни и своему ребенку. Как это сделать? Для этого есть множество способов. Но первое, что необходимо, — посмотреть на себя со стороны, в зеркала других людей, и этот непрестанный труд наблюдения себя и того, что я делаю, должен стать привычным и необходимым. Тогда вы и обнаружите в себе того, кто может изнутри продолжать проявлять постепенно, как фотоснимок, отпечаток души, и того, кто хочет научиться развить в себе существующие, но еще в зачатке, качества характера. Человек меняется только одним способом — продолжая проявляться своими неизвестными еще сторонами — неизвестными даже себе. И пока он это делает, он продолжает жить.

Однако лирические отступления не всегда помогают в жизни, когда нужно принять быстрое решение. Мамы — люди конкретные, и когда тебя вызывают в школу очередной раз по поводу катастрофического поведения твоего ребенка, нужен четкий образ в голове, который поможет изменить ситуацию к лучшему.

Вы есть лук, из которого ваши дети, как живые стрелы, посылаются вперед. Лучник видит цель на пути бесконечного, и он сбивает вас своим могуществом, чтобы его стрелы летели быстро и далеко (Халил Джигбран. «Пророк»).

Халил Джигбран сравнивает родителя с луком, из которого летят стрелы — его дети. Мне кажется, что родитель —

еще и мост между ребенком и всем остальным миром, мост, по которому идет ребенок в этот мир. Вы же можете стать стеной, пытающейся укрыть ребенка от опасностей мира, стеной, которая помешает ему разглядеть интерес этого мира, стеной, которая внушит представление о враждебности этого мира. Если я иду в школу строить мост отношений, то у моего ребенка есть шанс укорениться в этом мире, понять его и строить его. Если же я иду возводить стену отчуждения...

То есть для начала маме и папе нужно представить себе визуальную картинку того, что они хотят сделать, прочувствовать ее. Мост можно построить только тогда, когда видишь в осуждающем учителе тоже человека, которому, как тебе, может быть больно, который устал от тех трудов, которые вы на себя не взяли бы и в страшном сне. Ведь его задача — целый день управляться с тридцатью гавриками и гаврицами, и каждый с характером. Он может быть в чем-то несправедлив, но так же встретит ребенка и большой мир за пределами школы, потому что школа — это часть большого мира и должна готовить наших детей к реальной жизни, в которой много неудобств. Школьная жизнь — своего рода прививка, тренировка социального иммунитета.

Только вы можете научить ребенка строить мосты понимания и открытий или стены страха и отчуждения. Выбор за вами. Лишь бы не свалить его по привычке на силу обстоятельств. Ода «ослам» подошла к концу. Пожелайте им на ночь стать такими, какими они хотят. И крепко-крепко, нежно-нежно поцелуйте. А потом расскажите им сказку. Вот эту...

Яйцо

Эта сказка-загадка очень нравится детям. Я прочитала ее в одной детской книжке когда-то. Потом она у меня сама собой переделалась и стала вот такой...

Когда-то давным-давно, где-то далеко-далеко лежало яйцо. Неизвестно чье. Одно-одинешенько.

Проходил мимо слон. Удивился, остановился, постучал по скорлупе.

- Кто там?

- Не знаю, - ответили оттуда.

- Можно, я останусь с тобой? А когда вылупишься, станешь большим и сильным, как я.

- Ну давай, - согласились из яйца.

Проходил мимо жираф. Удивился, остановился, постучал по скорлупе и спросил, кто там.

- Не знаю, - ответили из яйца.

- Ну, если не знаешь, будь как я. Когда ты вылупишься, подниму тебя высоко-высоко, откуда легче смотреть на всякие неприятности.

Из яйца согласились.

Скакала мимо обезьяна. Ужасно удивилась, с трудом остановилась и громко постучала в скорлупу.

- Да не знаю, кто я, - сердито крикнули оттуда.

- Ишь ты, - еще больше удивилась обезьяна, - я могу остаться с тобой и научу тебя корчить смешные рожи и прыгать по деревьям.

В яйцо обрадовались.

Ползла мимо черепаха. Увидела целую компанию зверей, сначала спряталась, а потом спросила всех, что они тут делают. И тоже решила остаться - научить малыша прятаться под прочный панцирь, когда убежать будет некуда.

Бежала мимо зебра. Остановилась на полном скаку. Ей тоже захотелось остаться в этой компании. Она предложила тому, кто в яйце:

- Ты увидишь, какая я полосатая. Точно такая, как жизнь. А еще научу тебя на полном скаку преодолевать преграды.

Шел мимо лев. И предложил обитателю яйца:

- А я научу тебя быть царем, хотя бы у себя в голове.

Шла мимо курочка. Увидев бездомное, ничейное яйцо, она заволновалась и попросила у присутствующих разрешения его высидеть. А когда яйцо согрелось, в нем кто-то стал довольно посапывать во сне.

И вот яйцо наконец треснуло, раскололось на две половинки, и из него вылупился... кто бы вы думали?... (далее идут детские версии). А потом - наша.

Ну конечно, белый везучий дракон! Он так быстро рос, что не успели его благодетели оглянуться, как он сгреб их всех в охапку и сказал:

- Ну а теперь, мои маленькие, я сам о вас заботиться буду!

Эта сказка символизирует процесс воспитания — что вложишь в яйцо, то из него и вылупится! Что посеешь, то пожнешь. Доброй ночи всем — и «ослам», и «марсианам».

Современные дети все акселераты. Они начинают отнимать у родителей модельную обувь на три-четыре года раньше, чем прежде. Они вырастают на пятнадцать-двадцать сантиметров выше пап и мам. Многие научные коллективы и отдельные талантливые ученые пытаются открыть тайны акселерации, и даже создано несколько более или менее правдоподобных гипотез. Но тайна не открыта. И только здесь вы сможете получить исчерпывающее объяснение.

Б. Романовский. Великан

В главах об «ослах» и «марсианах» было значимо соотношение «весовых» категорий ребенка и родителя. Характерна позиция родителей — вместо того чтобы уподобиться луку большого Творца, они сами норовят занять его место и пытаются гнуть в дугу детей (воспитательная установка). А те, в свою очередь, занимают активную или пассивную позицию. При этом подразумевалось, что эмоционально ребенок в любом случае значим для родителя, и ребенок пользуется достаточным вниманием. Настоящая глава будет посвящена особенностям развития детей в зависимости от эмоционального отношения к ним своих родителей. Именно в зависимости от этого ребенок чувствует себя большим и сильным или маленьким и ничтожным. Так вырастают «великаны» и «карлики». Не всегда родители действительно готовы иметь ребенка, а делать нечего — он появляется на свет. Кто-то с этим испытанием справляется успешно и принимает свое дитя, для кого-то воспитание становится тяжелой обузой с чувством вины, а кто-то делает из нежеланного дитяти козла отпущения.

И все же всем родителям приятно иметь успешного ребенка, красивого, сильного, умного, с широкой душой, большим сердцем и т. д. Особенно если сам родитель при этом не особенно крупное существо. А вот от чего это зависит, знают не все. И всегда ли это хорошо. Попробуем попытаться найти некоторые ответы доступными нам способами.

Прежде чем мы рассмотрим вплотную эту тему как прикладную к нашей жизни, хочу сделать экскурс в мифологию. У всех народов были свои мифы о великанах — титаны Древней Греции, йотуны (турсы) Скандинавии и т. п. Нет смысла перечислять все их названия. Так и карлики присутствовали в культурной жизни всех народов. И конечно, эти персонажи очень существенно отличались друг от друга, настолько, что прямые контакты между ними были редкостью. Обычно те и другие общались с миром людей и миром богов. У скандинавов мир йотунов окружал средний мир людей, Мидгард, гранича с бескрайней Вселенной, мировой бездной. Великаны олицетворяли стихийные силы природы, ее мощь и неукротимость, ее исконную инстинктивную мудрость. Они постоянно испытывали мир людей на прочность, находясь с ним в регулярном противостоянии. Люди должны были поддерживать себя в хорошей форме, чтобы с помощью своих богов удерживать границы обитаемого мира. Описывается много историй, в которых люди и антропоморфные боги обманывают прямолинейных и простоватых детей дикой природы, которым не нужно быть хитрыми, потому что они сильны. Греческий миф описывает приключения Одиссея в пещере одноглазого великана, циклопа. Великан запер Одиссея в пещере вместе с овцами, чтобы съесть его. Хитрый Одиссей ослепил его, ткнув факелом в глаз, а сам спрятался под одного из баранов. Слепой великан на ощупь выпускал свое стадо из пещеры, и вместо Одиссея нащупал спину барана. Так Одиссей провел великана и спасся.

Совсем другие по характеру карлики, в скандинавской мифологии — Цверги или темные альвы. Они живут под землей, замкнуты там, лишены возможности свободных передвижений, боятся солнечного света, от которого могут окаменеть. И они замечательные мастеровые. Все прекрасные вещи, которыми обладают скандинавские боги — копьё Гунг-нир Одина, ожерелье Брисингамен богини любви и красоты Фрейи, золотой вепрь бога Фрейра, чудесный корабль Бальдра, — все это изготовили темные, сидящие под землей карлики. Они проявляют чудеса творческого порыва, не имея возможности совершать подвиги освоения мира. В силу своей слабости они отличаются коварством и хитростью. В скандинавских сказаниях описывается история о меде Поэзии, его происхождении и судьбе. Когда-то существовал самый мудрый на свете человек по имени Квасир. Он был способен ответить на любой вопрос. Два карлика — Фьялар и Галар заманили его к себе и убили. Его кровь они смешали с медом в трех котлах, один из которых назывался Одрерир, что значит вызывающий движение духа. Так получился мед Поэзии, выпив который любой становился мудрым и творческим. Карлики какое-то время обладали этим чудесным медом, но потом убили двух великанов и были вынуждены отдать мед Поэзии их сыну, который грозил им смертью. А у великанов хитростью его умыкнул сам бог-Все-отец скандинавов, Один.

Близки к карликам гномы. Вот как их описывает Х. Л. Борхес в своей «Книге вымышленных существ». «Гномы более древние, чем их название; оно — греческое, но греческие классики его не знали, ибо возникло оно в XVI веке. Этимологи приписывают его изобретение швейцарскому алхимику Парацельсу, в чьих трудах оно появляется впервые. Гномы — духи земли и гор. Народная фантазия представляет их в виде бородатых карликов с грубыми и смешными чертами лица; одеты они в узкие коричневые кафтанчики и монашеские капюшоны. Подобно грифам эллинских и восточных поверий и германским драконам, их обязанность — охранять потаенные сокровища. «Гноносис» на греческом — «знание»; есть гипотеза, что Парацельс изобрел слово «гном», потому что гномы знают и могут открыть человеку точное местонахождение скрытых в земле металлов».

К карликам и гномам близок по своей сущности греческий Гефест — некрасивый и хромой, зато очень искусный бог, обитатель и работник подземных кузниц-вулканов. Его римский аналог так и зовется — Вулкан. В нашем славянском фольклоре характерный персонаж подобного типа — Данила-мастер из уральских сказок Бажова. Камнерез Данила — настоящий волшебник, извлекающий из камня цветы и чудесной красоты вещи, в конце концов он покидает мир людей и

уходит к Хозяйке Медной Горы. Большого труда потом стоит его любящей жене вернуть Данилу на землю.
А теперь вернемся к сказке Б. Романовского «Великан».

Дело в том, что современные родители не бьют детей. То есть не шлепают, не хлещут, не секут, не порют, не лупят, не задают трепок, не награждают подзатыльниками, затрещинами, пинками и зуботычинами. Мало того, они не ставят своих чад на горюх, в угол «зубами к стенке», не запирают в темные чуланы. Нашкодивших опрысков не лишают даже сладкого — сахар нужен для нормального умственного развития. Ивовые прутья, поясные ремни, палки, трости, уполовники, кухонные полотенца и электрические шнуры вместе с арапниками и семихвостыми плепками выпали из воспитательного процесса и употребляются ныне только по прямому назначению. Все это привело к тому, что из жизни ребенка ушли почти все отрицательные эмоции, дети не имеют никаких комплексов, кроме комплекса своей значительности. Самосознание детей растет, а вместе с ним растут их неугнетаемые тела. Если бы от них не требовали «бороться за оценки» (этим термином заменено устарелое «прилично учиться») они вырастали бы еще больше (Б. Романовский. «Великан»).

В этой сказке в такой несерьезной форме содержится попытка дать ответ на вопрос о факторе развития: что же нужно детям для хорошего роста? Б. Романовский дает ответ: любовь и внимание. С точки зрения педагогической науки это соответствует детоцентрической модели воспитания, в которой целью воспитания признается полноценное и гармоничное развитие личности самого ребенка в его наиболее оптимальном варианте. Вы можете спросить: а как же может быть иначе? Еще как может. Мы об этом уже читали. С открытиями Луи Пастера и развитием фармакологии шансы на выживание больших и маленьких человечков значительно возросли. Может быть, отчасти в силу этого стало меняться самосознание родителей. Детьми стали дорожить, признавать самостоятельную ценность их личности. Социальным приматом стала личность, психика, а не только физические возможности ребенка. Мы должны вспомнить о том, что во времена античности, том самом осевом времени, которое ознаменовалось пышным расцветом культуры, науки и искусства, представления о ребенке как о существе, наделенном полноценной душой, по-видимому, не существовало. В древней Спарте, по некоторым источникам, детей при рождении осматривали старейшины и неполноценных в физическом отношении обрекали на смерть. И. Кон^в своей книге «Этнография родительства» приводит такие факты: «Отец медицины Гиппократ и родоначальник гинекологии Соран Эфесский деловито обсуждают вопрос о том, какие именно новорожденные заслуживают того, чтобы их выращивали. Аристотель считает вполне справедливым и разумным закон, что ни одного калеку-ребенка кормить не следует. Цицерон писал, что смерть ребенка нужно переносить «со спокойной душой», а Сенека считал разумным топить слабых и уродливых младенцев. Маленькие дети не вызывают у античных авторов чувства умиления, их большей частью просто не замечают. Ребенок рассматривается как низшее существо, он в буквальном смысле слова принадлежит родителям, как прочая собственность».

И если мы будем относиться с душевным возмущением к такой позиции родителей, то вряд ли будем вполне правы. Такова была суровая, но реальная действительность тех веков — примитивная евгеника, попытки искусственного отбора людей для улучшения породы племени, которое должно было выстоять в междоусобной борьбе с соседями и утвердить свои права на власть и достаток. Инфантицид, безнаказанное убийство ненужного ребенка — вот что было законом того времени. Ребенок был почти бесправен, выживали сильнейшие и самые здоровые носители наследственности. А духовная жизнь и изящные искусства были прерогативой элиты, к которой относилось зрелое население.

И вот теперь эпоха расцвета детоцентризма, даже можно сказать, детского эгоцентризма. В семьях нередко холят и лелеют единственного ребенка, которому достается вся любовь не только папы и мамы, но еще и бабушек и дедушек с обеих сторон.

В условиях новой морали реставрация диких принципов средневековья в отдельно взятой семье выглядит шокирующей. Эрве Базен в своей трилогии «Семья Резо» описывает историю домашней тирании и диктата матери семейства (которую дети тайно прозвали Психиморой), не испытывающей к своим отпрыскам обычного материнского чувства, а подменяющей его суровой армейской дисциплиной. Они даже физически не растут, не получая элементарных «витаминов» роста — материнской любви или хотя бы симпатии. «Жизнь в вашем доме, полная благочестия и вероломства, снова пошла своим чередом. Мы росли туго. Мы как будто не смели увеличиться в росте. Психимора измеряла его каждые три месяца, пользуясь для этого, можно сказать, исторической планкой, на которой рост всех отпрысков Резо отмечался карандашной чертой с указанием имени и даты измерения. Но тщетно. Вероятно, мы нашли трюк, противоположный изобретению новобранцев наполеоновской гвардии, которые засовывали в носки колоду карт, желая достигнуть требуемого роста».

Дети, которые лишены факторов роста, как и растения, лишенные достаточного количества солнечного света и влаги, хорошо удобренной почвы, не могут полноценно расти во всех смыслах. Дети в современных социальных приютах чаще всего отличаются недостатком роста в частности и физического развития в целом. Высокий рост воспитанника детского дома или приюта скорее исключение, чем правило. Для человека нужны свои аналоги света, влаги, удобрений. Хороший садовник знает, когда и в каком количестве все это нужно растению. Хороший воспитатель тоже это знает. Плохой же воспитатель подобен камню, лежащему над пытающимся пробиться из земли росточком, закрывающему ему доступ света. Но приходит время, камень убирает с пути большая, чем он, сила. Психимора болеет и старится, а ее дети развиваются подобно уродливо деформированным растениям, вымахав вверх в благоприятствующий момент, но, по сути дела, оставшись теми же духовными карликами.

В сказке на метафорическом языке нам рассказано, как получаются нормальные люди. Есть риск раскормить в детстве дитя любовью. Но если любовь истинная, то великан-перекормыш будет способен и сам к такой любви. Испытания отнимут у него все лишнее, все его бутафорские сантиметры, килограммы и атрибуты исключительности. Способность испытывать человеческие чувства — любовь, преданность, верность — вернет то, что действительно необходимо для жизни.

Испытания, которые прошел Афанасий, соответствуют воинской инициации архаичных культур, о которых вы уже читали. От которых у нас сейчас остались рожки да ножки в основном в криминальном и полукриминальном варианте практик «дикого» поля социума. Это армия и «зона» с их дедовщиной, дворовые «стрелки», в которых перестало работать правило «до первой крови», тяжелый рок, экстремальные виды спорта, психоделические практики молодежных культур («травка», грибы, ЛСД). Отражение древних инициатических ритуалов заметно в движении толкинистов, содержании их ролевых игр. Недавно появились танцы с факелами, также требующие определенного бесстрашия от его исполнителей. Беготня детей по подвалам и другим страшным местам, катание на тарзанке, рассказывание друг другу страшных историй, просмотр «жестоких» мультиков, кровавые компьютерные игры — также являются элементами инициатической культуры, преследуют цель прохождения барьера между детскими состояниями великанов и карликов и взрослым миром естественного роста. Эту же функцию выполняют и жестокий сказочный фольклор, в котором кого-то съедают, отрубает голову, разрубает на части. Это, в частности, сказки о Теремке, Колобке, песенка о зеленом кузнечике и срубленной в лесу елочке, которая на праздник к нам пришла. На самом деле все эти жестокости — символическая форма трансформации, превращения в качественно новое существо, для чего необходима символическая (психическая) смерть существа предшествующего. Выглядит это всегда как разрушение — рождение ли это ребенка, выход птенца из яйца или бабочки из куколки.

Что может сделать инициация с нереализованными в творчестве «карликами», мы узнаем из следующей главы.

-4-

Такого в театре еще не бывало

В театре такое сегодня впервые! Все куклы сегодня живые...

Из песни «Кукольный театр» панк-рок группы «Король и шут»

Наши дети растут у нас на глазах. И поначалу как будто нам все про них ясно и очевидно. И вдруг происходит нечто, опрокидывающее все наши представления о детях и детстве. Существо, еще вчера казавшееся зависимым и покорным, вдруг показывает острые и небезопасные зубы. На телеэкране мелькают совсем молодые лица насильников и убийц. «Вчерашние дети», — мелькает потрясающая мысль. Еще недавно их легко можно было поставить на место, подчинить своей воле. Просто не заметить, сорвать на них свое плохое настроение, выместить на них обиды, нанесенные другими людьми.

Э п и з о д о д е р в ы й . Старшеклассник «заказал» свою мать ровесникам. Нет смысла упоминать о подробностях расправы и размере заплаченной заказчиком суммы. Семья оказалась материально обеспеченной и вполне «благополучной». Благополучной, то есть до свершившейся трагедии ничто внешне не вызывало особого беспокойства. Семья, как многие другие. «Заказ» был выполнен. Когда подростка взяли, он объяснил, что сначала хотел сам ее убить, но потом решил заказать. Почему он это сделал? Да она без конца что-то требовала от него. Как и во многих других семьях, между прочим. Может быть, этот мальчик психически ненормален, а как же тогда исполнители заказа-приговора? Они что же того? Или это особое отношение к жизни вообще, к чужой и собственной? Ведь психологами доказано, что разрушение и саморазрушение есть палка о двух концах. И нет садизма или мазохизма в чистом виде, а существует как бинарный феномен садомазохизм. И нередко жертвы насилия сами со временем проявляют садистические наклонности. Во всяком случае, некоторые следователи в милиции предупреждают об этом родителей изнасилованных детей. Насилие порождает насилие, и только его — над кем-то или над самими собой, если есть внутренний запрет на насилие внешнее.

Теперь немного истории. В своем дневнике Ф. М. Достоевский описывает случай в гимназии. Повесился мальчик-подросток — прямо в классной комнате, где находился, будучи наказанным за что-то. Это был его день рождения. Там же Достоевский анализирует этот случай с точки зрения причины и вспоминает другой случай, описанный Л. Н. Толстым в его «Детстве». Николенька сидит под домашним арестом и представляет себе, каково будет его мучителям, если он умрет сейчас. Он упивается своей фантазией и ничего в этом роде практически не предпринимает. Дальше Достоевский пишет о том, что эти два события происходили в разные периоды истории: Николенька жил еще в то время, когда были прочны устои

общественной жизни и незыблема вера в Бога. Наложить на себя руки значило совершить большой грех. А время Достоевского уже отличалось расшатыванием прежних устоев, традиций и веры. Время раскола, эпоха перемен. Вот и сейчас у нас эпоха перемен, и дети не защищены верой, традициями и твердыми моральными устоями. Как, впрочем, и мы, их родители, взрослые, находящиеся рядом. Но у них, то есть у подростков, еще и возраст максимализма, накала эмоций, напряженности инстинктивной жизни, и пока отсутствует опыт управления внезапно обретенным хозяйством. А если еще они слишком долго находились в положении марионетки в руках требовательного кукольника, чувствовали себя бесправными карликами...

Эпизод второй. О том, чем они дышат, что питает их юные умы. Часть подростков 12-16 лет подвержены увлечению хард- и панк-роком, имеющими среди взрослого населения самую скверную репутацию. Это касается как «домашних» детей, так и живущих в детских домах. Вот некоторые из текстов песен, популярных среди подростков.

«Кукольный театр» (группа «Король и шут», сокращенно КиШ):

В кукольный театр

Всех карлик приглашал:

«Кто вечером придет,

Тот со смеху умрет!

Будет вам очень, очень хорошо,

Деньги не жалея, богатым!

Вечер смеха и страстей!»

Выбежал на сцену плюшевый пингвин,

И тонким голоском он громко завопил:

«Гады все, кто здесь сейчас сидит!

На всех я вас зачем-то

Просто так сердит!»

В театре такое впервые,

В театре такое сегодня впервые! ^

Все куклы сегодня живые,

Все куклы сегодня, сегодня живые!

Волк на сцену вышел, песенку запел

Про то, как он недавно полдеревни съел.

А следом вышла девушка в одних трусах...

И на части разорвалась у всех на глазах.

В театре такое впервые...

А вот на сцену выбежал крутой ковбой.

Ползала расстрелял, потом покончил с собой.

Ужасный заяц громко прокричал: «Пожар!»

И, бросив факел в зал, со сцены убежал.

В театре такое впервые...

Заводят подростков грустные и трагические нотки Виктора Цоя. Да, **Цой для** них по-прежнему жив, потому что чрезвычайно созвучен затерявшемуся в огромном мире подростку.

Папа (Мне все равно)

Мне все равно работать где и кем,

Мне все равно когда и что я ем,

Мне все равно проснусь я или нет.

А мне еще только двадцать лет.

Папа, твой сын никем не хочет быть.

Папа, твой сын никем не хочет быть.

Папа, твой сын никем не хочет быть.

Папа, твой сын никем не хочет быть.

Дерево

Я знаю — мое дерево не проживет и недели

Я знаю — мое дерево в этом городе обречено,

Но я все свое время провожу рядом с ним.

Мне все другие дела надоели.

Мне кажется, что это мой дом.

Мне кажется, что это мой друг.

Я посадил дерево.

Я посадил дерево.

Я знаю — мое дерево, может, завтра сломает школьник.
Я знаю — мое дерево скоро оставит меня.
Но, пока оно есть, я всегда рядом с ним.
Мне с ним радостно, мне с ним больно.
Мне кажется, что это мой мир.
Мне кажется, что это мой сын.
Я посадил дерево.
Я посадил дерево.

Мы хотим танцевать

Наше сердце работает, как новый мотор,
Мы в четырнадцать лет знаем все, что нам надо знать,
И мы будем делать все, что мы захотим,
Пока вы не утробили весь этот Мир.
В нас еще до рождения наделали дыр,
И где тот портной, что сможет их залатать?
Что с того, что мы немного того,
Что с того, что мы хотим танцевать?
Наше сердце работает, как новый мотор,
Почему и чего мы еще должны ждать,
И мы будем делать все, что мы захотим,
А сейчас, сейчас мы хотим танцевать.
Мы хотим танцевать.

Читайте, о родители, читайте внимательно эти тексты! Это написано юными и для юных, это написано об их жизни, такой, какой они ее воспринимают и переживают. Могут ли эти слова стимулировать скрытые проявления агрессии, настраивать детей на открытый и разрушительный протест? Или потребность в такого рода протесте порождает эти тексты, которые служат социально безопасным эквивалентом настоящего разрушения? Где лошадь и где телега? Вернемся к этому вопросу несколько позже.

Э п и з о д т р е т и й . Из признания одной женщины, мамы двенадцатилетнего подростка, который слушает хард-рок и плохо ведет себя в школе. Ее саму воспитывали в очень большой строгости. Она старшая дочка в семье, а любили всегда младшую. С нее же строго спрашивали и не разрешали ходить на дискотеки и на улицу после девяти. Когда ей исполнилось лет шестнадцать, она взбунтовалась и без разрешения пошла на танцы. Ее выдрали после возвращения, но осталось все же ощущение победы. Ее любимой музыкой того периода были песни Виктора Цоя. Теперь же она сама и ее муж воспитывают сына в ежовых рукавицах, пытаются вызвать в его душе близость к Богу, но сын слушает рок и врет родителям про то, что в школе все было нормально. Он не хочет лишней раз их расстраивать. Родители в растерянности. Страшно упустить подростка — не дай бог попадет в дурную компанию, сядет на иглу. И страшно, что растет непонятым, с тайной внутренней жизнью. Как быть маме? Как быть его отцу с большим личным хулиганским стажем? Страшно. Ведь вокруг столько зла... Родители — раскаянные малефики, сломавшиеся в застенках инквизиции. "Теперь в застенке их сын, а засовы запирают сами родители.

Что ж, пора перейти к признаниям любимых авторов юных. Тексты Виктора Цоя — это сплошные признания. Это рассказ о жизни, о чувстве потерянности в этом мире. И эти рассказы очень верно отражают тот этап в жизни любого человека, который уже покинул уютный мир детства и принял решение туда не возвращаться, а нового мира еще не создал. Того мира, который отвечал бы его потребностям и представлениям о том, что такое «хорошо». А жить в мире, созданном кем-то для себя, он не хочет. Период, когда нет своего мира, своего дома. И есть только чувство неприкаянности, бездомности, тотальный протест против всего существующего, всего прежнего, против родителей, школы, правил, приличий, законов. Потому что закон эволюции, диалектики — это изменения, прогресс, единство и борьба противоположностей, отрицание отрицания, переход количественных изменений в качественные. И качество этих изменений находится в прямой связи с условиями изменения.

Группа «Рамштайн», Германия. «Что делает человек, которого нельзя отличить от зверя? Он пойдет к своей дочери, которая прекрасна и молода, и как собака вцепится в нее своим мясом и кровью. Что ты делаешь? Что ты чувствуешь? Кто ты? Всего лишь зверь». Когда вокалиста и автора текстов Тилля Линдемманна спросили, что он вкладывал в эти слова, он ответил: «Животные спариваются друг с другом, и в этом нет инцеста в нашем человеческом понимании, любая самка после "этого" У животных не становится больной. Но маленькая девочка, которой отец говорит, что она держит неправильно столовый прибор или получила плохую оценку в школе, становится психически больной, если этот "отец" ее насилует. Если кто-то измывается над детьми, это противно, но если кто-либо ночью крадется в комнату к собственной дочери, то у меня в голове лишь одно: "Ты же зверь"».

Мои тексты возникают из чувств и из мечтаний, но все же больше от боли, нежели по желанию. Мне часто снятся кошмары, и я просыпаюсь ночью весь в поту, так как я вижу во сне жуткие кровавые сцены. Мои тексты — своего рода вентиль для лавы чувств

в моей душе. Мы все с трудом пытаемся скрыться за благовоспитанностью и внешними приличиями, а на самом деле нами управляют инстинкты и чувства: голод, жажда, ужас, ненависть, жажда власти, секс и т. д. Конечно, есть еще дополнительная энергия в нас — это любовь. Без нее все человеческие ощущения утасли бы. Порыв и негативные чувства особенно опасны, если они зажимаются в сознании и подавляются. Мои тексты могут выйти на свет... (Гилль Линдемманн).

Сегодня я вижу мальчишек и девчонок, которые слушают рок, слушаю их музыку («Король и шут», «Арию», *Rammstein*, *Nightwish*, Зем-фиру и Виктора Цоя, «Фактор-2»), читаю впервые в жизни тексты этих песен; и испытываю сначала страх перед той мощной стихией разрушения, которая свободно изливается в словах и ритмах. Потом начинаю понимать, что только вот так можно что-то понять об их жизни, о том мире, который они сейчас разрушают на наших глазах, о том мире, который зарождается в недрах этого разрушения и хозяевами которого они станут завтра.

Я знаю, что эти строчки сейчас не читает тот, кто подобен зверю и насилует свое дитя, кто походя вымещает на нем все свое ужасное настроение, кто равнодушен к нему или выпал на социальное дно. Эти строчки может прочитать человек, похожий на меня: любящий своих детей, но при этом занятый работой и прочими положенными кем-то вещами, стремящийся уйти от неприятных переживаний в мир книжных, телевизионных или компьютерных грез, мучимый ксенофобией — нового мира, новых идей, людей, собственных детей. Человек, безумно жаждущий свободы и одновременно ее страшась, потому что свобода предполагает ответственность за все, что ты делаешь. Человек, который однажды понимает, до какой степени марионеточной была его собственная жизнь, и как он превращает собственных детей в персонажей кукольного театра, и как однажды куклы оживают в силу закона природы. Если это происходит вовремя, то перед нами сюжет «Дюймовочки», в котором никто не пострадал, и девочка неторопливо и верно находит свою судьбу. И жаба, и крот, и хозяйственная мышь — все они были движимы самыми лучшими побуждениями и на свой лад желали Дюймовочке добра, но она чувствовала, что ее судьба должна быть иной, и терпеливо и настойчиво искала свой путь, пока не нашла свою стаю. Как и гадкий утенок, чья история более грустная, но путь все же оказался своевременным. Это иллюстрация удавшегося бунта примерно трехлетнего ребенка.

Следующий сюжет вполне своевременных, но более разрушительных изменений содержит история Золотого ключика и мальчика по имени Буратино (он мне больше известен, чем его прототип — Пиноккио). Героям этого сюжета — куклам — в переводе на нормальный человеческий возраст, примерно семь-восемь лет. Кстати сказать, Буратино идет в школу, что вполне соответствует этому возрасту. У них уже куда больше возможностей для борьбы с угнетателями, в число которых попадает даже добрейший папа Карло (угнетатель по сценарию, просто потому что детям время пришло освободиться). Зло наказано не очень строго — в пруду с тиной искупался Дуремар (а ему и так не впервой), без кукол и театра оказался директор Карабас-Барабас. Пока не обзавелся новыми простачками. А куклы сами стали хозяевами собственного театра.

Это бескровные варианты, потому что своевременные. Если Карабас или Крот оказываются слишком сильными, если марионетки не могут отстоять необходимую себе степень свободы вовремя, и растущая пружина остается в рамках первоначального объема, то в следующий пери-ад трансформации — подростковый, может последовать катастрофа, взрыв, вылет освободившейся пружины. Можно еще раз перечитать текст «Кукольного театра» КиШа, вспомнить карликов, убивающих великанов.

Мальчик, слушающий рок, вызывает у меня опасение только в том случае, если он никому не нужен, не защищен ничьей любовью и уважением, никем не замечен и никому не дорог. Вся подростковая субкультура (рок, хип-хоп) построена на символическом воплощении силы, потребности в разрушении старого, отжившего свое, и зарождении нового, кем еще не виданного. И символический ее характер — залог того, °. испытав сильные эмоции в экстазе восприятия и переживания элементов этой культуры, человек не пойдет ломать и крушить все подряд, искусство послужит для него формой разрядки накопленного напряжения, громоотводом. Нам не отплевываться надо от музыки, стихов и танцев подростков, а попытаться хоть что-нибудь понять о них и заодно о себе. Что касается длительности увлечения роком — у большинства оно проходит, как детская болезнь, годам к шестнадцати. Даже обидно читать в интернет-форумах, что КиШ — отстой (пишут, похоже, бывшие фанаты). И все в таком духе. Просто КиШ теперь слушают другие девчонки и мальчишки, которым он сейчас позарез нужен, которым нужно по-человечески и как можно безопаснее пройти испытание ненавистью к старому, гниющему и хватающему их за ноги миру.

Слушание рока — лекарство, может быть, даже панацея от искушения реализационным злом? Есть искушение так думать. Однако нет в жизни универсальных лекарств и средств решения всех проблем сразу. Это лишь один из вариантов. Причем такой естественный, что никакие взрослые запреты не помогают, рок существует как проявление стихии, как естественно-культурный феномен. Но так ли это?

Здесь необходимо еще раз обратиться к истории. В ней есть объяснения всем проявлениям настоящего. Что напоминает современная рок-культура? А напоминает она своими проявлениями и эффектами античные мистерии, посвященные Дионису и Деметре, в ходе которых люди испытывали измененное состояние сознания, входили в экстаз и переживали внутреннюю трансформацию, практически равнозначную появлению на свет нового человека, как бы вырвавшегося из старой, ставшей слишком маленькой, оболочки. Древняя традиция воспитания носила, как мы уже читали, инициатический характер, то есть при переходе в новый социальный и духовный статус человек должен был пройти через посвящение, ритуалы испытаний и сверхсильных переживаний. Эти ритуалы всегда означали символическую смерть старого человека и рождение нового. Смерть, разрушение были содержанием римских и средневековых европейских

карнавалов. Изначальные римские карнавалы назывались сатурналиями и были посвящены богу умирающего зерна, Сатурну (в греческой мифологии — Уран).

Мифология древних греков старше и изначальное по отношению к римской, потому рассказ об Уране и его сыне Кроносе поможет нам понять содержание сатурналий. Наиболее известен миф о сотворении мира из «Теогонии» Гесиода. У Геи-Земли и Урана-Небо было множество детей — титанов, в том числе и Кронос, которого впоследствии стали иногда называть Хроносом (что значит «время»). Уран хоронил своих детей-титанов в теле матери-Геи, не давал им жить. Гея дала Кроносу серп, и тот оскопил своего отца, бросив его гениталии в океан. Так был низвержен Уран, так воцарился Кронос, а из брошенного в море семени Урана и пены морской возникла богиня любви Афродита. Кронос женился на своей сестре Рее, и у них было множество детей. Он проглотил их сразу после рождения, так как, по пророчеству, один из них должен был его погубить. Так он поглотил Деметру, Посейдона, Гестию, Гадеса, Геру. А вместо новорожденного Зевса отчаявшаяся мать поднесла супругу запеленутый камень, который Кронос и проглотил. Зевса вырастили на острове нимфы, вскормила своим молоком чудесная коза Амал-фея. Когда Зевс вырос, он восстал против своего родителя и низверг его.

Таким образом в этом мифе греки в символической форме отразили закон диалектики «отрицания отрицания», согласно которому новое свергает старое, в свое время уступая дорогу следующему новому. Кронос срезает колос своего отца, чтобы освободить его семья, чтобы расти самому. Но история повторяется, и однажды сам Кронос оказывается препятствием на пути прогресса. В элевсинских мистериях, посвященных Деметре, богине плодородия, одно из центральных ритуалов было срезание колоса в полной тишине и предъявление его зрителям. Это символизировало цикличность жизни и смерти: смерть колоса дает жизнь зерну, а смерть зерна дает жизнь колосу. И так до бесконечности...

Рождение взрослого с этой точки зрения означает смерть ребенка. В римских сатурналиях выбирали на время праздника короля дураков, шута, который все опрокидывал вверх дном. Это было буйство детства, его беспредел: господа прислуживали рабам, осквернялись храмы, допускалось все, что было весь год запретным. В конце сатурналии короля дураков убивали, и порядок возобновлялся. Возникал новый этап жизни, освеженной радикальной переменой. В русской традиции героем ярмарок и балаганов был Петрушка. В кукольных спектаклях с его участием, как правило, после подвигов Петрушки, в которых он лупил представителей власти и совершал другие подобные подвиги, нечистая сила утаскивала его в ад. Фактор перемен, трансформации, в мифологической традиции именуемый трикстером (что значит «плут», «трюкач»), сыграв свою революционную роль и запустив процесс изменений, покидает подмостки, умирает (на какое-то время, пока он вновь не понадобится).

Рок-музыка несет то же революционное, всеоключающее действие, какое же ощущение безумного карнавала, смены личин, беспредела. Такое разрушает оболочки зерна человека бывшего, давая жизнь росту коса нового, взрослого человека. И делает это в символической форме, чтобы подростку не нужно было реально убивать своих реальных родителей. В этом и есть один из смыслов традиционной и современной культуры, как условия становления человека духовного.

В театре такое сегодня впервые!
Все куклы сегодня живые,
Все куклы сегодня, сегодня живые!

В заключение хочу сказать несколько слов о родителях, которые чувствуют себя недостаточно любящими своих детей, не находят в своем сердце того тепла, которое помогает детям расти как в физическом, так и в душевном плане. У этих людей есть свои серьезные причины для такой ситуации, как правило, не злонамеренной. Такие родители могут сами прибегнуть к психотерапевтической помощи или духовным практикам, если чувствуют свою ответственность и желание что-то изменить. Приводить на терапию своих детей с плохим поведением имеет меньше смысла, потому что они пока являются продуктами своей системы. Хорошо решать проблему вместе методами семейной терапии.

7-

О покемономании, канале *Fox kids* и взрослых страхах

— Лунная призма, дай мне силу! Из мультсериала о Сейлор Мун

Эта глава — продолжение мы детской и подростковой субкультуры. Некоторое время тому назад детей в возрасте от пяти до двенадцати лет охватила труднообъяснимая страсть к героям японского мультсериала — покемонам. Родителям

покемоны резко не понравились, причем почти всем. Практически никто из них даже при попытке смотреть этот сериал почти ничего не понял, кроме того, что мультики агрессивные. Включая меня, пока их содержание не пересказали мне понятным языком дети, которых приводили на консультацию. Родители считают, что такие мультики сделают их детей агрессивными и злыми. И ведь действительно, вокруг нас сейчас достаточно много зла. Бесконечная вереница терактов давно переполнила тревогой сердца родителей. Поэтому большинство родителей предпочитают наши мультики, добрые, проверенные жизнью. Хотя дети нередко выбирают именно покемонов, а теперь еще — героев канала *Fox Kids (FK)*. Пожалуй, стоит понять причины этого и других подобных увлечений детей, только одна из которых связана с эффектом новизны, зависимостью от писка моды и воздействия рекламы на многострадальный незрелый мозг ребенка.

Если мы вспомним увлечение игрушкой «тамагочи» (электронным Цыпленком, а также динозавриком), то оно не отличалось долговечностью и быстро вытиснилось другими увлечениями. Это объясняется не-ожно. Игрушка была создана для японских ребят и для них стала необычайно актуальной. Ведь особенностью жизни японцев является очень большая плотность населения, экономное использование каждого квадратного сантиметра полезной площади и вытекающие из этого ограничения в возможности содержания домашних животных. Для того чтобы иметь дома братьев наших меньших, японцам необходимо специальное разрешение. «Тамагочи» — это имитация живого друга, за которым необходимо ухаживать, помнить о нем, вовремя кормить и лечить, одним словом, становиться человеком ответственным и заботливым. Любовь японских детишек к электронным друзьям достигала такой интенсивности, что пришлось создать специальные кладбища для «погибших» зверушек, которых оплакивали безутешные дети. Об этом было много публикаций несколько лет назад. У нас это увлечение не могло пустить глубоких корней, так как имеет место другая проблема с домашними животными — их столько, что просто некуда бывает деть. И о ком заботиться и кого любить — проблемы нет. Как детский специалист, давно работающий с детьми, могу сказать, что ни одного случая сильных переживаний ребенка в связи со смертью электронного питомца в моей практике и практике знакомых мне коллег не было.

Совсем другая картина наблюдается по поводу мультсериалов японского же производства — о Сейлор Мун и Покемонах. Чем же мульт-герои из этих сериалов так запали в души наших детишек? Мне нередко приходилось работать с девочками — поклонницами Сейлор Мун. С ними работать было очень легко, так как в этом мультике заложена идея трансформации, мобилизации скрытых резервов психики, когда неприметная девочка быстро превращается в супергероиню, наделенную огромными возможностями. Для этого нужно только произнести магическую формулу: «Лунный кристалл, дай мне силу!» Примерно тому же мы обучаем маленьких и взрослых клиентов, не умеющих мобилизовать собственные внутренние ресурсы, в техниках нейролингвистического программирования. То есть, этот мультсериал закладывает программу превращения лягушки в царевну. Я точно знаю, что Сейлор Мун помогла многим девочкам преодолеть проблемы застенчивости, непопулярности, чувство неполноценности. А наша педагогическая задача состоит в том, чтобы вовремя помочь ребенку перевести стрелку с разрушения на героическое преодоление, потом на созидание и благоговейное удивление перед чудом вечно повторяющейся и неповторимой жизни.

И наконец, о пресловутых, многожды обруганных мамами и папами покемонах. Сразу выражаю сожаление, что этот сериал по своим техническим особенностям рассчитан не на взрослого человека, а на ребенка с его свежестью и быстротой восприятия нового. Мозг взрослого человека плохо успевает за стремительно развивающимися на экране событиями. Как уместно здесь вспомнить известное высказывание о пугающем контрасте между сияющим умом здорового ребенка и слабоумием среднего взрослого: в пять лет — гений, в семнадцать — солдат... Какую грань мы перешли посередине?

Я добросовестно посмотрела «Покемонов», но самую важную информацию мне удалось почерпнуть все-таки из общения с моими клиентами от пяти до двенадцати лет. Что же удалось узнать? Во-первых, покемоны находятся во власти могущественных тренеров, являются их карманными монстриками и закатываются в шарики — покеболы, когда они не нужны. Точь в точь как наши дети во власти родителей, которые лучше знают, когда есть и спать ребенку и чем ему заниматься. Однако не все так плохо — на самом деле все дети отождествляют себя именно с покемонами, а не с их тренерами и почти поголовно обожают одного из них — Пикачу, который прошел положенные покемонам несколько эволюций (превращений с приобретением новых качеств) и стал уже не подчиненным, а другом своему тренеру Эшу. Какую лучшую идею можно было бы пожелать для ребенка, как не идею эволюции, развития и достижения равенства с нами, взрослыми? Разве не об этом мечтают все родители и прочие воспитатели?

Идея ступенчатой эволюции ребенка очень верна, так как и дети нам демонстрируют иногда потрясающие скачки развития после раздражающего нас периода застоя, бездействия. На самом деле люди подчиняются законам диалектики, а именно закону перехода количественных изменений в качественные, имеющего скачкообразный характер. Важно не потерять терпения в ожидании очередного качественного скачка. Может ли ребенок стать агрессивным и жестоким от просмотра мультяшного канала? Не будем ставить телегу впереди лошади. Вовсе не мультики провоцируют жестокость людей, а, наоборот, избыток агрессии, впитанной из жизни, сбрасывается у людей и при создании агрессивных фантазий и при их просмотре. Если мальчик вовремя наиграется в воину с игрушечными солдатиками, в которой он выплеснет свои обиды и страхи и боль, то впоследствии его освобожденный в игре и фантазии мозг сможет заняться продуктивной и творческой работой. почему иногда дети начинают предпочитать телевизор всему остальному - Основная причина в том, что нет в их жизни достойной замены, такой же интересной, яркой и увлекательной, как мультяшная жизнь. В мультике он черпает

то, чего у него нет в его реальной жизни, то, чего ему не даем мы в нашем общении. Поэтому не лучший ли для нас всех выход будет состоять в том, что, прежде чем категорически отвергать увлечение ребенка чем-либо новым и непонятным, будь то плохо воспитанный друг или сомнительный мультик, мы вместе с ребенком, рядом с ним, стараясь глядеть в одном направлении, обнаружим нечто важное для него. Дело в том, что дети очень хорошо, гораздо лучше взрослых(!!!), чувствуют свои потребности, обеспечивающие необходимое направление и темп их развития. И обходиться с ними нужно деликатно, иначе мы рискуем свалиться в яму отчуждения. Как это чуть не произошло в сказке о мальчике-призраке.

Мальчик-призрак

У мальчика глаза днем были голубые, очень симпатичные, а ночью они начинали светиться, причем один - ярко-голубым, а другой - ярко-оранжевым светом. Это пугало его родителей, с которыми ничего подобного не случалось, во всяком случае они этого не помнили. Правда, сохранилось смутное семейное предание о какой-то дальней родственнице, у которой с глазами наблюдалось что-то похожее. Но поскольку эта дама явно не была подходящим примером для подражания, историю замалчивали. Еще глаза мальчика как бы фотографировали все, что видели, и он помнил все про то, что увидел однажды. И он знал очень много про своих родителей такого, о чем им совсем не хотелось бы вспоминать. А также о тех вещах, которые мальчик узнавал на улице и которые становились для него очень интересными. Например, ночной театр теней. Там тени разыгрывали целые представления, а мальчик подсвечивал их своими разными глазами. Получалось очень здорово, и он попытался показывать такие представления у себя дома, но родители перепугались и повели его к окулисту, чтобы он исправил эти странные глаза. Окулист прописал ему темные очки, но мальчик выбросил их и убежал из дома.

Он пришел в ночной театр теней, а там уже было представление и не хватало только его ярких глаз разного цвета. Публика собралась и хлопала в ладоши изо всех сил. Мальчик чувствовал себя почти что хорошо, только тело его стало каким-то слишком легким, а рука, на которую он случайно взглянул, полупрозрачной. Мальчик протер глаза и ощупал руку. На ощупь она была такая же, как прежде, но на вид оставалась полупрозрачной. Через нее было видно, как через затуманенное стекло. Тогда он тихонько ушел в тень, прикрыл глаза, чтобы его не было видно. И стал думать. А потом широко раскрыл свои светящиеся глаза и шагнул через стену. Это удалось ему с очень небольшим сопротивлением. Он, если бы захотел, даже мог бы¹ остаться в стене. Вот это да! Некоторое время он экспериментировал со своими новыми возможностями. У него получалось все лучше и лучше проходить через стены, да и через что угодно. Он даже остался стоять на дороге, прикрыв глаза, чтобы не испугать водителей автомобилей. Это было очень страшно — остаться перед мчащейся прямо на него машиной, но он приказал себе остаться, и машина промчалась сквозь него, лишь слегка оттолкнув назад. Он не мог уснуть до утра, проходя от здания к зданию, попадая в разные комнаты, видя спящих и бодрствующих людей.

Однажды он пришел ночью в свой дом и увидел спящего отца. Мамы не было. Из разноцветных светящихся глаз мальчика-призрака полились вдруг обыкновенные, горячие слезы. Их было сразу так много, что одна из них капнула на лоб отца. Он от этого слегка вздрогнул, но не проснулся, а только увидел сон. А мальчик руками вытер слезы со своего лица. Если бы он видел себя со стороны, то очень бы удивился, потому что сейчас он выглядел точно так же, как все мальчики на свете, - и глаза у него не светились, как два разноцветных фонаря, а стали просто заплаканными голубыми глазами. Потом слезы высохли, и мальчик стал вновь призраком, покинул дом своего отца.

А отец видел сон. Его сын играл в ночном театре теней, он был одной из этих теней, причем явно звездой спектакля. Отец даже восхитился этим зрелищем. Он бы и сам... если бы хватило смелости в свое время... Но нет, его судьба уже определена. Только отчего же у его мальчика такой одинокий и невеселый, какой-то потерянный вид? Он рванулся к сыну из рядов зрителей, протянул к нему руки, чтобы обнять, согреть его, но сын растаял, просочился между его пальцами, исчез.

На следующий день отец вышел из дома поздно вечером и пошел искать театр теней, который он увидел во сне. Он ходил всю ночь и часто видел игру теней то там, то там... Иногда ему казалось, что вот он — его мальчик. Но, приглядевшись, был в этом уже не уверен. Отец вернулся домой и лег спать. До утра оставалось уже совсем мало времени.

Он уснул, усталый и измученный, и ему приснились черные очки его мальчика. Они догоняли сына и хотели ослепить его. Сын убежал от них — маленький, испуганный, жалкий. А очки уже настигали его. Отец проснулся и вскочил. Утренняя заря уже смотрела в окно. Отец нашел темные очки своего сына и раздавил их.

На подоконнике сидел его сын.

~ Спасибо, папа, я не мог этого сделать сам.

Утренняя заря осветила их голубые глаза, омытые светлыми горячими слезами. Отец обнял сына, и сын остался в его руках, он уже не мог и не хотел пройти, сквозь них.

Да, дело в том, что без нашей помощи детям сложно бывает стать **приятными нам**. Хорошо, когда потребность эта обоюдная. Добавлю, что герои нашей сказки на самом деле нашли возможность не опасаться друг друга.

Любят ли дети болеть

«Вот заболею и умру, — решил мальчик (а может быть, девочка). — Умру, и тогда они все узнают, как им без меня будет плохо».

Из тайных мыслей многих мальчиков и девочек, а также — незрелых дядей и тетей.

Наверное, у каждого человека хоть раз в жизни была такая фанта: про свою болезнь и смерть. Это когда кажется, что ты больше никому нужен, про тебя все забыли и удача отвернулась от тебя. И хочется, бы все дорогие тебе лица с любовью и тревогой обратились к тебе, ним словом, не от хорошей жизни возникают такие фантазии. Ну разве среди веселой игры или в день рождения, когда тебе подарили то самое, о чем мечтал больше всего, разве тогда приходят такие мрачные мысл. Ко мне, например, нет. И ни к кому из моих знакомых тоже.

Такие сложные мысли не приходят в голову очень маленьким детям, тем, которые еще *не* учатся в школе. Они про смерть еще вообще мало знают. Им кажется, что они жили всегда, не хотят понять, что когда-то их не было, и тем более что их когда-то не будет. О болезни такие малыши не думают, больными, как правило, себя не считают и не собираются прерывать своих интересных занятий из-за какой-то ангины. Зато как здорово, когда мама тоже остается с тобой дома, не идет на свою работу и целый день шупает тебе лоб, читает сказки и предлагает что-нибудь вкусненькое. А то еще (если ты девочка), обеспокоенный твоей высокой температурой папка, придя с работы, сгоряча обещает тебе подарить золотые сережки, самые красивые. И тут же бегом приносит их из какого-нибудь укромного местечка. А если ты хитрый мальчик, то возле твоего печального одра могут навсегда помириться мама и папа, которые не успели развестись, но уже почти что собрались. А когда ты уже поправляешься, тебе накупят всяких вкусностей, о которых ты, здоровый, даже и помышлять не мог-

Вот и думай, стоит ли долго оставаться здоровым, когда про тебя целый день никто и не вспомнит. Все заняты своими важными делами, например работой, с которой родители часто приходят злые-презлые, и только знай себе придираются то к твоим немывтым ушам, то к разбитым коленкам, как будто бы в детстве сами их мыли и не били. Это если вообще заметят твое существование. А то один под газету от всех спрятался, «мама — барыня такая» (из реплики маленькой девочки, приведенной К. И. Чуковским в книге «От двух до пяти») в ванную стирать отправилась, а тебе некому показать свой дневник с пятёрками.

Нет, когда болеешь, жизнь определенно имеет свои приятные стороны. Любопытен ребенок может веревки вить из своих родителей. Или шнурки. Может быть, поэтому на подростковом сленге родителей так иногда и зовут — шнурками? Точно не знаю, но предполагаю.

То есть ребенок болеет, конечно, не специально. Он не произносит страшных заклинаний, не совершает колдовских пассов, но внутренняя программа выгоды болезни время от времени самозапускается, когда другим способом достичь признания среди своих близких не удается.

Механизм этого процесса несложен. То, что организму и личности в каком-то плане выгодно, реализуется автоматически. Причем у детей, да и у почти всех взрослых, не осознается. В психотерапии это называют рентным (то есть дающим выгоду) симптомом.

Один мой коллега описал однажды клинический случай с молодой женщиной, заболевшей бронхиальной астмой. Случилось это следующим образом. Муж ее оставил и ушел к другой. Ольга (так мы ее назовем) была очень привязана к мужу и пришла в отчаяние. Тут она простудилась, и впервые в жизни у нее разыгрался астматический приступ, настолько тяжелый, что испуганный неверный супруг вернулся к ней. С тех пор у него время от времени случались такие попытки, но решиться оставить больную жену, приступы у которой становились все тяжелее, так и не смог. Так они и живут рядом — она, распухшая от гормонов, и он — понурый и раздавленный. Если бы у мужа хватило мужества (Другом контексте это бы назвали подлостью) не возвращаться, не Устанавливать порочной и прочной связи между болезнью и возможностью обладания объектом привязанности, у них могло бы получиться, как у другой семьи в аналогичной ситуации. Он оставил ее больную, с высокой температурой, с детьми на руках. Ушел и не вернулся. Она, придя в себя и столкнувшись с жестокой необходимостью жить дальше, сначала чуть не тронулась умом, а потом просветлела разумом. У нее даже открылись способности, о которых раньше не знала, — рисование, стихи. Муж потом к ней вернулся, к той, которую не страшно бросить, а потому и не хочется бросать, с которой рядом интересно и надежно. Которая тебя не грузит в пути, а помогает идти.

У Агаты Кристи, по свидетельству одного из своих биографов, сложилась судьба, похожая на эту. Ее оставил муж, когда она хоронила свою мать. И, еще находясь в одном горе, она потеряла память от второго. Где она блуждала, потом сама вспомнить не могла. А придя в себя, вспомнила детские стишки про Шалтая-Болтая:

Шалтай-Болтай сидел на стене,
Шалтай-Болтай свалился во сне.
И вся королевская конница,
И вся королевская рать,
Не могут Шалтая, не могут Болтая,
Шалтая-Болтая собрать.

Это она сама — Шалтай-Болтай. И нет никого, кто бы смог ее собрать. Собирать себя надо было самой. Вот выдержка из биографии Агаты Кристи Маргариты Ковалевой. «И вот я осталась одна. Теперь мне следовало выяснить, что я за

человек — и не стала ли я непоправимо зависимой от других, как я боялась... Теперь мне не о ком думать, не с кем считаться, кроме себя самой».

Это не приступ эгоизма. Наоборот, это признание в зависимости о других. Агата хорошо поникла себя: «По характеру я относилась к собакам: собака сама не пойдет на прогулку, если ее кто-нибудь не возьмет с собой, не выведет. Возможно, мне предстояло остаться такой на век жизнь. Но я надеялась на лучшее».

Ее бегство из дома — поступок человека, потерявшего себя... Но решила обрести собственный облик. Два года после смерти матери она не писала. Она собирала себя после «великого падения».

Речь шла почти что о воскрешении из мертвых. Сказать вам заранее — она вышла победительницей? Да, потому что она сохранила способность меняться, побеждая обстоятельства, она получила свой жизненный урок, стала сильной, и эту ее новую изменчивость я сравню скорее с умением античного божества, Протея, менять облик по собственному желанию.

Агата Кристи отлично отдавала себе отчет в своих возможностях и способностях. «Я никогда не старалась во что бы то ни стало заниматься тем, что у меня получается плохо, к чему у меня нет способностей от природы». Составила длинный список того, что не может делать и что может. Второй начинался так: «Ну что ж, я могу писать». У нее был отличный девиз: «Не можешь вести поезд — смазывай колеса!»

Так как же нам относиться к мужьям в этой ситуации? Я думаю, что дело не столько в мужьях, сколько в той различной позиции, которую заняли женщины. Одна из них пошла по пути невольного и неосознанного эмоционального шантажа, другие — использовали возникшую трудность как шанс стать самими собой, настоящими. (Кстати, Агата Кристи вышла замуж вторично, на сей раз счастливо.) Они своей жизнью реализовали основной закон дефектологии: любой дефект, недостаток, является стимулом к развитию личности, компенсации дефекта.

И, возвращаясь к заболевшему ребенку, мы увидим, что болезнь на самом деле может быть ему нужна для того, чтобы захотелось стать здоровым, не должна ему приносить привилегий и лучшего, чем к здоровому, отношения. И лекарства должны быть не сладкими, а противными. И в санатории и в больнице не должно быть лучше, чем дома. И маме нужно радоваться здоровому ребенку, а не заставлять его мечтать о болезни как о пути к ее сердцу. Одна знакомая мама покончила с простудами дочери следующим образом. Ее поступок выглядел внешне жестоко. Она просто выставила бесконечно болеющую дочь на балкон, предложила постоять ей на холоде: уж болеть так болеть, в смысле любить — так королеву, украсть — так миллион. Болезнь на сей раз очень быстро кончилась. И вообще, дальше болела редко. Не испортило ли это их отношений? Нет, сейчас, через много лет, дочь уже взрослая, и они с мамой отлично ладят. У них нашлось множество интересных обоим тем Для общения.

А если у ребенка нет другого способа узнать о любви родителей, кроме болезни, это большая его беда, и взрослым надо хорошо об этом подумать. Способны ли они принять с любовью живого, активного, непослушного ребенка или он в угоду им запирает свои гормоны стресса в заветный орган и готов будет в очередной раз сыграть роль жертвы в надежде, что палач опять раскается и пожалеет его?

Во многих семьях формируется особый культ болезни. Хороший человек, он все близко к сердцу принимает, у него от всего сердце (или голова) болит. Это как бы признак хорошего, порядочного человека. А плохой, он равнодушный, ему все как об стенку горохом, ничем его не проймешь. И ничего у него не болит. Тогда вокруг произносятся с осуждением:

— И голова у тебя ни за что не болит!

Как в такой семье вырасти здоровому и счастливому ребенку, если это как-то не принято? Если с пониманием и сочувствием относятся только к тому, кто покрыт заслуженными ранами и язвами от тяжелой жизни, кто терпеливо и достойно влачит свой тяжкий крест? Сейчас очень популярен остеохондроз, который чуть не до параличей разбивает своих обладателей, а чаще — обладательниц. И бегают вокруг вся семья, наконец-то оценившая замечательного человека рядом с собой. Кто узнал себя и обиделся, закройте немедленно книжку — она не для вас. Кому интересно вырастить здоровых детей, можете продолжать.

Тема болезней была бы недостаточно раскрыта без разговора о психологическом смысле болезней как разновидности негативной ситуации. Когда-то Генрих Манн написал: «Болезнь — это гениальный путь к познанию, человеку, любви». Это высказывание сразу выбивает почву из-под привычного представления об однозначной негативности болезни и любого другого несчастья. И действительно, с точки зрения психолога, болезнь имеет не меньше трех функций.

Сигнальная. Она не просто сообщает о том, что подкачали физические возможности человека, а еще о том, что нарушились его интимные внутриличностные процессы, его собственная экология, которая является не чисто физическим, и даже не психофизическим феноменом а проявлением триединства дух — душа — тело. Появившийся симптом у взрослого — хороший повод задать самому себе вопрос: что я делаю не так в своей жизни, чем, каким своим поведением я наступаю себе на горло, или на голову или на бронхи, или на желудок? Если стал нездоров ребенок, родителям нужно честно спросить себя, чем и как они способствуют болезни любимого существа. Даже у домашних собак сколь ко угодно бывает нарушений на нервной почве. Я знаю одного опытного ветеринара, который пользуется своих мохнатых пациентов, проводя обязательную «семейную» терапию с хозяевами. Что о детях тогда говорите Не всегда мы можем жить экологично, в гармонии со своим внутренним личностным пространством. Часто нам приходится приносить в жертву необходимости (такой, какой мы ее видим) здоровье свое и своих детей. Просто при этом неплохо помнить, что наша доля участия здесь присутствует тоже. Тогда, возможно, удастся улучшить удобный момент, чтобы развернуть ситуацию в

нужном направлении, когда не будет острой необходимости хвататься за бревно, плывущее в водоворот.

Сепарирующая. Сепаратор отделяет сливки от сыворотки, а болезнь — «мух» от «котлет». Когда происходит несчастье, все лишнее и ненадежное из жизни быстро уходит. Рядом остаются только те, кто действительно любит и дорожит нами, с человеком остаются только те мысли и заботы, без которых он не может обойтись. Это очень жестокий способ расстановки акцентов и взросления, но не зря в народе всегда говорили, что за одного битого двух небитых дают.

Стимулирующая развитие. Человек — существо упрямое, и если жизнь загоняет его в угол, он начинает из него выбираться, вдруг открывая в себе еще неизвестные способности. Прикованная на какое-то время в детстве к постели, Астрид Лингрен придумала своего Карлсона. И пусть написала о нем через много лет, но тогда, в детстве, он уже помог ей перенести необходимость постельного заточения. Известный психолог, великая американская бабушка Эда Ле Шан, описывает эпизод из своего детства, когда вынужденное постельное прозябание побудило ее выпустить свою первую стенгазету. Даже знание о том, что тебе осталось жить уже недолго, может побудить прожить остаток жизни с высоким качеством и принести кому-то счастье, как падающая звезда. Она мгновенно прочерчивает светящимся следом небосклон и оставляет ощущение чуда.

А дети и болея продолжают придумывать свои миры, в которых происходит все то, что им необходимо для продолжения жизни и развития. Присмотритесь к тому, как они играют. Если ребенок не имеет выраженной психопатологии, при которой меняется структура и содержание игры, абсолютное большинство детей разыгрывают свой путь в здоровье и развитие. Если им не мешать и не «умничать» на взрослый манер слишком много.

В сказочной части этой темы уместнее всего будет история о девочке Варя и ее голубой медведице Маруси из повести-сказки Ирины Токмаковой «Маруся еще вернется». В ней совершенно замечательно, и с точки зрения ребенка (увлекательно), и меня, как психотерапевта (очень верно), описан путь ребенка от здоровья к болезни и обратно. Организм и личность ребенка обладают замечательной гибкостью, и, как только возникает просвет для здоровой жизни, росток его жизни тут же выпрямляется и устремляется к солнцу. А как это происходит в книге (и вполне может произойти в жизни) — девочке помогает воображаемое путешествие с игрушечной медведицей. Варя болеет бронхиальной астмой, и мама боится Оставлять ее одну дома. Но однажды это происходит, и тогда оказывается, что она все же не одна, а с ней есть еще медведица Маруся и страна под названием «Тут». То есть она просто тут, в этой же комнате. С медведицей не так страшно совершать путешествие в неизвестную страну, в которой живет волшебник Барнабас Злин, который однажды напугал девочку. Тогда и появился ее первый приступ. этой стране она может встретиться с ним — и это страшно. Кроме того она там заблудилась и потеряла саму себя (как это делают «марсиане»).

Кто в облако ныряет,
Тот сам себя теряет,
И нужно в темной роще Самой себя найти
— За деревом у кочки,
Где желтые цветочки,
Где тонконогий хвощик
У ветра на пути.

Найти саму себя в темной роще, встретиться лицом к лицу со злым волшебником, когда-то напугавшим ее, — вот что становится целительным для ребенка и соответствует принципам современной детской игровой психотерапии, в том числе сказкотерапии. Кем в действительности является злой волшебник? Символическое мышление ребенка обычно обезвреживает образы своих родителей, отчуждая их агрессивную составляющую в образы разных отрицательных персонажей. Это особенно характерно для детей четырех-пяти лет. Тогда им снится не злой папа или злая мама, а дракон, или ведьма, или призрак, которые за ними гонятся. А мама остается мамой — доброй и ласковой. Роль мамы в книжке завуалировала, но она как минимум благословила свою дочь на подвиг бесстрашия и внутренне была с ней. Без этой, казалось бы, скромной и незаметной машины роли успех путешествия был бы сомнительным.

- 9 -

Болезни роста и короткие штанишки

Человек есть нечто, что должно превзойти. Так говорил Заратустра.
Ф. Ницше

Ницше имел в виду идею превращения человека в сверхчеловека. Он представлял человека мостом между животными

и сверхчеловеком.

Мне видится, что человек — это тот, кто идет по мосту, висящему на неизвестной высоте и в тумане... Иногда туман рассеивается, и яркое солнце освещает и высушивает твой путь. Идет тогда легко и весело — до следующего тумана, когда продвигаться опять надо на ощупь, без зрения и слуха, подобно первобытной амебе, имеющей лишь зачаток органов чувств — фототаксис, стремление к свету.

Детство — это эта первая, самая трудная часть пути, самый извилистый и туманный участок моста. Это видим мы, сопровождающие. Видим, знаем и боимся. А дети сначала ничего об этом не знают. Недавно появившись на свет, они еще лишены прошлого и будущего, их интересует настоящее. Они, как собаки, любят погоду, просто погоду, любую, пока им самим не станет достаточно холодно или неинтересно, чтобы спрятаться.

— Все дети любят погоду. Вы не заметили, что в снегопад взрослые торопятся, а дети и собаки счастливы? Они-то знают, для чего падает снег!

— Я в детстве не любила сырые дни, — сказала Джейн.

— Потому что взрослые держали вас дома, — сказала Камилла. — Когда шлепаешь по лужам, дело другое (Клайв С. Льюис. «Мерзейшая мощь»).

Они не знают, что такое болезнь, что это плохо и опасно. Они просто ее проживают как часть своего пути. Ребенок еще не умеет быть несчастным из-за своей болезни. Он находит крупинки радости в любом своем состоянии. Переживанием несчастья и страхом его постепенно заражают взрослые. Особенно когда не знают о том, каким законам подчинено развитие организма.

Детский организм, как и маленькое растущее деревце, очень уязвим. Все его защитные и адаптивные системы еще только формируются, постепенно приспосабливаясь к условиям так же меняющейся среды. Только организм взрослого, зрелого человека является полноценно функционирующей системой приспособления человека к среде. Поэтому детский организм дает частые сбои и нуждается во внешней поддержке. Вопрос — в какой?

Одна моя коллега — психолог, сын которой болел нейродермитом; как-то сказала мне, что все понимает о причинах болезни, о роли отношений ребенка с ней, матерью, но дает ему лекарства, потому что намного легче, чем перестраивать свои отношения с миром и ребенком и все люди видят, что она его лечит. Хотя сама понимает, что не лечит, а залечивает ребенка. А многие другие мамы и вовсе не представляют себе природу большинства детских заболеваний.

Традиционная медицина толкует о коварных микробах, гнездящихся в укромных уголках организма, и плохой экологии, недостатке важных компонентов пищи и предлагает нам десятки и сотни новых сильнодействующих и все более эффективных препаратов. Приятных на вид и даже вкусных. Так что болезнь превращается в сплошное удовольствие, и ни о чем думать не надо. Раз в день закапай. Проглоти — и до завтра как огурчик. И так сколько? Да хоть всю жизнь. Мы еще лекарства сделаем! Еще лучше прежних! Мало того, у людей появляется представление о том, что внешние по отношению к нему факторы, бездушная стихия, оказываются сильнее его, и он просто не может существовать без всевозможных костылей и подпорок.

По сути дела это ветеринарный подход к человеку и его взаимоотношениям со средой через проблемы организма. Надо сказать, что лекарства оказываются нередко опаснее самой болезни своими побочными действиями. Палка всегда о двух концах. Я сторонница альтернативно: медицины, не бьющей из пушек по воробьям, а сохраняющей и пестующей собственные защитные силы. Это и лечебный массаж, и гомеопатия, фитотерапия, остеопатия, психотерапия.

Моя специальность — психотерапия. Более чем двадцатилетний лечебный и материнский опыт, опыт совладания со своими собственными: многочисленными хроническими болезнями позволил сделать несколько выводов:

1. Большинство детских болезней (разумеется, не врожденного характера) носит функциональный, приспособительный характер и человек из них постепенно вырастает, как из коротких штанишек, если у него появляются другие, более конструктивные способы отношений с миром. Например, с помощью болезни ему не нужно привлекать к себе внимания мамы, мама и так научилась замечать его здорового и радоваться ему такому. Или не нужно своей болезнью мирить родителей. Я лет пять работала подростковым врачом, и меня поразило один факт — несоответствие между содержанием амбулаторных карт, которые мы получали из детских поликлиник, и объективным состоянием здоровья подростков, за которым велись регулярные наблюдения в течение двух-трех лет. В картах значились гастриты, холециститы, всевозможные дискинезии и дистонии, язвы и нейродермиты, пупочные грыжи и прочее. Как-то на медосмотре у одного мальчика не оказалось описанной в карте пупочной грыжи. Он говорил, что маме предлагали операцию, но она все не могла решиться, а он начал тем временем заниматься спортом (ну не терять же, в самом деле, времени). Постепенно грыжа куда-то делась. Куда делись их гастриты и прочие хворости, жизнерадостные подростки тоже не знали. Вот и выходит — переросли.

Таким образом, условиями выздоровления, перерастания болезни, становится, с одной стороны, осознание родителями приспособительного характера любой болезни, иногда ее психологической выгоды для себя или ребенка, а с другой — создание (в первую очередь у себя) установки на болезнь как на короткие штанишки, из которых дети постепенно вырастают. Вам могут помочь ритуалы: убирая из употребления старую детскую вещь, вы думаете и говорите ребенку, что с этой вещью уходят его детские болезни и проблемы. Отдавая вещь другим маленьким детям, ее достаточно хорошенько постирать и отдать с хорошими чувствами — она не «передаст» другому ребенку какой-либо негативной

информации. Эти элементы домашней магии близки психике детей и женщин, которая оперирует в основном конкретными образами, картинками, чувственными представлениями.

2. Клины вышибают клином. Есть болезни, приобретающие хронический, монотонный характер (если родители в свое время не поняли ее психологической подоплеку и имели представления о болезнях как о Чем-то неизменном). Они тянутся годами, существенно не меняя своего течения. Формируется стойкий порочный круг с мощной доминантой в коре головного мозга. Это своеобразная запись в памяти мозга о том как жить с болезнью, это привычка организма так жить. И пока в коре мозга не возникнет другой, более сильной доминанты, которая сможет «перевесить» и поглотить активность первой, болезнь не желает отступать. То есть победа над болезнью становится вопросом возникновения своеобразной встряски, шока, стресса. Стресс может быть двух разновидностей — физиологическим и психоэмоциональным. Совсем недавно один мой хороший знакомый рассказал историю об одном своем друге. Молодой еще мужчина заболел ревматизмом, одним словом, все его суставы постепенно сковывала болезнь, он все хуже и хуже двигался. Лечение в поликлинике и больнице оказалось неэффективным. Тем временем жена узнала о какой-то «сильной» бабушке из сельской местности, уговорила мужа попробовать. Вдвоем с сыном усадила его за руль, и они поехали в деревню. Бабушка справила свой таинственный ритуал при свечах, мужчина вышел оттуда в состоянии легкого помрачения и сев снова за руль, врезался в чей-то новенький забор. С проклятиями заплатил за нанесенный ущерб, прикидывая, откуда взять деньги на ремонт машины, и поклялся больше никогда в жизни не ходить к бабушкам, а равно и к дедушкам. Вернувшись домой, сидел на больничном состоянии угрюмого безразличия. От нечего делать попробовал лечение по новому рецепту — ванны с травами. Как-то, принимая ванну в очередной раз, услышал звонок телефона, стал вылезать из ванны. Поскользнулся, грохнулся на спину, да еще ударился головой о стиральную машину. Придя в себя, вскочил на ноги с отборной руганью (всю жизнь для такого случая берет), извернувшись, осмотрел в зеркале повреждения... и только тогда понял, что он не выполз, как обычно, а выскочил что увидеть свою спину раньше он мог только с помощью другого зеркала, но никак не повернувшись. На радостях сбегал(!) в магазин за бутылкой водки. Вернувшись домой жена и сын застали его весело празднующим свое прощание с болезнью.

Сильный стресс встряхнул все его временные нервные связи, создал мощный очаг длительного возбуждения в коре головного мозга, который поглотил очаг, связанный с его болезнью. Эмоция злости оказалась на этот раз целительной, так как материализовалась на уровне осознания в эмоциональный взрыв. Гормоны стресса впервые за долгое время пошли не на саморазрушение, вовнутрь, а наружу. Старый путь был катастрофически разрушен, новый путь проторен.

Надя с детства болела гломерулонефритом, его вялотекущим, но стойким вариантом. Став взрослой и выйдя замуж, как любая нормальная женщина, захотела родить ребенка. Врачи (и не какие-нибудь, а из ведущего института страны) ее предупредили, что слишком велик риск очень скоро оставить ребенка сиротой. Во всяком случае, в их практике обнадеживающих случаев не было. Надя долго мучилась, но в конце концов забеременела и ребенка оставила. Будь что будет — решила. После родов анализы мочи впервые оказались нормальными. И с тех пор прошло тринадцать лет. И мама, и сын живы и здоровы.

Второй случай иллюстрирует механизм стресса физиологического, связанного с гормональной перестройкой. Он наиболее характерен для женского организма, в котором последовательно проходят очень интенсивные превращения — сначала становление месячного цикла, потом беременности, роды и лактация. Все эти периоды содержат в себе зародыши больших изменений. Если внутренняя установка женщины на развитие и здоровье — она поправляется. Для этого в болезни она не должна щадить и поглаживать себя, искать привилегии, послабления, опеку. Болезнь ни в коем случае не должна обеспечивать скидку в проявлении социальной активности, выполнении обязанностей. Только если в болезни трудно до отчаяния, встряска сломит ее.

Вы сейчас прочитали описание двух случаев из реальной жизни. Рядом я могла бы поместить еще великое их множество. Далеко не надо ходить — свои собственные болезни (хронический бронхит, вазомоторный ринит и нейродермит) мне удалось одолеть с помощью механизма физиологического стресса (в одном случае это оказались беременность и роды, в двух других — контраст сауны и холодного бассейна, и плавание до изнеможения, до открытия второго дыхания). Физиологический стресс, таким образом, бывает не только гормональный, но и искусственный, создаваемый эффектом контраста или чрезмерного физического напряжения.

Всегда ли и однозначно ли действие стресса? Можно ли ожидать всегда гарантированного успеха? Безусловно, нет. В молодости, при наличии гибких, эластичных сосудов, стресс более позитивен по результатам и менее чреват сосудистыми катастрофами, чем в преклонном возрасте. Стресс, встряска — это всегда риск, это способ мужественных или отчаявшихся, в нем нет места сомнениям и колебаниям. Это игра ва-банк. Применять или не применять способ стресса — решать лично вам. Нужна ли при этом врачебная консультация? Разумеется, ведь есть заболевания, при которых первый же стресс может оказаться последствием. Врач должен при этом учесть всю совокупность обстоятельств, построить прогноз возможного риска и рассмотреть альтернативы возможного результата, но он не имеет морального права принимать за пациента или его родителей это решение.

Один из типичных в детской практике вариантов стресса — это естественный гормональный кризис пубертата. Нужна здоровая установка подростка и его родителей на встряску этого возраста, и она станет целительной во многих случаях. Надо оговориться еще раз, что в данном контексте не стоит думать о врожденных аномалиях развития, генетических

болезнях, не стану говорить о сахарном диабете — здесь надежда на науку будущего. Особенно благоприятен пубертат девочек. Их половые гормоны являются замечательными адаптогенами.

Другой вариант физиологического стресса для детей — все виды закалывания, обливания, в том числе по Иванову. Важно только, чтобы это было не пыткой для ребенка, а преодолением, на которое он соглашается добровольно и испытывает удовлетворение от своего мужества.

Эмоциональный стресс для детей практикуется позитивный, связанный с радостью преодоления трудностей, осуществляется как длительный (несколько часов) период интенсивной физической и эмоциональной нагрузки. В детской психотерапии это реализуется в программах игровых марафонов, длящихся 3-5 часов, лучше — вместе с родителями. Очень интересна и результативна программа московского профессора Ю. С. Шевченко — детского психиатра и психотерапевта, которая называется ИНТЭКС — терапия (интенсивная эмоционально-экспрессивная терапия). Эмоциональный подъем и чувство радости, которое испытывают дети в процессе игр, становятся своеобразным клином, вышибающим болезнь из ее вместилища.

3. Роль новой сильней мотивации. Когда у человека появляется очень значимая для него цель, он становится способным свернуть горы болезней и немощи. История Валентина Дикуля — нашего легендарного циркового артиста-тяжелоатлета, богатыря, восставшего с одра инвалида, поразила меня. После тяжелой спинномозговой травмы (компрессионный перелом позвоночника) врачи приложили все усилия, чтобы вернуть его к жизни. Он остался жив.

«Но зачем? — думал Валентин, лежа неподвижно на постели. — Зачел мне теперь эта жизнь — без ног?..» Врачи пытались успокоить его:

— Мы сделали все, что смогли, — говорили они. — Сидеть будете. Примите свою судьбу такой, какая она есть.

Нет, он этого делать не собирался. Парализованный, слабый, приговоренный медиками к вечной неподвижности, Дикуль только и думал о том, как встать на ноги. Ни минуты не сомневался он в том, что это должно произойти... (Зиновьева А. А. «Спасибо тебе, атлетизм»).

Он не захотел смириться вопреки всем разумным доводам и изобрел (благо больше нечем было заняться) собственную систему реабилитации, перечитав множество медицинских книг. Через пять лет он начал подниматься на ноги с помощью костылей, затем — палок. Потом вернулся на арену цирка и открыл реабилитационный центр для людей, перенесших спинальные травмы. Знаменитый Арнольд Шварценеггер оказался вдохновленным судьбой русского атлета и создал себя сам подобно ему.

Замечательный врач и общественный деятель Альберт Швейцер писал об отношении к болезни так: «Лучшее лекарство от любой болезни, которая могла его поразить, — это сознание того, что есть работа, которую он должен сделать, плюс чувство юмора». Он как-то сострил, что болезнь стремится побыстрее уйти от него, потому что его организм оказывает ей слишком мало гостеприимства.

Об этом же Игорь Росоховатский, писатель-фантаст, написал в своем рассказе «Учитель». Этот рассказ, так же как и биографию Дикуля и биографию А. В. Суворова, я даю почитать подрастающим мальчишкам и девчонкам, которым надоело прозябать в коротких штанишках.

Воспитатель поставил крест на своих попытках найти общий язык с мальчиком Иосифом. Да и мальчиком язык не поворачивался назвать этого ожесточенного звереныша, оказавшимся последним звеном в цепи предков: алкоголика-деда и слабоумного отца. Иосифу оставался один путь — в специнтернат, где с ним будут заниматься существа с нечеловеческими нервами, создания человеческого разума с восемью сигнальными системами и идеальной способностью приспособления и регенерации — сигомы. Лучшие мастера земли трудились над созданием этих могучих красавцев. Увидев своего нового учителя, Иосиф беспрекословно доверился его авторитету. А дальше говорится об истории создания этого сигама.

Я спросил:

— Учитель — ваше создание?

— Верно, — с плохо скрытой гордостью ответил он.

Я не хотел рассказывать Штадену обо всех моих мучениях, безуспешных попытках. Я решил обойтись без предисловий.

— Видите ли, у меня есть один вопрос. Если не хотите, если это секрет, не отвечайте... Кто был художником и скульптором, кто создавал его облик?

Он замялся:

— Собственно, этот сигом создавался не так, как другие. Ведь он и предназначался для необычной цели. Я начал с посещения разных школ для детей-калек. Долго выяснял, какое самое заветное желание у слепого ребенка, и узнал, что он хотел бы стать художником и рисовать говорящий лес.

«Рассказывают, что он зеленый, — сказал мальчик, — а я знаю только, как он разговаривает. Я бы нарисовал его говорящим и зеленым». Хромой мечтал выступать в балете, глухой — писать музыку и слышать голос матери.

Горбун хотел иметь фигуру гимнаста... Я спрашивал у паралитиков, у разных уродов... У каждого была своя мечта...

— Понимаю! — вырвалось у меня. — И вы создали его по детским мечтам!

Я смотрел на Штадена с восхищением, а он отвел глаза, отрицательно покачал головой:

— Это было бы слишком просто. Вы забыли о главном — сигом должен до конца понимать этих ребят...

Штаден помолчал, вспоминая что-то, вздохнул:

— Я создал его хромым, слепым, горбатым... Я дал ему только мощный разум и детские желания как первую программу. И он сам создал себя...

- 1 0 -

Можно ли обижать слабых?

Маленькая собачка до старости щенок.

Поговорка

Существует общественный стандарт отношения к слабым и больным — их нельзя обижать и на них обижаться. Их защищают те, кто чувствуют себя сильнее, — обычно взрослые. Всем нам памятна ситуация, когда в классе начинается травля толстого мальчика или толстой девочки. «Жиromясокомбинат!» — так их дразнили лет тридцать тому назад. Реже достается очкарикам, очень часто просто застенчивым, неуверенным в себе детям. Практически никогда не смеются над ребенком, который плохо двигается в силу болезни или увечья. Детям с умственной отсталостью достается немало, особенно если они реагируют на насмешки с наивностью своего неискушенного ума.

Однажды я задумалась, какую роль могут играть насмешки и позиция сочувственного понимания — с другой стороны, для того, над кем смеются. Этим размышлениям до некоторой степени помогла одна статья по социальной работе. Лейтмотивом в ней звучала тема о параллельности и прямой зависимости двух общественных институтов — благотворительности и нищенства. Иными словами, чем больше в обществе занимаются благотворительностью, тем больше процветает нищенство. Тем популярнее убожество и беспомощность.

С сочувствием все понятно — ты принят таким, какой ты есть. Это гуманно и социально одобряемо. Меняться тебе не надо, не надо худеть, не надо пытаться видеть без очков (а ведь современные технологии здоровья дают немалые возможности в том и другом случае). Мы, таким образом, поощряем обреченность на нездоровую жизнь, реализацию только генетической программы ребенка, но не его активную жизненную позицию.

Дети, существа значительно более близкие к естественной жизни? обычно неплохо подмечают, кого именно можно дразнить, — того, кого чувствуют потенциально способным находиться в равной позиции, кто на самом деле не нуждается в скидках на немощь.

В японской системе дошкольного воспитания детей существует позиция минимального вмешательства взрослых в межличностные отношения детей.

У годовалых детей часто возникают "конфликтные" ситуации из-за игрушек. Однако даже ссоры являются важным элементом межличностных отношений, так как, по мнению Масару Ибука (автора новейших концепций воспитания и обучения детей в раннем возрасте), "ссоры важны потому, что они развивают личную инициативу. Вмешиваться в ссоры детей — значит мешать развитию инстинкта жить в коллективе". И так, уже на первом году общения у детей стараются выработать стабильные групповые отношения, когда каждый может «высказать свое критическое отношение к тому, что ему не нравится, выслушать совет, осмыслить реакцию товарища и т. (Степанишина А. И. «Воспитание детей в японском обществе»).

Разумеется, бывает немало случаев, когда к насмешкам побуждава состояние собственной ущербности насмешника, его несчастливость. Таким способом он самоутверждается, кого-то унижив. Тогда мы должны непременно вмешаться и уделить внимание не только жертве, коте рая не знает, как ей стать другой, но и обязательно самому насмешнику — и не только в плане осуждения и критики, но и понимания его тайных мотивов, о которых он сам может не подозревать.

Работая в школе, я нередко встречала детей, ведущих себя жестоко и агрессивно по отношению ко всем более слабым. Их собственная домашняя жизнь обычно оказывалась плачевной. Даже если семья была полная и внешне приличная, отношение к ребенку носило формальный характер, без настоящей работы, его истинное состояние соответствовало заброшенности. Насмешник, таким образом, как и его жертва, имеет право находиться в зоне милосердия. Сколько-нибудь понятый и отогретый, он скорее поймет, над кем ему не стоит смеяться.

Значит, если мы поймем насмешки как своеобразный регулятор и стимул взаимного развития детей в коллективе и научимся отличать насмешку конструктивную, осмысленную, от жестокой и бессмысленной, то шансы детей обрести самих себя становятся весьма неплохими. Дети или поймут, что принадлежат к этому «птичьему двору» и постепенно «научат его нести яйца», или покинут его и станут искать свой двор, свою стаю.

Помните, гадкий утенок оказался на птичьем дворе случайно, и его, как непохожего, приняли очень плохо.

— Ну вот, еще целая орава! Точно нас мало было! А этот-то какой безобразный! Его уж мы не потерпим!

И сейчас же одна утка подскочила и клюнула его в шею.

— Оставьте его! — сказала утка-мать. — Он ведь вам ничего не сделал!

— Это верно, но он такой большой и странный! — отвечала забияка. — Ему надо задать хорошую трепку!
— Славные у тебя детки! — сказала старая утка с красным лоскутком на лапке. — Все очень милы, кроме вот этого... Этот не удался! Хорошо бы его переделать!..

— Он больно велик! — говорили все, а индейский петух, который родился со шпорами на ногах и потому воображал себя императором, надулся, словно корабль на всех парусах, подлетел к утенку, поглядел на него и пресердито залопотал; гребешок у него так весь и налился кровью. Бедный утенок просто не знал, что ему делать, как быть. И надо же ему было уродиться таким безобразным, чтобы сделаться посмешищем для всего птичьего двора!

Так прошел первый день, затем стало еще хуже. Все гнали бедняжку, даже братья и сестры сердито говорили ему:
— Хоть бы кошка утащила тебя, несносного урода! А мать прибавляла: — Глаза бы мои на тебя не глядели!
Утки клевали его, куры щипали, а девушка, которая давала птицам корм, толкала ногою.

Этого утенок не выдержал и бежал со двора куда глаза глядят. А теперь представим на минуту, что гадкого утенка приголубили и полюбили таким, каким он был. По закону импринтинга, раннего впечатывания программы жизни по ближайшему образцу, он бы по своим привычкам ничем не отличался от уток. И это была бы совсем другая сказка — должно быть, по-своему интересная. Но в данном случае утенок отправился на поиски собственного призвания.

Причем в дальнейшем он даже нашел выгодным свое уродство:

По болоту шлепали охотничьи собаки; камыш качался из стороны в сторону. Бедный утенок от страха хотел было спрятать голову под крыло, как глядь — перед ним охотничья собака с высунутым языком и сверкающими злыми глазами. Она приблизилась к утенку свою пасть, оскалила зубы и — шлеп, шлеп — побежала дальше.

— Слава богу! — перевел дух утенок. — Слава богу! Я так безобразен, что даже собаке противно укусить меня!

На этом он мог бы примириться со своей жизнью и принять, что таких, как он, вообще не бывает, утвердиться в своей исключительности. Тем более что дальнейшие приключения продолжали его убеждать именно в этом. Например, когда он попал в дом к старушке.

И утенка приняли на испытание, но прошло недели три, а яиц все не было. Господином в доме был кот, а госпожою курица, и оба всегда говорили: «Мы и весь свет!» Они считали самих себя половиной всего света, притом — лучшею его половиной. Утенку же казалось, что можно на этот счет быть и другого мнения. Курица, однако, этого не потерпела. ⁰¹ — Умеешь ты нести яйца? — спросила она утенка.

— Нет!

— Так и держи язык на привязи! А кот спросил:

— Умеешь ты выгибать спинку, мурлыкать и испускать искры?

— Нет!

— Так и не суйся со своим мнением, когда говорят умные люди!

И здесь не остался бедный гадкий утенок, казалось бы, окончательный неудачник. Оказавшись на воле, он увидел прекрасных лебедей и невольно восхитился ими. Внутреннее сродство притягивало. Только для того, чтобы признать себя равным с ними, ему понадобилось два зеркала: озерная гладь, в которой он увидел себя и, главное, зеркало отношения к нему прекрасных птиц.

Не беда появиться на свет в утином гнезде, если ты вылупился из лебединого яйца! Теперь он был рад, что перенес столько горя и бедствий — он лучше мог оценить свое счастье и все окружавшее его великолепие.

Конечно, описанный Андерсеном путь почти невероятно сложен. Многие ли из нас способны так длительно и опасно искать себя? Мил-тон Эриксон говорил: «Тяжелая жизнь — это страшное преимущество». Сам доктор Эриксон практически поднял себя из мертвых после тяжелой формы полиомиелита, который он перенес в семнадцать лет и с последствиями которого творчески сосуществовал всю свою жизнь.

История гадкого утенка, по сути дела, это история практически нормального, но не соответствующего своей социальной ячейке существа. Если пользоваться терминами дефектологии, он при отсутствии реального дефекта мог иметь высокий уровень «дефективности», то есть субъективного переживания выключенное из нормальной жизни. Дефект, являясь почвой для субъективных переживаний, обладает в то же время эффектом мощного стимула к собственным изменениям, либо изменениям и поискам нужной среды для себя.

Теперь можно подвести некоторые итоги под всеми этими фактами. Однако они сводятся к тому золотому правилу воспитания, которое уже давно открыл выдающийся русский педагог К. Д. Ушинский: «Воспитание, если оно желает счастья человеку, должно воспитывать его не для счастья, а готовить к труду жизни». То есть счастье, по сути дела, является не целью существования человека, а побочным продуктом его успешной самоактуализации, во многом — результатом хорошего воспитания.

От нас, взрослых, зависит то, как ребенок отреагирует на насмешки. Как на ущерб себе или повод для развития и совершенствования своей природы. А с другой стороны, потребность в мирном сосуществовании обязывает нас интегрировать детей в одном пространстве и терпеливо доводить до их сознания, что совсем одинаковыми мы быть не можем, что в полотне нашей совместной и неделимой на отдельные судьбы жизни переплетено множество нитей разных цветов и оттенков, образующих дивный по красоте и целесообразности ансамбль.

Зачем Ване Баба Яга? (Непедагогическая история)

Стреляного воробья на мя кине не проведешь.
Русская пословица

— Да не нужна мне никакая Баба Яга! — крикнет Ваня, если вы попытаетесь спросить его об этом.

Тогда почему этот малопривлекательный персонаж так живуч и столетиями не покидает фольклора всех народов? Ну в-первых, потому что она существует на самом деле. Конечно, в метафорическом плане. Не верите? Тогда представьте свою любимую женщину, приодетую в комфляж Бабы Яги, в лучшие минуты ее праведного гнева. Похоже получилось? То-то.

Во-вторых, потому что Ване без этого пугала проблематично будет ориентироваться в реальном мире.

Долгое время я, как и многие другие, педагогически подкованные мамы, была уверена, что детей пугать нельзя. Что у них от этого невроты и недоверие к мир}. Это была аксиома. До тех пор пока ко мне на консультацию не пришла молодая женщина с трехлетним сыном, слишком энергичным и недостаточно послушным, с точки зрения окружающих его взрослых. Слово за слово — выяснилось, что у мамы есть один надежный способ добиться от Вани взаимопонимания. Его нужно припугнуть Бабой Ягой. В том смысле, что если маме придется уйти, а ты останешься (раз ты не хочешь идти), то придет Баба Яга и заберет тебя. И возможно, даже съест. Женщина выжидательно на меня смотрела, ожидая оценки ее метода. Чем-то очень старинным повеяло от ее рассказа, чем-то из глубины веков. Ну как-то непопулярно нынче пугать ребенка, да еще таким обветшалым персонажем. Как в прабабушкиной сказке. А раньше ведь так и делали...

И вдруг молнией взметнулось воспоминание — картинка. Наша собака Найда оценилась и вела себя как самая лучшая в мире мать — исключительно заботливая и самоотверженная. Но вот к концу третьей недели у щенят открылись глазки, они начали ползать. И один из них заполз в непосредственную близость от маминой миски. Сначала мать обнажила верхний ряд зубов и предупредительно зарычала. Сын продолжал свои перемещения в прежнем направлении. Тогда мать коротко взбрыкнула и слегкахватила его зубами. Щенок взвизгнул и подался обратно. Так же любящая мать поступала в каждом аналогичном случае, пока щенята не усвоили первое в своей жизни табу: «Не лезь в чужую миску, если хочешь остаться цел».

Сначала такое поведение явно заботливой мамы удивило меня, но потом я вспомнила, что для любой собаки ее миска с едой является исключительно высокой ценностью, что она рычит на собственного хозяина, если он посягнет на ее миску во время еды. Мне стало понятно, что таким образом наша Найда научила своих детей первым правилам поведения в большом мире, где каждый защищает свою кормушку и при этом может быть не столь деликатен, как мать.

Чем младше ребенок, тем в большей степени к нему применимы законы этологии — науки о поведении животных.

Что сообщает мать, когда грозит маленькому упрямцу Бабой Ягой? То, что без нее он может подвергнуться опасности — какой угодно. Обманывает ли его при этом мать? Вовсе нет. Откуда мы знаем, что может прийти в голову маленькому ребенку, который остался один? Его собственный опыт еще слишком мал, чтобы качественно ориентироваться за пределами игровой площадки.

А если Ваня не поверит маме, что придет Баба Яга, то увидеть ее все же придется, так как он своей непокорностью пробудит в маме доисторическую и бессмертную Бабу Ягу. Он увидит, как добрая, ласковая мама в какие-то несколько секунд, как по волшебству, превратится в разъяренное чудовище с вытаращенными глазами, разинутым ртом и сжатыми кулаками. А ночью ему приснится вовсе не злая мама, а Баба Яга. Детям не хочется смешивать животворный образ мамы с той злодейкой, в которую она иногда превращается. Злой образ отчуждается, переходит в область снов.

Можно не пугать ребенка заранее Бабой Ягой. Тогда получается, что мама превратится в нее без предупреждения. А это, согласитесь, не каждый выдержит. Уж лучше честно предупредить.

Помню девочку лет пяти, которая ночью просыпалась в страхе, узнавала бабушку, просилась к маме, а когда мать брала ее на руки, в ужасе кричала: «Где моя мама?» Напрашивался подтекст: «Где моя добрая, ласковая, настоящая мама?» Женщину, которая вынужденно и с раздражением брала ее на руки, она не узнавала.

Возникает два вопроса:

1. Стоит ли на самом деле пользоваться припугиванием, и если да, то как?

2. Как мамы доходят до жизни такой, что становятся Бабой Ягой?

На первый вопрос я себе ответила утвердительно. Потому что бывают ситуации, когда никакие средства не помогают — ни уговоры, ни переключение внимания, ни объяснения, ни подкуп (в психологии есть более симпатичный термин — оперантное обусловливание, то есть предупреждение: если ты сделаешь так, то получишь то-то). А вам совершенно необходимо выйти с ребенком из дома, одеть его и т. д. Вам все равно не удастся остаться кроткой голубкой. Все равно рано или поздно вы взбеситесь (аж самой себя страшно бывает) и явление Бабы Яги может шокировать непредупрежденного ребенка. Если мать предупредила, то этим самым протянула ребенку руку помощи: со мной безопасно, держись ко мне поближе. Только здесь очень важно подразумевать собственную установку: пока ты маленький. И Бабок Ежек боятся только малыши.

А откуда мамки такие злые берутся? Да все на той же фабрике, откуда приносят всех карапузов. Для меня когда-то огромным облегчением было узнать, что время от времени гnevаются все матери, что время от времени все ненавидят своих детей, столь же пылко, как и любят, а на самом деле жизнь готовы отдать за них. Это две стороны медали неравнодушия, небезразличия, признания большой значимости кого-то в нашей жизни. Ну будем ли мы долго сердиться на чужого, неинтересного нам человека? Мы его просто очень быстро забудем. Мамы (и папы, незаслуженно забытые в этой главе) когда-то в своем детстве научились от своих родителей разнообразному проявлению своих эмоций и в своем родительстве автоматически воспроизводят старые привычки.

У Григория Остера (одного из моих любимых детских писателей) есть «Кулинарная книга Людоода», где он описывает десятки смачных блюд из маленьких трусишек, плакс, наглцов, хвастунишек, растерях и т. д. Остер предлагает детям один надежный способ справиться с Людоодом — найти в нем какой-нибудь недостаток, например спросить:

— А ты руки перед едой помыл?

Никакой уважающий себя Людоод после этого вас есть не сможет. Вы можете вылезать из тарелки и идти по своим делам.

А что же делать с не уважающим себя Людоодом?

Я представила себе Людоода. Он ест детей поедом, но никто еще не встречал полностью съеденного Людоодом ребенка. Зато по свету ходит великое множество недоеденных, недопиленных, недогрызенных, без ножа зарезанных детей. Людоодство столь же заразительно, как вампиризм, — недоеденные Людоодом жертвы начинают людоодствовать сами.

Я рассказывала об этом Людооде в своих детско-родительских группах и просила детей придумать способы, которыми можно справиться с не уважающим себя Людоодом. От их ответов у родителей начинали вытягиваться лица (они-то уже узнавали себя, а дети, не подозревая подтекста, шпарили свои способы). Тут были: и убью, и зарезу, и ножку подставлю, и ловушку устрою (в том смысле, что пусть сам заплачет, как маленький, тогда сам себя пусть и ест). Великий и ужасный Карлсон (который живет на крыше) добавил бы к списку способов свое низведение плюшками и привидениями и дуракаваление (которыми он рассчитывал в три счета поднять на ноги прихварывающего дядю Юлиуса, а поднял на ноги весь дом). Дети постарше и с опытом любви догадывались, что Людооде можно показать зеркало, чтобы он себя увидел, пожалеть его, рассмешить его, превратить его в кого-нибудь другого, неопасного (как в сказке Ш. Перро «Кот в сапогах», а заодно перечитайте приключения Гарри Поттера, где юных волшебников учат укрощать вризраков). Тут родители снова начинали дышать, их глаза прояснились. А то ведь вот до чего собственных детей довели.

Причем прямую агрессию по отношению к родителям дети старше четырех лет проявляют далеко не по полной программе, ведь они не могут жить без их любви и защиты. Большая часть этой агрессии достается по механизму перемещения кому-нибудь послабее или запикивается внутрь собственного организма — ребенку приходится «есть» себя самому, то есть возникают различные нарушения внутренней регуляции и питания тканей и органов, так называемые психосоматические болезни: нейродермит, бронхиальная астма, аллергозы, язвы и дискинезии пищеварительного тракта и т. д.).

И вот теперь мы наконец достигли существа вопроса. А что же Ване и его родителям делать, если превращение состоялось, причем ребенок явно не собирается задерживаться в жертвах и сам готов тебя съесть? Налицо два Людоода, или, если хотите, пауки в банке. Идет эскалация агрессии, страсти накаляются. Как перевести стрелку отношений? Кто первый перестанет пугать? Кто умнее?

Никогда не забуду маму Аню и сына Сашу. Они показали на занятии группы, как у них происходят ссоры. Причем у мамы, женщины очень артистичной, сразу возникла музыкальная метафора из песни:

— Ой-ой! Больше Вселенной горе мое! (В начале ссоры.)

— Ой-ой! Больше Вселенной счастье мое! (В конце ссоры.)

Тогда я вспомнила русские народные сказки, в которых Иван встречает в лесу избушку на курьих ножках, которая вертится и не собирается его впускать, пока Иван не произносит магических слов: «Избушка-избушка! Встань к лесу задом, а ко мне передом!» И избушка всегда слушает его. Потому что Иван верно угадал, что ее можно об этом попросить, что она сможет его впустить.

Ваш ребенок может со временем догадаться, как развернуть двуликую маму человеческим лицом к себе, если вы, выходя из себя, не забываете вернуться обратно, дадите ему понять, что ваша любовь гораздо сильнее приступов злости, что ваша избушка готова развернуться к нему лицом.

Для меня этот принцип отношений — разворот ролей — стал правилом избушки (или стрелочника). Вы, конечно, можете не согласиться: ну зачем же избушка, ведь в ней же Баба Яга сидит? Тогда вспомним продолжение сказок. Да, именно Баба Яга. Причем сначала грубая и злонамеренная. Она у Ивана спрашивает: «Дела пытаешь али от дела лыга-ешь?» Но Иван знает правила традиционного гостеприимства, которые даже старая колдунья не может нарушить, и произносит следующие магические слова: «А ты, старая, сначала добра молодца накорми, напои, в баньке попарь, а потом и расспрашивай!» Баба Яга смекает, что путник — тертый калач и щи не лаптем хлебает, проникается к нему уважением и... начинает помогать ему.

Так, если в вашем доме принято встречать вошедшего по правилам гостеприимства, а потом уже требовать дневник с оценками или зарплату, то и ваш Ваня обязательно научится с чувством собственного достоинства любую Бабу Ягу превращать в свою помощницу. Это я называю правилом Ивана-царевича.

Дальше мы столкнемся и с другими правилами нашего общежития, не сейчас придуманы, и не нам их отменять. В народных сказках, мифах и пословицах закодирован настоящий свод тех правил, которые регулируют важнейшие стороны наших отношений. Мало того, в них заложены все важнейшие образчики ролевого поведения, которые К.-Г. Юнг назвал архетипами. За незнание их или пренебрежение ими мы расплачиваемся горем и несчастьем.

Однако эту главу еще рано завершать. Потому что существует Психимора — персонаж семейной трилогии Эрве Базена «Семья Резо». Вот ее не стоит путать с Бабой Ягой. Если Баба Яга несет в себе амбивалентность и выступает не столько в качестве страшилки, сколько реального помощника героя и испытательного полигона, то Психимора олицетворяет слепую стихию власти над собственными детьми, которая уродливо деформирует детей, и им в силу привычки порой уже не обойтись без постоянного заряда взаимной ненависти. Эта ненависть становится питательной средой развития, единственным привычным обстоятельством. Без Психиморы, без военных действий с ней жизнь становится пресной.

Возможно, вы этого не поймете, но я скучал. Конечно, нас принимали и нас угощали по-королевски, мы пользовались полной свободой с утра до вечера, в нашем распоряжении были теннисный корт, лодка, бильярдная, многочисленная челядь. Но все развлечения были разрешены официально и не имели прелести запретного плода. Психимора не дрожала от злости при виде их. Фреди, по-видимому, не очень-то разделял мои чувства на этот счет.

— Старуха лопнула бы от злости, если бы видела, как мы тут живем, — то и дело твердил я.

— В кои-то веки мы избавились от нее, а ты то и дело поминаешь эту ведьму! Ты все время ее ругаешь, а вроде как не можешь обойтись без нее, честное слово!

Ив самом деле! Играть с огнем, вертеть в руках гадюку — разве это не было с младенческих лет самой любимой моей забавой? Психимора стала мне необходимой, как пенсия для калеки, живущего своим убожеством.

Подобные Психиморе мифологические персонажи плодили только подобных себе чудовищ: скандинавский Локи, съев сердце злой женщины, породил вместе с одной великаншей трех чудовищ — мирового змея Ермунганда, волка Фенрира и владычицу царства мертвых, Хель. Все эти чудовища выступают на стороне сил Хаоса и разрушения во время Рагнарека — конца света.

- 1 2 -

Гребешок для лесного духа

Если не будете как дети, не войдет в Царствие небесное.

Из Евангелии

В этой главе продолжение темы детских страхов. Эту историю я когда-то давно прочитала в сборнике НФ-рассказов. С тех пор она больше мне не попадалась, а автора я не запомнила. А память о ней осталась настолько сильная, что не было другого выхода, кроме как написать ее заново.

Стук-стук-стук. Мячик отскакивал от стенки звонко и ритмично. стук стал реже, тише, пока не прекратился совсем. Элли грустно уставилась на яркий красно-синий мяч, смиренно лежащий на полу. Играть опять было не с кем. Пятилетняя Элен, Элли, как все ее звали, была на научно-исследовательской базе Венеры единственным ребенком. Это было против всяких правил, но и мать, и отец работали на этой базе, и не мыслили себя ни без работы, ни без ребенка. Так Элли стала полноправным жителем базы. Отец Элли работал ученым-геологом и изучал образцы венерианской почвы минералов, а мама — врачом. Работы было очень много, так что

заниматься с девочкой у них почти не оставалось времени. Впрочем, няnek у нее хватало. Девочку на базе любили и баловали, так что она свободно ходила по территории базы и всем задавала бесчисленное множество утомительных вопросов, которые взрослые не сразу понимали. Увидев как-то на экране телевизора озеро и узнав, что оно совсем недалеко отсюда, она спросила у дежурного наблюдателя, Джека Уиллсона:

- А это море плавное?
- Какое-какое? - не понял Джек.
- Ну, в нем можно плавать или нет?

Как-то раз на базе произошел небольшой пожар в служебном помещении. Его быстро потушили, никто не пострадал. А на следующий день Элли стала выспрашивать у мамы:

- А тарелки в огне не горят?
- Нет, не горят, - ответила мама.
- Это хорошо! - обрадовалась девочка. - Значит, в любой пожар можно

выбегать без тарелок!

Одним словом, Элли исправно развлекала весь народ на базе. Росла она шустрая и жизнерадостная, одно только плохо - все ее друзья были слишком высокого роста и слишком заняты.

Элли мечтала о друге, с которым можно было бы играть все время. По вечерам она смотрела из своей кровати на светлый прямоугольник окна за полупрозрачными шторами. На нем металась от ветра тени ветвей диковинных местных деревьев. Это завораживало и даже пугало. Но мама подходила вместе с девочкой к окну и показывала ей, отдернув шторы, деревья, от которых происходили такие странные тени. Потом, засыпая, Элли видела на подоконнике маленьких зеленых человечков. Они строили большой дом, потом Элли шла к ним в гости. С ними было так весело и интересно! Днем девочка рисовала про них картинки в своей тетрадке - получались целые истории. Родители озадаченно посмеивались над этими забавами своей дочки, но не запрещали девочке верить в зеленых человечков. Странные они были люди - похоже, что им и самим хотелось встретить кого-то еще невиданного, а иначе зачем бы им забираться на Венеру, в полную неожиданностей и опасностей жизнь, когда можно было остаться на мирной, предсказуемой Земле.

Элли росла почти без запретов, кроме единственного - не выходить за пределы базы. Жизнь на Венере еще только изучалась. Ее формы очень сильно отличались от привычных земных. Уже двое сотрудников погибли в поединке с планетой. А события последних двух месяцев наполнили тревогой и печалью сердца всех живущих на базе. Сначала нашли Мэта Дэннохью в ста метрах от ограды лагеря — почти без признаков жизни, практически без пульса и давления, с остановившимся, полным ужаса, взором. Медицинская помощь, оказанная мамой Элли, вернула жизнь в его тело, но в глазах так и не появилось проблеска разума. С первой же транспортной ракетой Мэта отправили на Землю. Следующим был Тим Хэррис. Он дополз до лагеря сам, и его удалось привести в сознание, но память на происшедшие с ним события так и не вернулась. Тима тоже отправили на Землю. Никаких физических повреждений у пострадавших не было обнаружено. Казалось, они испытали невероятный по силе ужас, от которого не смогли оправиться.

Малышку Элли тщательно оберегали от этих печальных новостей, благовидно объяснив отсутствие ее знакомых.

Поэтому, когда обнаружилось отсутствие девочки в лагере, была поднята всеобщая тревога, и на поиски ребенка немедленно отправились несколько групп, одну из которых возглавлял отец Элли. Мать, почти одуревшая от страха за дочь, осталась в лагере, чтобы оказать немедленную помощь, когда ее найдут. Если найдут...

Денек выдался на славу - ясный, солнечный, не слишком жаркий. Венерианские птички жизнерадостно посвистывали, цветы восхитительно пахли и приглашали прикоснуться к себе, но люди уже знали хищные повадки некоторых и держались от них подальше. Поиски продолжались уже около двух часов. И никаких следов девочки... Группы каждые пятнадцать минут связывались друг с другом по радио, прочесывая местность по квадратам. Напряжение у людей росло, тревога готова была перерасти в панику. Казалось, ужас излучал сам лес, и только развитое чувство долга и уверенность в товарищах помогали сохранять людям присутствие духа.

- Она! Элли, девочка! - раздался крик Дженни, радистки.

И тут уже вся группа увидела выходящую из леса девочку. Она выходила спокойно, на лице у нее была довольная улыбка. За руку она вела низенькое существо, сильно смахивавшее на картофелину, на коротеньких ножках, с большими светлыми глазами, с интересом и удивлением уставившимися на людей.

- Папа! - девочка кинулась к отцу. - Посмотри, кого я нашла! Это, на верное, лесной дух! Он прятался под кустом и сначала меня боялся, и он был такой лохматый! А я его уговорила не бояться и причесала своим гребешком. Видите, какой он стал красивый!

И тут все увидели, что длинные тонкие отростки на голове лесного чуда собраны на затылке в хвостик и завязаны красной ленточкой Элли. Существо, прячась за девочку, с любопытством осматривало людей и, видимо, убедившись в своей безопасности, совсем вылезло вперед и позволило себя рассмотреть.

Радость в лагере была двойная — ребенок оказался жив и здоров, да еще открыли новую форму жизни, наделенную хоть и примитивным, но разумом. С лесным духом удалось установить контакт и понять назначение отростков на голове. Они несли функцию защиты, служа антеннами, принимающими эмоцию страха предполагаемого врага и передающими ее обратно, тысячекратно усилительную мозгом этого странного существа.

Элли ничего об этом не знала. Она просто очень хотела найти себе друга и нечаянно связала своим бантом его оружие...

Мама и папа девочки научили дочку одной важной вещи — идти к неизвестному не со страхом, а с почтительным интересом. Почтительным — потому, что твой контактер может испугаться сам и стать опасным. Как котенок может поцарапать слишком решительно глядящего его ребенка, еще не знающего, что сначала нужно познакомиться, а потом приближаться.

А так как люди растут и меняются, то даже с самыми близкими нужно каждый день знакомиться заново. И почтительно. Особенно если это твои собственные мама и папа или твой собственный ребенок. Тогда не нужно будет их бояться.

Что же делать, если страхи все же угнездились в душе ребенка? Иногда ничего не нужно делать, потому что большинство психически здоровых детей придумывают себе различные игры и фантазии, которые помогают им победить свои страхи в символической форме. Они, например, ходят в темноту с фонариком или быстро бегут через весь коридор, чтобы зажечь свет ночью в туалете. Они берут свой новый автомат и отправляются с другом в подвал. Рассказывают друг другу страшные истории, смотрят страшные мультфильмы.

Но не всегда ребенок способен придумать себе целительную сказку или игру, иногда он нуждается в спутниках, товарищах по путешествию в страну превращений. Особенно когда именно в нарушениях отношений с такими вот значимыми людьми лежит корень его болезней. В таком случае ребенку бывает необходимо совсем чуть-чуть помочь, чтобы он смог поверить в свои силы творца нового мира, нового самого себя. Для этого родители приводят ребенка к детскому психологу, а хитрый психолог оставляет родителей на сеанс совместной семейной терапии ребенка проблем. Потому что более эффективных и качественных способов помочь детям, чем семейная терапия, нет.

Вот как однажды восьмилетняя Танюша, которую привели с сильными страхами темноты, одиночества вплоть до зрительных иллюзий в виде особо страшных для детей зеленых глаз, строила сценарий своего выздоровления. Эта девочка была очень застенчива и неуверенна в себе. Ее привели очень заботливые и интеллигентные родители, уровень тревожности обоих зашкаливал даже на глазок. Они без каких-либо вопросов приняли участие в совместной работе. А Таня была допущена за ширму в сокровищницу кукольного театра и произведена в должность сценариста и главного режиссера, и каких ей угодно актеров одновременно. А все остальные, включая вашу покорную слугу, были ее помощниками и исполнителями. Таким образом, Танюша придумала историю, которую с нашей помощью сначала показала над ширмой, а потом вместе со своей мамой записала и передала мне на память.

Сказка о Василисе, ее тигренке, их друзьях и злом волшебнике

Жили-были бабушка, дедушка, их внучка Василиса и тигренок. Однажды бабушка и дедушка собрались на рынок. Василиса попросила купить ей красную ленту и конфеты и спросилась у бабушки погулять. Когда она пошла погулять, тигренок остался один дома. Ему было очень скучно. А тем временем к дому подошел злой волшебник и притворился добрым. Он позвал тигренка поиграть с ним, а сам схватил его. Когда Василиса пришла домой, она стала искать тигренка и не нашла его. Рядом с домом она увидела лису и спросила ее, не видела ли она тигренка. Лиса сказала, что тигренок она не видела, но заметила известного ей злого волшебника, который очень хорошо умеет притворяться добрым. «Наверное, — сказала лиса, — это он взял тигренка! в свою пещеру».

Василиса спросила, не знает ли она, где живет этот злой волшебник. Лиса ответила, что сама не знает, но есть одна умная девочка, которая это знает. Она обещала проводить Василису до половины пути, а там можно будет спросить у зайца. Василиса сказала, что она боится уходить, потому что потеряют бабушка и дедушка. Лиса обещала их предупредить. Василиса пошла с лисой к умной девочке. Она износила много каменных туфель и сгрызла много каменных хлебов в пути. Когда она дошла до середины пути, то встретила там зайца, который рассказал ей, как идти дальше, и попросился идти с ней. Когда они дошли до умной девочки, та им рассказала, что скоро они увидят огромное дерево с трещиной, в которую нужно будет зайти, а там будет пещера, и надо будет подождать, чтобы злой волшебник посмотрел, кто там пришел. В это время нужно будет быстро шмыгнуть направо по тайному ходу. А потом уже нужно идти прямо, а потом опять направо. Дойдете вы до трона, а там стоит волшебный посох. Стукнете им тихонько по головам черепах и лягушек, находящихся там, в пещере, — и они превратятся в людей. Когда волшебник придет туда, вы спрячетесь и внезапно стукнете его по голове. Ну а потом чары разрушатся - и он превратится снова в доброго человека.

Когда Василиса и заяц пришли туда, они все так и сделали. Лягушки и черепахи превратились в людей, а злой волшебник был, оказывается, дедушкой Василисы. Когда они все вернулись домой, он рассказал, как все это получилось. Однажды он нашел красивую палочку и случайно задел себя по голове. И превратился в злого волшебника. Он не хотел делать зло, но не смог сопротивляться злым чарам. Теперь они взяли к себе домой тигренка, которого нашли, и зайца. Они отблагодарили лису и девочку. А умная девочка напомнила, что посох надо замуровать, чтобы его никто не нашел. Так они и сделали. И стали жить-поживать и добра наживать.

Сказка исключительно интересна в плане анализа, она буквально нафарширована мощной символикой, а главное, механизмом трансформации через приход в страшное место, обитель зла и вместе с тем некий инкубатор живых и вполне позитивных существ. В том числе и она сама подвергла себя этой инкубации и новому явлению из места рождения, каковые обычно символизируют пещеры и прочие емкости. Огромное дерево архетипически представляет из себя мировую ось, соединяющую все миры и времена. Все глобальные изменения происходят именно на этой всемирной оси.

В ходе работы Таня имела вполне убедительное улучшение своего состояния, ведь она расколдовала свой страх. И она сделала это сама, Мы — все остальные, лишь охотно участвовали в ее мистерии развития.

Эта глава получается объемная, потому что страхи являются львиной долей детских проблем. И взрослых тоже. Поэтому она будет неполной без истории о Ксюшином червячке. Так же как и Танина история, Ксюшина произошла уже порядочно давно — лет шесть-семь назад. Так вот, Ксюша была крайне застенчивая девица десяти лет. При волнении начинала сильно заикаться, нормально себя чувствовала только с узким кругом самых знакомых людей. Поражала своим богатым воображением, хорошо рисовала и сочиняла по своим картинкам истории. Поэтому она предпочла для совместной работы рисованный спектакль. Себе она выбрала роль червячка, а нам с мамой разрешила выбрать любые роли. Я выбрала роль курицы (Катка-растрепка), а мама стала уточкой. Сначала Ксюша не решалась начать свою историю на словах, но согласилась ее написать. Вот что из этого получилось. «Я — червячок, живу в лесу. И теперь попал в деревню. И не знаю, что в деревне есть. Ой, кто это? Это люди. Ну ладно, я пошел. Кто это за мной идет? Какие-то две птицы. Пожалуйста, не ешьте меня! Ой, ай-ай-ай! Я

напал на колючки, спасите, вытащите меня из этих колючек!»

А потом мы все же решили поставить наш спектакль. Сначала червячок долго не мог начать свою историю, хотя ему это полагалось сделать, так как он вытянул короткую спичку (так было решено по общему согласию). Тогда Катька-растрепка, потеряв терпение, сама явилась к червячку и начала шумно рассказывать о себе и спрашивать червячка. Он прикрылся вторым листом бумаги и, осторожно выглядывая из-под него, объяснял, что у него все нормально, живет он в норке и в лесу у него есть друзья. Потом появилась утка и начала с ходу набиваться червячку в Друзья, на что червячок совсем спрятался под лист и на время перестал общаться. Тогда утка с курицей решили, что дружба так вот сразу не бывает, особенно между такими персонажами, как червячок и всеядные птицы, которые питаются в том числе и червячками. Они решили, что сначала нужно быть уверенными друг в друге, что тебя не съедят. К этим рассуждениям червячок начал, видимо, прислушиваться, потому что показался из-под своего листочка. Катька-курица объявила, что они с уткой сыты и не собираются проглотить его, а он какой-то больно затайливый, необычный червячок. Уж не из тех ли он червячков, которые имеют обыкновение закукливаться и потом превращаться в кого-нибудь потрясающе прекрасного — бабочку, или рыбку, или жука майского, или вовсе кого-то нам неизвестного?

Червячок в ответ таинственно улыбнулся, и вид у него был столь многозначителен, что подружки поняли: так оно и есть. Не червяк, а принц заколдованный! Или даже принцесса! Как это романтично!

А тем временем курица и утка вспомнили, что у них на дворе цыплята и утята остались, а где-то рядом ворона-обжора живет и только ждет чтобы малыши без надзора остались. А как узнать, есть опасность или нет? Летать обе разучились. Что делать? Тогда они спросили у червячка, не может ли он летать или хотя бы лазать по деревьям.

— Лазать умею, — скромно ответил червячок.

Тогда обе подружки начали умолять его об огромном одолжении — забраться на дерево и посмотреть, где ворона. Тогда червячок уже без признаков страха залез на дерево и сообщил, что вороны нигде не видно. Тогда утка и курица решили все же идти домой, пока все спокойно. На прощание все же решили продолжить знакомство. И червячок был не против. К этому времени он совсем вылез из-под своего листика.

Это была совсем небольшая работа со сказкой, в ходе которой Ксюша дала нам понять, что ее состояние вовсе небезнадёжно, что в ее внутренней программе заложено представление о доверии и возможности дружить.

История Тыквоголового Джэка

От счастья ключи в своих руках ищи. *Русская пословица*

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. И все-таки на сказочной канве расцветают узоры героического или иных других путей, различных сценариев жизни человека. На свете есть много прекрасных историй, выдуманных и описанных художниками слова, которые не задавались специальной целью воспитать и поучать кого-то, но тем не менее именно на них воспитываются многие поколения детей. Читая о пути симпатичного им героя, они невольно проникаются его содержанием и примеряют на себя его способы действия. Хорошая сказка — прекрасный посредник между взрослым и ребенком, когда нашей терапевтической или воспитательной задачей становится попытка обеспечить ребенка сценарием изменений, роста, позитивного развития.

Итак, нам предстоит заново познакомиться с произведением Фрэнка Лаймена Баума «Чудесная страна Оз». Эта сказочная повесть является культовой не только для американского народа, но и для всего западного мира. Для нас — евроазиатов, модель *curriculum vitae* (жизненного пути) Ф. Баума также является естественной, органически присущей. Эта отличная волшебная история имеет то неоспоримое достоинство, что помещает в единое жизненное пространство и детей, и взрослых, когда-то выросших на тернистых путях героев этой истории. Мы сейчас коротко вспомним путь, которым прошли герои путешествия в Изумрудный город. Все началось со страшного урагана, которые нередки в канзасских степях (а в нашей жизни?). Ураган унес домик, в котором находились девочка Дороти и ее песик Тотошка (у А. Волкова, пересказавшего русскому читателю эту сказку, девочку зовут Элли). Волею судьбы девочка оказывается в стране, отрезанной от всего остального мира непроходимыми пустынями и горными цепями, благодаря чему страна не подверглась

цивилизации и осталась волшебной. И хотя страна очень понравилась Дороти, скоро она почувствовала, что больше всего хочет вернуться домой, в серую унылую канзасскую степь, к своим тоже достаточно унылым тете и дяде. Вы скажете, что если бы там очутился мальчишка, то не преминул бы вволю попутешествовать и испытать ужасные и опасные приключения (вспомним Буратино). Думаю, что вы правы, и Дороти так быстро захотелось домой, потому что она была девчонка.

Дороти узнает о пути исполнения своего желания, он лежит в Изумрудный город, к тамошнему волшебнику, слышущему великим и ужасным, но он единственный, кто может вернуть девочку домой. В Изумрудный город ведет дорога из желтого кирпича, и Дороти отправляется по ней. По пути она встречает еще несколько существ, которым сначала помогает: Страшила снимает с шеста, на котором он торчал в качестве пугала, Железного заржавевшего Дровосека возвращает к жизни, смазав его маслом, догадывается о трусости Льва, которую он тщательно скрывает, обижая тех, кто слабее его самого. Когда спасенные девочкой существа узнают о цели ее путешествия, у них объявляются собственные желания: Страшила жаждет иметь мозги, чтобы люди не считали его глупым, Дровосек делает выбор между умом и сердцем в пользу сердца, а Трусливый Лев хочет попросить смелость. На пути к своей цели они преодолевают несколько серьезных и опасных преград: переправа через пропасть, встреча с тигромедведями, маковое поле. Путники преодолели все испытания и препятствия и прибыли в Изумрудный город. Волшебник обещает выполнить их желания, но сначала они должны выполнить поручение Оза, которое состояло в победе над волшебницей Фиолетовой страны. Оз сам долго и безуспешно боролся с ней. Дороти, взятая в плен волшебницей, случайно, в страхе и от отчаяния, выплескивает на ведьму ведро воды, не зная, что она от этого растает. Дороти не знала, что делать, но сделала хоть что-то, и это «что-то» оказалось верным.

Подвиг совершен, путешественники торжественно возвращаются к Озу. И сталкиваются с очередным разочарованием — за ширмой прячется маленький плешивый человечек — никакой не волшебник, а великий и ужасный обманщик, фокусник и чревовещатель. К счастью, он оказывается достаточно умным, чтобы в символической форме закрепить победы наших друзей над собственной слабостью. Он понял, что у них все необходимое уже было внутри, только они не решались поверить в свои достоинства и принять ответственность за них. Все, что остаюсь обманщику, это выдать путешественникам материальное свидетельство обретенных достоинств, подтверждающих их новый статус. Так кто же оказался истинным волшебником? Мне нравится версия, что каждый из них стал волшебником, которому и придется впредь исполнять собственные желания, а значит, семь раз отмерить, прежде чем пожелать и исполнять.

Вот и закончилась первая книга преодолений. После них есть еще приключения. Я сама выросла на книгах А. Волкова — бесконечно благодарна ему за его героическую и захватывающую эпопею. Однако познакомившись, будучи уже взрослой с историями Ф. Баума, дальнейший путь хочу совершить с ним, и все из-за одного персонажа — Тыкво-голового Джека.

История Джека — Тыквенной головы является настолько иллюстративной к проблеме воспитания детей и анализу условий, от которых зависит судьба ребенка, что подобную ей по краткости, конкретности и достоверности трудно найти.

Итак, предлагаю вам краткий пересказ этой истории с попутными комментариями. Конечно, самый лучший вариант самим прочитать книгу Баума.

После окончания знаменитого путешествия в Изумрудный город Дороти вернулась к себе домой, Страшила был избран правителем Изумрудного города, Железный Дровосек стал императором Фиолетовой страны (на более скромный титул он не согласился), а Лев, теперь уже отважный, стал, естественно, Царем зверей.

Где-то в глубине Фиолетовой страны живет старая колдунья Момби — всеми недовольная и злая. У нее воспитывается мальчик Тип, которого она использует для ведения домашнего хозяйства. Типу очень надоела вредная старуха, ее постоянные издевательства над ним, и он решает в отместку напугать ее. С этой целью он изготовил из дерева чучело, вместо головы насаживает ему спелую тыкву, на которой вырезает перочинным ножом улыбающуюся рожу (интересно, почему же не страшную?). Старуха увидела чучело, возвращаясь вечером домой, но отнюдь не испугалась, а рассердилась на мальчишку, которого сразу заподозрила в этой проказе. Момби возвращалась домой не с пустыми руками, а с приобретениями — оживительным порошком и зельем, обладающим живое в мрамор. Она решила испробовать силу порошка и оживила Тыквоголового Джека (как его назвал Тип). Дав жизнь Джеку старуха решает, что больше ей Тип не нужен — ведь теперь в своих целях она может использовать ожившее чучело. И мальчика решает обратить в мраморную статую и украсить им свой сад. Все это весьма смахивает на модель семьи со слабым инфантильным мужчиной и сильной неудовлетворенной жизнью женщиной, которая заставляет близких служить ее целям и терпит их, пока они им соответствуют. «Заведя» ребенка, такая дама получает новенькую возможность придать смысл своей жизни. Папаша, исполнив свое биологическое предназначение, задвигается в угол и в лучшем случае поддерживает статус своей супруги как замужней женщины.

В данном случае нашему «папаше» удалось бежать, прихватив с собой сынишку — Джека (развод с дележом ребенка). В данном случае Момби осталась с носом — честь и хвала Типу, которому все-таки удалось актуализировать доблестное мужское начало.

До момента побега история Джека — Тыквоголового очень напоминает историю Страшилы — обоих готовят к судьбе

пугала (цель — сведение счетов с ближним своим), поэтому делаются они кое-как, наспех небрежно. Вот диалог из первой встречи Страшила и Джека:

— Делали тебя, похоже, наспех, — заметил Страшила, наблюдая за безуспешными попытками Джека распрямить длинные ноги.

— Вас, похоже, тоже, ваше величество, — последовал ответ.

— Есть, однако, и разница: я гнусь, но не ломаюсь, а ты ломаешься, но гнеешься.

Вот тут-то и начинаются расхождения в их судьбе. Страшила — генетически более гибкий ребенок, то есть в нем заложен большой запас прочности и возможности восстановления. Это можно сравнить с закладкой темперамента. Один рождается преимущественно сангвиником — с хорошо уравновешенными процессами возбуждения — торможения, с запасом жизнерадостности. А другие создаются из более хрупкого уязвимого материала, да еще меланхоликами — тревожными ранимыми, неуверенными, лишенными врожденного чувства собственного достоинства.

В начале своего пути Джек пытается проявить возможности своего пробуждающегося ума. Когда они с Типом решают бежать от Момби

Тип выбирает путь в Изумрудный город, так как он что-то слышал о нем. Для удобства передвижения Джека, у которого получились слабые ноги, Тип оживляет дровяные козлы, делает из них коня для Джека. У коня только один недостаток — он совершенно не слышит команд Типа. Джек догадывается, что это по причине отсутствия ушей, и предлагает «папаше» сделать коню уши. Неплохой проблеск ума? Это не мешает Типу через некоторое время прервать его последующие попытки размышления: — Думай на здоровье, еще никто не думал головой, в которой ничего нет, кроме семечек.

Характер у Джека оказался мягким, уступчивым, он не подвергал сомнению слова «папаша», да и многие ли дети в состоянии чувствовать себя умными, если их убеждают в обратном?

Дальше наши друзья претерпели немало совместных приключений. Товарищами по путешествию стали свергнутый с трона Страшила, Железный Дровосек и Жук-Кувыркун, С. У. (сильно увеличенный) и В. О. (высокообразованный). История свержения с трона Страшила занимает свое достойное место в этом повествовании, так как свергли его женщины, которым надоело владычество мужчин, причем сделали они это с легкостью, не встретив практически сопротивления, вооруженные одними лишь вязальными спицами. И хотя узурпаторы тоже лишились трона, Страшила его уступил законной наследнице (заметьте, тоже женщине) — принцессе Озме, которая прожила большую часть жизни, думая, что она мальчик, так как Момби превратила ее в Типа и отняла у нее память.

На этом пути реальной целью команды была борьба за передел власти, то есть роль Джека сводилась к тому, чтобы мешать более состоятельным спутникам, да еще принимать огонь на себя, привлекая к себе внимание в трудных и напряженных ситуациях. Вот некоторые эпизоды из их совместного путешествия:

— Впредь не думай, — строго предупредил его Страшила. Если с думанием туго, будь лучше пугалом — тоже достойное занятие.

— Буду просто пугалом, — согласился Джек.

— Сдается мне, — продолжал Страшила, что пирог с тыквенной начинкой лучше, чем негодная голова.

— Увы, ваше величество, я не мог себе выбрать другую, — вздохнул Джек.

— Жаль! Впрочем, ведь и я тоже, — добродушно улыбнулся Страшила. — А раз мы с тобой товарищи по несчастью — давай дружить!

Казалось бы, за этим могли последовать конструктивные предложения, как стать умнее, чем ты есть. Но мудрый Страшила почему-то молчит. И оставляет Джека прозябать в сознании собственного ничтожества

В ответ на предложение дружить Джек отвечает:

— С сердечным удовольствием!

— Как? У тебя есть сердце? — удивленно спросил Страшила.

— Нет, — смутился его собеседник, — это только говорится так, для красоты.

— Ты и сам красавец хоть куда, — уверил его Страшила. — О красотах речи я бы на твоём месте не заботился — как-никак для этого нужны мозги, а их у тебя и нету.

— Согласен! — на всякий случай не стал спорить Джек, хотя он решительно ничего не понял.

Мало того, над Джеком и его страхами спутники постоянно подтрунивают.

Вот эпизод их совместного полета на Рогаче.

Вдруг Тыквоголовый заерзал на месте.

— Не знает ли кто, — спросил он встревоженно, как тыквы переносят высоту?

— Плохо переносят, — ответил ему Кувыркун, — особенно если падают с высоты. Но в этом случае тыква перестает быть тыквой, а превращается в тыквенное пюре.

— Неужели ради друга нельзя удержаться от красного словца? Я же просил тебя! — сердито сказал Тип, обращаясь к Кувыркуну.

И этим окончательно превратил шутку Жука в серьезное и опасное высказывание, хотя оно могло бы быть для Джека целительным, если бы он смог вместе со своими друзьями посмеяться над своей мнительностью, дистанцироваться от своего страха своим смехом над ним. Вспомним пушкинское из «Руслана и Людмилы»:

* А Черномор уж был известен,
И был смешон, а никогда Со смехом ужас несовместен.

Однако Типу удалось поддержать серьезное отношение Джека к слабости своей головы. Может быть, Типа мучили укору совести за его собственные насмешки, может быть, он сводил какие-то счеты с ядовитым на язык жуком. Нам это доподлинно неизвестно.

И уж совсем неудивителен диалог Джека со Стражем города:

— Позвольте осведомиться, кто вы такой и чем занимаетесь?

— Меня зовут Тыквоголовый Джек, — ответил тот, улыбаясь, — а чем я занимаюсь, мне пока и самому неведомо.

Страж городских ворот очень удивился и покачал головой, явно неудовлетворенный ответом.

— Так кто же вы все-таки — человек или тыква? — переспросил он вежливо.

— Или то, или другое — уж как вам будет угодно, — любезно ответил Джек.

Вот она — ключевая фраза, которая означает не что иное, как «я готов жить под вашу ответственность и сам не собираюсь строить свою судьбу».

В конце истории нам удается узнать, что, несмотря на свои страхи потерять голову или быть съеденным врагами или даже товарищами по путешествию, скиснуть, прогунуть и т. д., он прожил долгую жизнь при дворе принцессы Озмы, которая оказалась его «мамашей». Поумнеть ему так и не удалось, хотя Кувьркун потратил немало времени на то, чтобы приобщить его к премудростям науки. Это известие воспринимается с немалой толикой огорчения, но, судите сами, могло ли быть иначе в этой истории?

Образ Джека — классический образ пациента, тихого невротика, подверженного навязчивым страхам, страдающим комплексом неуверенности в себе, при этом выжившего за счет приспособления к обстоятельствам. А ведь у Джека, подобно Страшиле, были моменты, в которые могли бы прорасти зерна успеха. Поэтому совершим труд сравнения жизненного пути этих героев. Вот первый день Страшилы:

— Где находится Изумрудный город и кто такой Оз? — осведомился Страшила.

— Неужели ты не знаешь? — удивилась девочка.

— Нет, я вообще ничего не знаю. Я набит соломой, и в голове у меня нет мозгов.

— Как мне тебя жаль! — воскликнула Дороти.

— А если я пойду в Изумрудный город, не даст ли великий мудрец Оз мне немножечко мозгов? — вдруг спросил Страшила.

— Не знаю, — ответила Дороти, — но, если хочешь, пойдём вместе.

Даже если Оз не даст тебе мозгов, тебе ведь не станет хуже, чем теперь?

— Это Верно, — согласился Страшила и заговорил доверительным тоном:

— В конце концов, я ничего не имею против того, что набит соломой. Если кто наступит мне на ногу или вонзит в руку булавку, мне все нипочем: боли я не чувствую. Но вовсе не хотелось бы, чтобы люди считали меня глупцом. Ведь раз у меня вместо мозгов солома, как я могу понять, что собой представляет этот мир?

— Я тебя очень понимаю, — отозвалась Дороти. — Если ты пойдешь вместе со мной, я попрошу за тебя Оза.

Итак, информации для анализа у нас достаточно.

Во-первых, у Страшилы было собственное, довольно сильное побуждение — желание стать умным, потому что хотелось понять мир. У Джека исходно не было такого сильного желания. Затем, Страшила был сразу предоставлен самому себе и был вынужден задавать вопросы о жизни не кому иному, как самому себе, а Джека опекал заботливый «папаша» (мы же помним, что, в сущности, Тип являлся «мамашей»), который сразу обеспечил его костылем-конем, чтобы побережь слабые ноги дитятки. А ведь, потрудившись, можно было поставить увальня на собственные ноги. Если долго кутать и защищать исходно слабого ребенка, наиболее вероятно, что он повторит судьбу Тыквоголового Джека. Судьба всех маменькиных сынков — всю жизнь провести под маминой юбкой, так и не увидев мира.

И в дальнейшем их судьба складывалась различно. У Страшилы были следующие благоприятные моменты:

1. Информация о том, где можно получить мозги.
2. Наличие спутников, имеющих ту же цель и воодушевляющих друг друга.
3. Наличие мифа о могуществе волшебника, то есть ВЕРА в возможность такого чуда.

Джек попал в другую ситуацию. Тип не был заинтересован в слишком умном спутнике — ему самому было важно чувствовать себя авторитетом после прозябания у старой колдуньи. Затем, поставив цель: передел власти, спутники не ставили себе попутных задач ни личной изменения, ни изменения Джека, а собственные волевые импульсы Тыквоголового были слишком слабы. Так ему досталась роль милого и верного козла отпущения, который своим эгоцентризмом и комическими страхами способствовал уменьшению накала отрицательных эмоций спутников, так как

их они тратили на насмешки над Джеком.

Джек таким образом, становится полезным участником предприятия, важным элементом системы. По ходу путешествия был утрачен сензитивный период развития умственных возможностей, и по окончании РХ передряг Джек был пригоден только к роли приживалки за свои старые заслуги. Я его представляю в дальнейшем в шутовском колпаке над широчайшей улыбкой, с шаткой осторожной походкой на слабых разъезжающихся ногах, наивно «ляпающего» к месту и не к месту. Похоже этот парень мог доставлять немало веселых и счастливых минут и взрослым и детям. Можно ли считать такую судьбу несчастной или недостойной? Может, кто-то ответил утвердительно на этот вопрос. Только не я Мне нравится английская пословица: «Кто помогает людям, У того и свои желания сбываются». А также - восточная: «Пусть ум осла и не велик, ему почет, коль к ноше он привык».

А жить можно по-всякому, было бы желание. Доверяй своему вкусу, а не чужому укусу.

О Тыквоголовых — все!

Гарри Поттер в зеркале тролля, или На чью мельницу льем воду?

Есть два равносильных и противоположных заблуждения относительно бесов. Одни не верят в них, другие верят и питают к ним ненужный и нездоровый интерес. Сами бесы рады обоим ошибкам и с одинаковым восторгом приветствуют и материалиста и любителя черной магии. *К. С. Льюис. Письма баламута*

«Снежная королева» Г. К. Андерсена начинается так: «Ну, начнем! Дойдя до конца нашей истории, мы будем знать больше, тем теперь. Так вот, жил тролль, злющий-презлющий; попросту говоря, дьявол. Как-то раз он был в особенно хорошем расположении духа: он смастерил такое зеркало, в котором все доброе и прекрасное уменьшалось донельзя, все же плохое и безобразное, напротив, выступало еще ярче, казалось еще хуже. Прелестнейшие лужайки выглядели в нем вареным шпинатом, а лучшие из людей — уродами, или казалось, что они стоят кверху ногами, а животов у них вовсе нет! Лица искажались до того, что нельзя было и узнать их; случись же у кого веснушки или родинка, она расплывалась во все лицо. Дьявола все это ужасно потешало».

Эта глава о нашумевших книгах о Гарри Поттере, отношение к которым в нашей российской общественности и клерикальных кругах неоднозначно: от неумеренных восторгов до отождествления с бесовским шабашем, например, в статье детских православных психологов И. Медведевой и Т. Шишовой «Гарри Поттер. Стоп!». Эти авторы давно любима мной из-за своей чудесной «Книги для трудных родителей». Но, что делать, Гарри Поттера я тоже полюбила. Вот тогда и вспомнила зеркало тролля. А также королевство Кривых Зеркал. И зеркала комнат смеха времен моего детства. Мне захотелось проверить свое зеркало.

Ведь любое явление неоднозначно, и действие его зависит от того, с какой стороны и через какие очки на него посмотреть. Так на чью мельницу льют воду детские психологи, когда описывают приключения Гарри Поттера как бесовский шабаш? Они видят там то, что не разглядела «и я, ни мои многочисленные маленькие и взрослые клиенты. Большинство известных мне детей видят и воодушевляются подвигами героя книги — мальчика, которому сначала здорово не повезло и он остался без родителей. Особенно близкой эта книга оказывается детям осиротевшим. Она вселяет в них надежду — обрести крылья и стать тем, кем ты хочешь — волшебником собственной жизни. Мышление детей является в первую очередь метафорическим, и волшебство для них вовсе не колдовство и не практика черной магии, а огромные возможности построения своей жизни. И этому волшебству Гарри, кстати говоря, учится в поте лица своего, а не получает как халяву (вспомним для сравнения сюжет Антония Погорельского «Черная курица, или Подземные жители»). Вы спросите, а так ли все хорошо в этой книге на самом деле? Меня также занимает вопрос, чем эта книга, уже явленная и шествующая по странам и народам, может быть полезна нашим детям. Рожденного младенца уже ничем не убьешь, даже злословием. Его

улыбка остается лучезарной и озорной.

Хочу прокомментировать наиболее острый для меня и родителей момент: может ли эта книга подтолкнуть детей к занятиям оккультизмом, опасным экспериментам, заразить сатанизмом? Привожу отрывок из статьи Медведевой и Шишовой с содержащимися в ней вопросами родителей:

—Я вроде бы радоваться должна, что сын приобщился к чтению, а мне почему-то страшно. Нездоровый у него какой-то интерес...

—А мой читает и перечитывает, ничего другого знать не желает. Попробуешь что-то сказать против — делается как бешеный: грубит, орет, даже с кулаками бросается.

Итак, действительно ли есть такой негатив по результатам чтения «Гарри Поттера»? Уверена, что да. У людей, которые в бесчисленном разнообразии оттенков мира выискивают черный, которые тратят его время на борьбу с бесами вместо того, чтобы возрадоваться ангела Ангелам-то, беднягам, совсем ничего не достается в такой войне. Ничего, они ребята терпеливые. А если перейти к конкретным вещам в моей детской практика в нашем крупном промышленном и не слишком обремененном культурными традициями городе я не сталкивалась с какими-либо серьезными происшествиями негативного плана, в которых бы зачинщиком выступил Гарри. Зато к чтению через Гарри Поттера стали проявлять интерес те дети, которые были вовсе не читающими. Никаких случаев индивидуальных или массовых психозов в связи с Гарри Поттером в нашем регионе не наблюдалось, так же как и в период увлечения «тамагочи» и покемонами. Здоровый ребенок находит здоровое зерно в каждом явлении природы либо культуры. Человек же духовно и душевно нездоровый прокалывается на этом же явлении, обнаруживая в нем изъяны и порочность. Я бы сказала, что отношение к явлениям нашей жизни и к Гарри Поттеру в частности является хорошим тестом на духовное и душевное здоровье, а для психолога это еще тест на профпригодность.

Что думать и делать родителям, если их ребенок дает на Гарри Поттера или другое явление реакцию нездорового возбуждения, проявляет агрессивность, воинственность, враждебность? Приведу цитату из одного интернет-форума по поводу статьи «Гарри Поттер. Стоп!»: «Г е р м и. Эта книга помогает детям, которые не верят в себя, стать увереннее. А по поводу магии могу сказать одно: "Раз реальный мир не отвечает детскому сознанию, то это проблема государства, которое не платит родителям достаточно"!»

Взгляд этой девочки отражает позицию многих детей, стоящих на пороге взрослого мира. Они не довольны миром своих родителей, интуитивно чувствуют его обветшалость и необходимость его обновления. Гарри для них революционер, рушащий старый мир, помогающий им поверить в себя и свои силы. И в этом дети нашего поколения совсем не оригинальны. Дети всегда были и останутся такими. Так же как и проблема отцов и детей. Я хочу сказать, что, если ваш ребенок начинает проявлять агрессивность и враждебность к вам или другим под впечатлением этой книги или чего-то другого, стоит задуматься как минимум о

трех вещах:

Здоров ли он психически? Если все его реакции чрезмерны и пугают вас, то есть смысл посоветоваться с психиатром, и чем раньше, тем лучше. Добавлю, что это самый редкий вариант причины агрессии ребенка, но который мы не имеем права сбросить со счетов. И Гарри, как и любой другой эффектный персонаж, может ускорить манифест психического расстройства, если у ребенка уже была к нему предрасположенность. Из ребенка прет только то, что было накоплено в его душе совместно с вами, так сказать, совместно нажитое имущество: груз обид, разочарований, неудач, которые Гарри или Человек-паук или еще кто-нибудь вдруг испаривает своим явлением. Я бы назвала это действие литературы и искусства психирургией. Это происходит тогда, когда жизнь ребенка была болезненной и были безуспешны психотерапевтические усилия родителей и других представителей окружающего общества. Сам факт такой чрезмерной реакции ставит нас перед необходимостью подумать о том, как мы умудрились довести ребенка до такого революционного взрыва, чего мы так боялись в своей обычной жизни, почему давили страхи и тревожные опасения, или, наоборот, чрезмерно заражали им своего ребенка? И не на общество такое-сякое пенять надо (это удел политиков и революционеров), а на того, чья рожа в зеркале крива.

Почему вы испугались собственного ребенка? Которого и выносили, и выкормили, и душу свою бессмертную в него вложили? Не лучше ли вместе с ним сесть за книжку или экран телевизора и попытаться внимательно и заинтересованно понять то, что так «завело» вашего ребенка. И попытаться найти среди козлиц агнцев, рядом с тенью свет, а с бесами — ангелов. И если что-то вам по-прежнему очень не нравится, честно сказать об этом ребенку, только все же аргументировав опытом своей жизни, а не кликушеством и искореняя.

Вот что еще меня волнует в некоторых комментариях по поводу Гарри Поттера. Приведу сначала цитату: «И опять-таки неудобно напоминать экспертам, сравнивающим книги про Гарри Поттера с языческой мифологией, что означает воскрешение язычества через 2000 лет после прихода на землю Христа». Да, для людей верующих бьет в глаза факт реставрации язычества в книге. Но чем это чревато и может ли быть

опасно для детей? Практикующим детским психологам, воспитателям и педагогам, и просто внимательным взрослым людям широко известны факты повсеместного и современного детского язычества. Их страх перед силами природных явлений, особенно грозы, темнотой, населяет их мир духами и призраками, обладающими реальной властью. Это вполне аналогично мышлению дикаря, не развитого еще до монотеизма, веры ^в единого бога. Ребенок проходит индивидуальный путь развития, онтогенез, в общих чертах повторяющий путь эволюции живой материи и живых организмов — филогенез. То же самое происходит с духовной эволюцией ребенка. И сначала ребенок самым естественным образом является маленьким язычником и испытывает интерес к конкретным и многообразным воплощениям той силы, которая позже для него может стать единой и неделимой. Но пока дети в детстве, они продолжают вызывать «Пиковую даму», «томатного гномика» и самое страшное для них, — «зеленые глаза». А, став старше, во сне, победив чудовище, разрубает его на части и закапывают на священной земле (я спросила у мальчика, видевшего сон, что это значит, и он объяснил, что священная земля рядом с церковью). Таким образом, для меня вполне ясно, что детского язычества бояться нет смысла. Это этап их духовного развития, необходимая стадия перехода от дискретного восприятия мира к целостному, от простого к сложному. Ребенок так же диалектичен, как и породивший его мир. Чем же тут возмущаться и чего бояться?

Хочу отразить также то, на что обратила внимание при первом прочтении книг Джоан Роулинг. Мир волшебников столь же неоднороден, как и мир муглов. Среди тех и других есть свои снобы и свои дураки. А лучшие их представители служат живыми мостиками между мирами магов и простых людей-неволшебников (муглов). Сам Гарри — полукровка, сын волшебника и муглянки. Отец Рона Уэсли (волшебник) при виде родителей Гермионы (стопроцентной муглянки):

— Да ведь вы же муглы! — восторженно вскричал мистер Уэсли. — Мы непременно должны где-нибудь вместе посидеть! А что это у вас такое? Ах, вы меняете мугловые деньги! Молли! Смотри! — Он в экстазе показал на десятифунтовую банкноту в руках у мистера Грэнжера.

В этом плане книжка воспитывает межличностную терпимость в противовес всякой элитарности и культурно-этническим предрассудкам.

Вот прекрасная фраза, принадлежащая профессору Думбльдору: «Ведь только избираемый нами путь, Гарри, показывает нашу истинную сущность гораздо лучше, чем наши способности». Эта фраза расколдовывает нас от власти груза прошлого и бессознательного, заложенного в каждом человеке. Жизнь человека миссиональна и устремлена не только в подглядывание за своим прошлым, но и в созидание будущего.

И еще писательница умудрилась в увлекательной форме преподать читателям уроки психотехник самопомощи. В книге это уроки магии, но делать юным волшебникам приходится то же самое, чему пытаются научить людей психологи и психотерапевты для решения своих проблем. Вот урок профессора Люпина:

— Я бы хотел, чтобы вы все представили себе то, чего вы больше всего боитесь, и подумали, как сделать образ комичным.

Это же один из методов арт-терапии, когда мы просим ребенка нарисовать свой страх, а потом изменить рисунок до смешного, побеждая его таким образом. А вот еще один урок профессора:

— Итак... — Профессор Люпин достал волшебную палочку и показал, что Гарри следует сделать то же самое. — Заклинание, которому я попробую тебя научить, Гарри, относится к разряду высшей магии — намного выше, чем Совершенно Обычный Волшебный Уровень. Это заклинание называется Заклинанием Заступника.

— А что он делает? — Гарри занервничал.

— Оно — разумеется, если все сделано правильно, — создает заступника, — объяснил Люпин, — это что-то вроде противодементорной защиты, экран между тобой и дементором.

— А как выглядит Заступник? — с любопытством спросил Гарри.

— У каждого колдуна он свой.

— А как его создать?

— С помощью волшебных слов. Но они действуют только в том случае, если ты изо всех сил сосредоточишься на одном-единственном очень счастливом воспоминании.

Вот такая «волшебная» кухня, а на самом деле сеанс сказочной психотерапии, овладения собственными психическими способностями. Это далеко не полный обзор позитивных моментов книжки Джоан Роулинг.

Да, можно запретить своему ребенку Гарри Поттера, Человека-Паука и других непонятных взрослым персонажей, оберегая его от «заразы». Лишая его в то же время возможности естественного формирования социального иммунитета. И так это беда нашего общества — прятать детей от всего «нечистого», вместо того чтобы помочь вовремя разглядеть его. Как-то в маршрутке наблюдала такую картину: среди Десятки с небольшим пассажиров оказалась молодежная развеселая компания, которая всю флиртвала и смеялась. Девочка лет пяти, стоящая возле мамы, с любопытством поглядывала на них. Мать автоматически повернула голову ребенка к себе и вжала ее в себя (чтоб не смотрела и не слушала). Какой урок вынесет

ребенок из этого запрета? И будет ли говорить маме правду в свое время, когда сама станет взрослеющей? Ответ напрашивается — эта девочка не станет говорить своей маме правду о себе и своих друзьях. К сожалению. Уже теперь, в пять лет, наметился раскол между всезнающей мамой и ее вступающей в собственную жизнь дочерью.

История Гарри Поттера, с точки зрения филологов, — это новая волшебная сказка со всеми ее атрибутами. Мы читаем сказки братьев Grimm, Шарля Перро, русские народные. Все они битком набиты волшебниками, ведьмами, колдунами как добрыми, так и злыми, но в равной степени нечистыми с точки зрения христианства. Так почему бы к сказке о Гарри Поттере не отнестись примерно так же? Что же касается современного возрождения древней традиции и вместе с ней язычества — этот процесс обусловлен исторически и культурно, и мало зависит от нашего хотения.

- 1 5 -

Воображаемые друзья и сказка на вырост

— Но ты же понарошку?
— Это вы все тут понарошку, а мы тут
испокон веку живем!

Диалог домовенка Кузи и девочки Наташи из м/ф по сказке Г. Александровой

Надя поссорилась с мамой. Потом, через несколько лет, они не в силах были вспомнить предмет своей ссоры. Теперь же тринадцатилетняя дочь крикнула: «Я ухожу из дома!», хлопнула изо всей силы входной дверью и выбежала из подъезда. Мать, прячась за занавеской, плакала в голос. Прошло три часа, начинало смеркаться. Мать пыталась заняться делами, сама себя успокаивала, что Надя вернется, но беспокойство все сильнее грызло ее. Она уже собралась выйти из дома искать дочку, как вдруг раздался звонок. Мать открыла дверь — на пороге стояла делегация: впереди — Надя с опущенными глазами, за ней — парень со скверной репутацией, поодаль — несколько ребят и девочек, почти неузнаваемых, хотя смутно-знакомые черты временами проглядывали в лицах. Парень с подмоченной репутацией сказал: «Вот, привели... Еще не хотела идти, пришлось нести на руках...» Потом мама и дочка долго сидели, сначала молчали, потом мать задала мучивший ее вопрос:

— А с чего это они тебя привели?

Дочка подняла на маму растерянный взгляд:

— Он мне говорит: «Ты что, с ума сошла, что ли? У тебя такая мама хорошая...» И потащил меня домой. А остальные — заодно. А вот Толикову маму он называет Рэмбо... Ну, она их круто выгоняет все время.

Через несколько лет дочка этот случай вообще не могла вспомнила мать все думала, как хорошо, что она тогда не гнала прочь ее «сомнительных» знакомых. Почему-то знала, что дочка плохо не сделает. Вспомнила, как муж пришел домой и тревожно-восторженно сообщу ей, что видел дочь на улице в сопровождении двух таких здоровенных гоблинов (и как она с ними управляется?). Не гладко жили и дальше. Опять были ссоры, по целому дню не разговаривали с дочкой. Больше мать не выдерживала — писала дочке письма, в которых рассказывай ей о своих переживаниях и просила прощения за грубость. Почему-то они помогали лучше, чем разговоры. После них мириться было гораздо легче. Дочка сама подходила и в ответ просила прощения сама. Теперь дочка выросла. Ее страшные знакомые — тоже. Теперь они вполне похожи на нормальных людей. Жизнь постепенно все расставила по своим местам.

Итак, в наших историях сами взрослые были беспомощны и ничего бы не смогли поделаться со своими детьми, разве что применить грубое насилие и, таким образом, подвергнуть опасности отношения и возможность взаимопонимания. Но мы увидели появление посредников, неожиданных-негаданных, и все же неслучайно возникших. Они есть всегда, если их не выпалывать, как сорняки, из окружения вашего ребенка или подростка. Но могу сказать, что некоторые родители все же занимаются этим из страха, что кто-то может дурно повлиять на их замечательного ребенка, что он может попасть в скверную компанию. И на самом деле, палка всегда о двух концах. С одной стороны, друг — это необходимость, это стимул к развитию и утешение в трудную минуту, это дверь в мир, полный захватывающих приключений. Это часть собственного мира ребенка или подростка, куда он может пустить своих родителей или может там обитать, никого не пуская. Это то

обстоятельство, которое делает ребенка хозяином своей жизни, даже если родителям кажется, что их сын или дочка идут на поводу у друга. Во всяком случае, наличие друга означает факт выхода за пределы маленького мирка, в котором когда-то уютно жил малыш со своими родителями, его взросление. С другой стороны — друзья иногда объективно не соответствуют привычкам и даже нравственности семьи, в которую они входят благодаря билету дружбы. Например, они могут совершенно невинно и по привычке сквернословить, потому что так принято в их семье. Они не умеют вести светские беседы с родителями друга, а только нехотя буркают свое «здрасьте». Они могут уже курить и угощать друга пивом или того хуже. Эти темноватые и сомнительные личности оказываются представителями чуждой нам субкультуры, но чуждой лишь в поверхностных явлениях. Когда дело доходит до действительно важных вопросов, именно «оторва» может проявить мужество и бесстрашие, гибкость ума и способность к верности. Его «дикие» качества помогают ему выживать в непростой реальности. Мы же помним, кто был лучшим другом Тома Сойера — маленький изгой Гекльберри Финн, благодаря которому Том многое повидал и научился. Гек Финн мог то, что было недоступно чистеньким и опрятно одетым детям из хороших семей.

А теперь о воображаемых друзьях. Бывает, что ребенок реально одинок или его богатое воображение создает потребность в особом, его собственном мире. Тогда он создает свой мир сам, населяет его вымышленными персонажами, дружит с ними, участвует в приключениях, совершает подвиги. В подростковом возрасте эта потребность принимает форму увлечения кумирами, когда подросток «фанатеет» на расстоянии, влюбляется в звезду, наделяя ее всеми воображаемыми и желаемыми свойствами.

Как тогда быть взрослым, если у Малыша появляется не видимый никому Карлсон, а подросток увешивает все стены в своей обители портретами кошмарных рок-звезд? Что ж, самое время расширить свой кругозор «предкам». В психологии есть понятие о проективных методиках познания личности. То есть характер и душевную жизнь человека хорошо понимать по следам, которые он оставляет, по тем делам, которые он делает, по его рисункам, почерку, любимой музыке, любым фантазиям, играм. И если родитель вправду хочет понимать своего ребенка, то он непременно с интересом отнесется к его «культурному слою», почувствует себя в роли археолога, путешественника в новую, еще неведомую страну. И возможно, если это делается с уважением и бережно, аборигены не откажут вам в месте у своего костра и трубке мира. Это знак величайшего доверия, которое может быть целительно для ребенка, заблудившегося в своем одиночестве.

В фильме «Богус» пятилетний мальчик остался без мамы (она трагически погибла), а отца он никогда не знал. И тогда появился Богус — большой и добрый человек, которого никто больше не видит. Но с мальчиком он всегда разговаривает, он веселый и всегда помогает ему. Мальчику некому рассказать про Богуса, даже когда его забирает к себе сводная сестра его мамы, Харриет, одинокая женщина, у которой нет своих . и как строить отношения с внезапно свалившимся в ее жизнь малышом, она не представляет. Их отношения не складываются, у *них* нет ничего общего, и малыш убегает из дома. Только когда Харриет вспомнила, как она сама была одинока в детстве и к ней приходил Богус, она поверила своему воспитаннику, а он поверил ей. Вот тогда Богу» попрощался с мальчиком.

Маленькая Элизабет, героиня фильма «Вредный Фред», не желает подчиняться маме, как это делают многие дети трех-четырёх лет, и, чтобы выйти сухой из воды после своих шалостей, придумывает себе Вредного Фреда, на которого можно свалить все, что она нашкодила. Ей никто не верит, кроме ее товарища по играм, Микки, но Микки уезжает, и Лиз остается сама в своем придуманном мире. Вместе с Фредом она ведет борьбу с мамой, не терпящей ее шалостей, и в этой борьбе побеждает мама, которая совершает символическое действие, заклеивая Вредного Фреда в коробку и запрещая Лиз раз и навсегда играть с ним. Это сработало, девочка поверила в силу матери и смирилась. Став взрослой, она совершает множество нелепых поступков, ее бросает муж, она чувствует себя несчастной — она неосознанно крушит свою кукольную жизнь. И тогда Вредный Фред появляется снова, чтобы, проведя ее через безумие, вернуть самой себе.

Вредный Фред и Карлсон, который живет на крыше, Пеппи Длинный Чулок и домовенок Кузя, друг девочки Наташи — все это не просто воображаемые друзья, а та часть внутреннего мира самих детей, которая дарит им свободу и целый мир, в котором они счастливы. Не всегда реальный мир достаточен для них, его можно отнимать и ограничивать в своем же мире ребенок властелин и творец.

И если мы верим в то, что является реальностью для ребенка, будь то настоящий или воображаемый друг, у нас есть хороший мост для отношений с ним.

У одной девочки, Алисы, был такой друг, точнее, обычно она его слышала как голос причём он ей казался очень сильным, гораздо сильнее ее самой. Поэтому когда он ей предлагал или даже заставлял сделать что-нибудь (а это было, например, обозвать маму или «врубить» музыку в то время, когда усталая мама уже легла спать), она не могла сопротивляться. Девочка при этом испытывала очень сильное чувство вины, ведь маму она

любила и все время огорчала. Было ясно, что у Алисы, с точки зрения психолога (меня), синдром воображаемого друга. С точки зрения психиатра, это были галлюцинации, она и наблюдалась в психиатрическом диспансере (таким образом мы наблюдали девочку параллельно и взаимосвязанно), получала медикаментозное лечение, но прием медикаментов помогал лишь ненадолго, и голос возвращался. Тогда я сочинила для Алисы сказку, сюжет которой должен был помочь девочке найти общий язык с ее внутренним другом, по сути дела важной и свободолюбивой частью ее личности. Этот сюжет не должен был усугублять без того чрезмерное и бесполезное чувство вины, а подсказать возможный вариант развития событий. У нас с Алисой был на самом деле серьезный шанс, если принять предположение, что у нее все-таки болезнь ребенка, «короткие штанишки», которые по мере роста и развития ее личности становятся малы. Развитие личности у девочки происходило несомненно, критичность к собственному состоянию присутствовала. Потому появилась такая сказка.

Сказка для Алисы

Жила-была одна девочка Алиса. То есть, конечно, не одна. Были у нее папа и мама. И жили они, как положено, в тридевятом царстве, в тридесятom государстве. Жизнь у них от нашей, в общем, сильно не отличалась. Папа и мама каждый день ходили на работу, а девочка - в школу. И, поскольку родители были почти целый день заняты, воспитанием Алисы занималась одинокая бездетная тетка. Была она женщина строгая и, хотя очень любила Алису, воспитывала девочку в строгих правилах: - Не кричи, не прыгай, не сори!

И так целый день. Хотя Алиса тоже очень любила свою тетю, но иногда так сильно злилась на нее, что сжимала кулачки и стискивала зубы. Самое интересное, что эта тетя была немного волшебница и в хорошем настроении могла наколдовать замечательные вещи — плюшки да ватрушки, а уж в плохом могла устроить такую непогоду с дождем, градом и молниями, что Алиса тут же кидалась ее уговаривать:

- Ну тетушка, ну миленькая, пусть опять будет солнышко! Настроение у тетушки портилось обычно оттого, что Алиса шалила, ведь она была очень подвижная и шустрая девочка. Вот и приходилось ей несколько раз в день просить у тети прощения, например, за прыжки по дивану. А назавтра она уже забывала об этом или думала, что тетка не заметит, если она попрыгает еще немножко.

Вы, наверное, поняли, что Алиса любила делать все наоборот, не так, как ее учили. А быть плохой ей все же не хотелось. И однажды появился Дрон. Алиса услышала его голос, а потом даже стала его видеть. Вот Дрон-то и подбивал ее на всякие «подвиги», поэтому она назвала его вредным Дроном. Они вдвоем убегали в соседний двор, на стройку, и там жгли костры, искали КЛады, лазали через забор, дома прыгали по дивану и часами смотрели телевизор, тайком покупали мороженое, когда болело горло, — словом, жили⁸ полное удовольствие. Кроме Дрона, у Алисы был еще один друг, настоящий. Звали его Димка, был он на пару лет старше Алисы и жил в бабушкиной деревне, так что Алиса могла с ним видаться только на каникулах. Он один? ственный из всех верил в ее Дрона и не осуждал.

И вот что случилось однажды на летних каникулах у бабушки в деревне Алиса поехала туда вместе с тетей. И там был Димка. Лето началось просто замечательно. Свободы в деревне было намного больше, чем в городе. Алиса за два месяца так выросла, что ее платица стали короткими. С Димкой и Дроном они бегали на речку - ловить рыбу, кататься на тарзанке, играть в путешественников и много чего еще. Дрон летом вел себя намного лучше, отбивался от рук он только дома, где царил строгая тетушка. Бабушка пыталась защищать Алису, но тетя была неумолима.

- Тот, кто балует детей, тот их портит, - все время повторяла она.

Близился тетушкин день рождения, и Алиса решила сшить ей в подарок фартук. Она сама раскроила его, как учили в школе, достала швейную машинку и начала строчить. А Дрон тут как тут — «помогает» ей, советует, как лучше шить. И насоветовал так, что все нитки позапутались и машинка перестала работать. Алиса давай распутывать, да только еще хуже стало. А Дрон суетится вокруг и подначивает:

- Тут колесо крутани, там толкни, держи покрепче и дергай!

Алиса расплакалась от огорчения, а тут еще тетушка явилась сердитая, как гроза:

- Это что еще здесь происходит? — грозно спросила она.

Тогда Алиса крикнула:

- Это все он — вредный Дрон!

Тетушка высоко вздернула брови, зорко осмотрелась вокруг, но никого не обнаружила. Тогда она сердито сдвинула брови и щелкнула пальцами. Тут же прямо из воздуха, в одно мгновение, возник мальчишка, на вид совершенно настоящий: ростом примерно с Алису, с выгоревшими белобрысыми патлами, с бедовыми зелеными глазами, облупленным веснушчатый носом, оттопыренными грязными ушами, босыми грязными ногами и такими же руками в цыпках. Ну точь-в-точь Алисин Дрон. И одет очень удобно - в рваные короткие джинсы с обтрепанными краями и клетчатую ковбойку. Из кармана у него что-то торчало, больше всего похоже на рогатку.

Тетка хмуро и недоброжелательно уставилась на него.

- Так это и есть твой Дрон? Ну что же... А теперь — убирайся!

И опять щелкнула пальцами. И Дрон исчез. Только теперь и Алиса его не видела, как ни вертела головой.

- Тетя, а он еще вернется? - растерянно спросила Алиса.

- Надеюсь, что нет, - ответила тетя и вышла из комнаты.

Дрона не было ни в тот день, ни на следующий. Такого еще не было никогда. Алиса сидела целый день необыкновенно тихая и послушная. Дима увидев ее печальные глаза, сказал:

- Ну, ты как неживая сегодня. Пошли на стройку!

- Нет, что-то сегодня не хочется. Дрона нет.

Вечером тетя сделала Алисе подарок - очень красивое колечко с голубым, как глаза Алисы, камешком. Подарила и сказала: - Носи его всегда. Оно всегда будет тебе напоминать о совести и поможет оставаться хорошей девочкой.

- Колечко очень понравилось Алисе, только немножко жало безымянный палец, а на мизинце болталось. Вечером Алиса осталась одна в своей комнате и любовалась на колечко. И вдруг появился Дрон.
- Дрон! - радостно закричала Алиса. И вдруг колечко больно укололо ее.
- Ой, что это?
- А Дрон подбежал к ней и посмотрел на колечко.
- Бедная Алиса, теперь я должен уйти совсем... - сказал он, понутив го-лову. Это кольцо будет напоминать о том, что ты должна быть хорошей де вочкой. А я - плохой... — И слезинка скатилась по его грязной щеке. Тогда Алиса крикнула:
- Нет, Дрон, подожди, я сейчас!
- Она попыталась снять кольцо, но оно продолжало крепко сидеть на пальце и колоться. Тогда Алиса вспомнила, как мама снимала тугое кольцо с мылом, и побежала в ванную. Быстро намылила палец - и кольцо соскочило. Алиса бросила его в карман и вернулась к Дрону. Он стоял тихий, сам на себя не похожий. Алиса обняла его и сказала:
- Я не хочу тебя терять, ведь ты мой друг. Лучше я тоже буду плохой!
- ' — А как же твоя тетя? Ты ведь ее тоже любишь?
- , Тут Алиса расплакалась:
- Неужели я должна выбирать между вами? Тогда я выберу тебя!
- Она подбежала к открытому окну и выбросила кольцо на улицу. Оно ослепительно сверкнуло на солнце и пропало. Вдруг послышались шаги. Дрон схватил Алису за руку:
- Это она!
- И исчез, как всегда. Вошла тетя. И сразу заметила, что на руке Алисы нет кольца. Алиса быстро заговорила:
- Я его нечаянно потеряла, я не хотела...
- Но старая волшебница покачала головой. Она все сама уже знала.
- Мне очень жаль, что ты сделала такой выбор. Без совести ты не сможешь стать хорошим человеком, а значит, все мои труды не впрок.
- А что же мне теперь делать? - тихо спросила Алиса.
- Теперь тебе придется узнать об этом самой, — ответила тетя и ушла.
- Дрон! Что мне делать?
- Но тут же появившийся Дрон только грустно покачал головой.
- ~ Я умею прыгать, драться, висеть на заборе, искать клады, защищать тебя ну, ты же знаешь. Ноя не умею думать о таких трудных вещах. —Тогда Алиса вспомнила: «Димка»!
- Она выбежала из дома. Димка был возле ее крыльца и разглядывал что-то блестящее в руке. Это «что-то» оказалось Алисиным колечком. Алиса все рассказала Димке. Он оказался настоящим другом - вытер ей слезы и усадил на скамейку.
- Знаешь, у меня раньше тоже был такой друг, как у тебя. И мне все время влетало за то, что мы вместе делали. И его-то никто не видел. А однажды в день рождения мне дедушка подарил набор настоящих плотницких инструментов. И разрешил мне сделать скамейку. И когда я ее закончил, то увидел, что мой никому не видимый друг стал меньше ростом. Оказывается, расти мог только я, но не он. И как будто я стал главнее его. Ведь он не умел делать таких вещей, какие стали у меня получаться. А теперь он приходит ко мне, но уже редко, ведь мне и без него теперь не скучно. Сейчас у меня есть ты и твой Дрон.
- Алиса вытерла слезы, сказала Димке спасибо и взяла у него колечко. Дома она продела сквозь него шнурочек и повесила на шею. Так колечко ей не мешало. А потом Алиса дошила фартук, и он получился очень красивым. Ведь именно у Дрона возникла идея украсить его разноцветными лоскутками, сделать из них карманы. Когда фартук был готов, Алиса с удовольствием посмотрела на него, а потом на Дрона. Он стал как будто меньше ростом. Или это она выросла? Тетушка была рада, а про кольцо словно и забыла. Алиса его потом положила в свою шкатулку.
- Потом Алиса выросла еще больше и вышла замуж за Димку. И своих детей они воспитывали сами. Уж они-то сразу поняли, когда в детской завелся Вредный Дрон.
- Хотите знать, что дальше было, приходите в тридевятое царство, тридешатое государство.

Мы с Алисой эту сказку тоже шили. Можно сказать, что я ей предложила фасон и цвет к лицу, а уж она выбирала ткань и примеряла эту сказку. А я ее подкалывала и наматывала, пока не получилось то, что Алисе хорошо подошло и понравилось, нигде не жало и было даже немного на вырост. Как об этом узнали — да у Алисы глаза радостные стали.

Прошло время — она действительно выросла и во многом переросла свои проблемы и болезни* И со своим «Дроном» управлялась все лучше. Психиатры называет это клиническим улучшением, а детские психологи — просто развитием, при котором личность ребенка растет и перегоняет его детские болезни. Оно есть у всех детей, если им не мешать и заниматься воспитанием, то есть питанием их тем, что им действительно необходимо. Иногда им бывает нужна сказка на вырост.

Синдром Подменыша

Не корми меня тем, что я не ем. *Русская пословица*

Есть дети, жизнь которых плавно течет, и без особых кризисов они постепенно становятся взрослыми. Есть другие дети, жизнь которых представляет один сплошной, нескончаемый кризис. Однако в жизни большинства нормальных детей можно выделить несколько так называемых кризисов созревания личности, о которых надо знать и иметь их в виду. Это периоды, соответствующие примерно возрастам 2-4, 6-8 и 12-16 лет. В эти периоды происходит качественный скачок в развитии детей, когда они, используя накопленный предшествующий материал, вдруг начинают очень быстро перестраивать себя — иногда до неузнаваемости. Особенно сильные изменения происходят в подростковом кризисе. Иногда у матерей возникает такое ощущение, что ее ребенка как будто подменили. Был ласковый, добрый — и вдруг упрямый, жесткий, чужой. Тяжелее всего бывает родителям, если первый ребенок имел плавное развитие, без каких-либо катастроф, а второй совершенно не похож на него и заставляет день и ночь думать только о нем, будто он Действующий вулкан или надвигающийся тайфун. После первого спокойного ребенка родители часто имеют такую же установку на второго, не оказавшись морально готовыми к катаклизмам, очень болезненно переживают его период роста. Во всяком случае, на консультации ко мне попадают в основном такие семьи, с контрастными детьми.

Мне в свое время было легче, так как старшая дочка дала нам прикурить в свои 12-13 лет, а младшая, глядя на нее, честно предупредила нас, и так трепещущих от страха:

— Вот погодите, скоро и у меня будет переходный возраст!

Может быть, поэтому Настин переходный период мы пережили гораздо легче, чем Анюткин. Старшая дочка успела воспитать в нас стресс-устойчивость и необходимую гибкость, а также смиренное мужество перед проявлениями нового мира, который совершенно не церемонится с нами, людьми из вчерашнего дня.

На тему конфликта между родителями и подрастающими детьми написано столько литературы, что ее пора систематизировать в отдельном каталоге, но я в последнее время стала предпочитать литературу художественную, не рекомендательную, а описательную, потому что рекомендаций на каждый конкретный случай не напасешься, а глобальные установки лучше высвечиваются художниками слова, которые честно отражают действительность.

В одном сходятся абсолютно все — что этот конфликт, это великое противостояние абсолютно необходимо детям, чтобы стать взрослыми и самостоятельными, шагнуть в завтрашний день, который будет, может быть, совсем не похож на все предыдущие, и мы даже не знаем, как именно не похож. Мы не можем, не умеем подготовить их к чему-то конкретному, у нас есть только одна возможность — не мешать им самим изучать опыт каждого прошедшего дня и переносить его в завтра, а также быть готовыми вместе с ними к неожиданностям, мало того, уметь их желать и радоваться им.

Этот процесс противостояния, а затем — отрыва от родных пенатов, болезненный и трудный не только для родителей, которые становятся заявителями проблемы, но и для самих детей, которые одновременно любят их и презируют за консерватизм, непонимание их современных потребностей, нуждаются и в свободе, и в зависимости от них. Как им плохо без нас, которые их могли бы понимать и держать тылы, видно из кусочка диалога девочки четырнадцати лет и психолога:

— Чего же может бояться девочка, оставшись одна в комнате?

— Остаться одной в этом огромном и страшном мире...

Ее словам вторит героиня романа А. и Б. Стругацких «Гадкие лебеди» — о детях, которые решили уйти из города от своих родителей, глупых, истеричных, заливающих свой страх перед жизнью алкоголем, уйти в неизвестность, с чужими не-людьми, которым почему-то верят больше, чем собственным, давшим им жизнь и тут же ее отнимающим, папам и мамам: «Где-то в огромном пустом мире плакала девочка, жалобно повторяла: не хочу, не хочу, несправедливо, жестоко, мало ли что будет лучше, тогда пускай не будет лучше, пускай они останутся, пускай они будут, неужели нельзя сделать так, чтобы они остались с нами, как глупо, как бессмысленно...»

Да, они очень хотят, чтобы мы были с ними, но не ценой их свободы, не ценой их творчества новой жизни. Им деться некуда — законы эволюции заложили в них потребность идти вперед, а там, где есть лидеры, появляются аутсайдеры, отстающие — мы, родители. «Где вы видели прогресс без раскола, без шока, без горечи, без унижения? Без тех, кто уходит далеко вперед, и тех, кто остается позади?» (А. и Б. Стругацкие, «Волны гасят ветер»).

Возникает вопрос, как же нам быть, как нам устроить наши с ними отношения, чтобы они могли обретать новых себя и, может быть, новых нас? Примеров из жизни достаточно, но лучше иллюстрации к вопросу, чем сказка «Подменыш» Сельмы Лагерлёф, шведской писательницы, я пока не знаю. Муж и жена долго ждали ребенка, и вот у них сын. Но, о горе! — лошадь понесла, испугавшись троллихи, и крестьянка выронила свое дитя из рук. Найти ребенка не удалось — вместо него на дороге лежало троллево отродье, которого мать-троллиха оставила взамен человеческого ребенка. Невыразимо было горе матери, но не решилась она оставить на земле пусть чужого, но ребенка, взяла его в свой дом. Ей предлагали побить тролленка — тогда вернется ее собственное дитя, да только долго те дети не живут. Не подошел этот способ крестьянке. Есть он человеческой пищи не желал, пришлось, преодолевая отвращение, матери самой добывать ему лягушек и мышей. Все в доме возненавидели ее за заботу о противном троллевом отродье, который только и делал, что озоровал, и в конце концов поджег дом. Тогда потерявший терпение муж, любимый муж, ушел из дома, бросив жену с ужасным отродьем троллей. По дороге муж встретил прелестного мальчика, который был очень похож на него самого. Между ними завязался разговор,⁸ в котором выяснилось, что это его сын, которого тролли наконец отпустили.

— Я никогда прежде так не боялся, — продолжал мальчик. — Когда вы бросили тролленка вниз, в пропасть, троллиха хотела меня бросить следом за ним. Кабы не матушка...

Крестьянин чуть замедлил шаг и начал выспрашивать мальчика.

— Расскажи, как тебе жилось у троллей?

— Иногда бывало трудновато, — ответил мальчик, — но когда матушка бывала ласкова к тролленку, троллиха бывала ласкова ко мне.

— Била она тебя? — спросил крестьянин.

— Не чаще, чем били ее детеныша.

— Чем тебя кормили? — продолжал спрашивать мальчугана отец

— Всякий раз, когда матушка давала тролленку лягушек и мышей, меня кормили хлебом с маслом. Когда же вы ставили тролленку хлеб с маслом, троллиха предлагала мне змей и репейник. Первую неделю я чуть не умер с голода. Кабы не матушка...

Не успел ребенок произнести эти слова, как крестьянин круто повернул назад и начал быстрыми шагами спускаться в долину.

— Не знаю, как это могло получиться, — сказал он, — но, сдается, от тебя пахнет дымом пожара.

— Ничего тут удивительного нет, — сказал мальчик, — ведь прошлой ночью меня бросили в огонь, когда вы швырнули тролленка в горящий дом. Кабы не матушка...

И вот конец этой сказки:

Она вновь услышала, как муж кличет ее. Он спускался со стороны леса вниз к усадьбе по узкой тропинке, и все чужие люди, помогавшие гасить пожар, побежали ему навстречу и окружили его так, что она не могла его видеть. Она слышала только, как он все снова и снова звал ее по имени, словно ей тоже надо было поспешить ему навстречу, ей, как и всем остальным.

И голос его возвещал об огромной радости, но она все-таки продолжала сидеть, тихо и безмолвно. Она не смела шевельнуться. Наконец толпа людей окружила ее, и муж, отделившись от толпы, подошел к ней и передал ей в руки прекраснейшего ребенка.

— Вот наш сын. Он вернулся к нам, — сказал он, — и спасла его только ты, и никто другой.

Дети очень любят слушать эту сказку, а мамы часто плачут, читая ее. Наверное, потому, что в ней есть надежда для детей растущих, и большие, иногда почти невыносимые труды для матери. Но другого способа обрести нечто новое нет, только через боль, через родовые муки обретается новый человек, новая жизнь. Вопрос в том, считать ли эту муку наказанием или дверью в новую область светлого мира, принимать ее с благодарностью за данную возможность или считать горем и несправедливостью.

Вообще, отношения с изменившимся ребенком вовсе не обязательно должны быть полны мучений, если мама психологически грамотна и находится в гармоничных отношениях с окружающими ее людьми, которые могут стать не ее врагами и осуждателями, а помощниками. Ведь «мужская», «отцовская» линия этой сказки вселяет надежду и соответствует реальной позиции мужчины в семейной жизни. Крестьянин не был согласен со своей женой, но не перечил ей категорически, ведь он любил ее. Подразумевается, верил в ее женскую и материнскую мудрость, не вмешивался в ее часть совместной жизни.

Мне хочется продолжить эту тему за пределы чудесной сказки, в которой мать оказалась одинокой в мире, противопоставившей себя всем близким, чтобы спасти дитя, не важно чье... Это своеобразная литературная гипербола, усиливающая акценты. В реальной жизни матери, имеющей «превращенного» ребенка, который невозможен в классе, которого предлагают забрать из школы, который сам уже отказывается туда ходить, лучше не оставаться в одиночестве и не противопоставлять себя всему миру. Очень часто я имею дело с мамами, которые вполне согласны с тем, что ребенок ведет себя ужасно, согласны с мнением учителей, и вместе с тем их гложет обида на всех этих людей, которые не хотят найти подход к ее ребенку, и она сама все меньше и меньше ищет подход к этим черствым людям. Начинаются поиски другой, хорошей школы, класса, учительницы... Я согласна с тем, что изредка попадают очень плохие места и случайные или злонамеренные люди, но это никак не является системой. А в большинстве случаев возникают конфликты на уровне слепой обиды, неумения посмотреть на другого человека глазами сочувствия. Все почему-то ждут этого от учителей, но на вопрос: «А вы могли бы работать учителем в этом классе?» — в ужасе начинают отмахиваться.

В седьмом классе обычной городской школы дети возмущены своей классной руководительницей. Она несправедливо к ним относится, ставит двойки, пишет замечания в дневник, не желает выслушать, когда они возмущаются. Дети начинают поговаривать о том, чтобы написать на нее «телегу» директору, как это сделали в одном восьмом классе, после чего учительницу убрали. И тут одна из мам случайно узнала, что У этой учительницы тяжело больна дочь (она была тогда при смерти), что на ее лечение в семье нет денег. Мама рассказала об этом своей дочке и задала ей вопрос:

— Как ты думаешь, в каком состоянии сейчас может быть ваша учительница? В каком бы состоянии была сейчас я, если бы, не дай бог, ты у меня была больна?

Девочка задумалась, а потом через несколько дней сказала маме:

— Мам, я девкам в классе сказала, чтобы они не смели больше издеваться над Ниной Ивановной, я им объяснила, какое у нее сейчас горе.

И они тебя поняли?

— По-моему, да...

Двумя годами позже эти дети расставались со своей учительницей. Они переходили в десятый класс или уходили из школы, и уже были полны благодарности Нине Ивановне, которая в самое тяжелое свое время оставалась с ними не равнодушно-отрешенной в своем горе, а деятельно-внимательной. А ведь могли написать на нее «телегу»... Всем классом. И не почувствовать боль другого человека.

Маму десятиклассницы Вали вызвала в школу химичка. «Она у нас химичка-психичка», — сообщила маме Валя. Мама уже была наслышана о странностях этой дамы и готовилась к бурной встрече. Химичка эффектно

распахнула перед ней журнал, помахала перед носом страницами с Валиными двойками и пропусками, поставила на вид и, не дожидаясь ответа, заявила, что ей некогда, что она торопится. И выскочила за дверь. Валина мама была шокирована и подумала, что на месте дочки тоже не стала бы учить химию и вообще ходить на нее. Дома она из педагогических соображений все-таки попросила дочь повнимательнее отнестись к предмету химии. По ее кислому виду дочь поняла все и засмеялась:

— Мама, да ты не бойся, у нее просто характер вспыльчивый, а так она не злая, иногда даже очень интересно нам рассказывает о своей собаке.

А мама Света вспомнила, как в седьмом классе обожала свою математичку Зою Петровну, которая в порыве искреннего возмущения тупостью своих воспитанников кричала на них, покрываясь бурными пятнами: «Турки! Вы — турки! Как вы не понимаете?» А на следующем уроке после их приличных ответов, раздобрев, рассказывала им о своем коте, который все-таки невероятный плут и мошенник. А они, девчонки, на перемене бегали на улицу и приносили ей на стол незаметно, пока ее не было в класс, первые веточки сирени. Она приходила на уроки ворчала на этих варваров, у которых хватает совести обдирать дерево. После выпускного вечера химичка зазвала свой класс в лабораторию и торжественно расплескала бутылку шампанского по пробиркам. Они расстались с симпатией и уважением друг к другу. А мама Света порадовалась, что не стала тогда грубо и обиженно вмешиваться в отношения дочки и остального мира. А еще она вспомнила, как много лет назад (дочка еще в первом классе училась) пошла разбираться в школу с учительницей, на которую Валя пожаловалась, что та ее по затылку щелкнула и кричит. Валя всегда была трудным ребенком, и свою-то маму регулярно доводила до бешенства, и мама в отчаянии после очередного примирения полушутя-полусерьезно называла дочку «батька Махно», «стихийное бедствие» и «чертово отродье». Но все равно заранее была обижена на учительницу и уязвлена за своего ребенка. Когда она пришла в школу, учительница встретила ее приветливо и начала рассказывать о классе, детях и ее собственной дочке с таким неподдельным энтузиазмом, что мать смягчилась, в свою очередь поблагодарила учительницу за информацию и выяснять с ней отношения не стала. Она даже себе не могла объяснить почему, но возникший контакт с учительницей показался слишком ценным, чтобы его тут же рушить. Потом она спрашивала Валю: «Ну, как там Галина Семеновна?» Валя отвечала удивленно: «Да все нормально, мама».

А могла бы мама напасть на учительницу с разбегу. Не глядя. ; А вот еще одна сказка к этому разговору.

Мальчик-змей и радужная фасолина

Шел один мальчик по дороге. Посвистывал, листву прутиком сбивал, по сторонам глазел. Шел-шел и споткнулся о пенек. Остановился, глянул под ноги, а на пеньке фасолинка лежит, и такая красивая - вся светится и всеми цветами радуги переливается. Ахнул мальчик от удивления и сунул фасолину себе за пазуху. Она стала жечь ему грудь. Тогда он переложил ее в карман. Она стала жечь его и через карман. Зажал в кулаке - терпеть невозможно - так горяча фасолина. Что делать? А расстаться с ней уже нет сил — так хороша фасолина.

Осмотрелся мальчик кругом и нашел место приметное, возле большого круглого валуна, из-под которого пробился чистый маленький родник. Вырыл мальчик ямку под камнем и положил туда свою находку. Сияет она в ямке светом чистым переливчатым, аж дух захватывает. Полюбовался на нее и землей присыпал. Место приметил, чтобы сюда приходил, своим сокровищем непокорным любоваться. Крепко эта фасолина ему в сердце запала.

Так случилось, что не смог мальчик прийти в это место ни на следующий день, ни на второй, и только на третий день бегом прибежал он к заветному месту. И что же он видит? Из-под камня толстый и длинный стебель фасоли вырос под самое небо. Высоко-высоко виднелись крепкие и свежие листья фасоли и, самое главное, цветы, еще не совсем раскрывшиеся и поразительно прекрасные. Они, как и фасолина, светились и переливались всеми цветами радуги. Мальчик понял, что это проросла его фасолина. Он даже заплакал от огорчения. Потом ему захотелось достать один из этих прекрасных цветков. Но как же? Мальчик в отчаянии бросился на землю. Он больно ударился, и в глазах у него потемнело. Когда он пришел в себя, то почувствовал во всем теле необыкновенную легкость и гибкость. Его глаза, казалось, видели сразу во все стороны горизонта. Слух его чудесным образом обострился, он слышал, как высоко вверху тонко звенят тычинки и пестики цветов. Этот хрустальный звон зачаровал мальчика. Видно, потому он не заметил маленькой серой птички, пролетевшей мимо и свистнувшей ему.

- Будь осторожен!

Он опустил глаза и увидел, что он уже не мальчик, а юный змей — сильный, гибкий, в сверкающей чешуе. Ему почему-то совсем не было страшно, будто так и должно быть. Теперь он мог все. Или почти все. Тогда юный змей в мгновение ока обвился вокруг стебля фасоли и стремительно взвился вверх, к радужным цветам. Скользить вверх по стеблю было так упоительно, что он даже закрыл на мгновение свои самые зоркие на свете глаза. Когда он был уже почти у цели и цветок еще ярче сиял совсем близко от него, солнце ударило его. Юный змей рухнул вниз.

У подножия стебля очнулся мальчик. У него болели голова и плечи. Он подумал, что ушибся, когда падал с высоты. Мальчик вернулся домой и был необычно тих и сосредоточен в тот день. Мама измерила ему температуру и уложила его в постель. Ночью ему приснилось, что он снова змей, а на плечах у него набухли почки.

На следующий день мальчик опять пошел к своей фасоли. Встав у подножия, он посмотрел вверх. Цветы сияли и переливались радугой. За ночь они еще больше раскрылись и, казалось, освещали все вокруг. Он долго не мог оторвать от них свой взгляд. Потом почувствовал, что снова стал змеем, сильным, гибким и всемогущим. Или почти всемогущим. Он снова все видел и все слышал. Он услышал, как соки продвигаются вверх по стеблю фасоли. Мимо пролетела маленькая птичка и пропела ему прямо в ухо:

- Будь осторожен!

Но юный змей, опьяненный своей силой, тут же забыл про нее и ее слова, обвил кольцами своего тела стебель фасоли и сияющей

лентой устремился ввысь, к радужным цветам. И когда цель была уже совсем близка, на него налетел орел и стал клевать его. Юный змей, закричав от неожиданности и боли, рухнул вниз.

Мальчик очнулся у подножия стебля. Сильно болели голова и плечи. Мальчик с трудом поднялся и побрел домой.

Мама накормила его, согрела воды помыться, уложила в постель.

Ночью ему приснилось, что он снова змей, а почки на его плечах лопнули, и из них показались не то листья, не то крылья. Это было очень больно. Мальчик ночью плакал, а мама смачивала в холодной воде полотенце и клала ему на лоб.

На третий день мальчик снова пошел к своей фасоли. Он долго стоял, глядя на радужные цветы, которые стали еще краше, полностью раскрывшись сегодня. Они тихонько звенели и словно звали его к себе. Соки с тихим журчанием поднимались вверх по стволу, корни слабо шуршали под землей, собирая влагу для цветов. Рядом пронеслась маленькая птичка и нежно и тревожно просвистела:

- Будь осторожен!

Он услышал птичку, но не мог оторвать глаз от цветов. Ветерок, который подняла маленькая птичка своими крыльями, охладил на мгновение его лоб.

Он снова был змеем. И за плечами у него было странное и непривычное ощущение. Он повел плечами — и крылья расправились. Змей почувствовал, что силы его чудесным образом возросли, и он взмыл вверх. Теперь ему уже не нужно было ползти по стволу. От счастья даже закружилась голова, а цветку чудесной фасоли были уже совсем близко. Бедный змей! Он не заметил, как быстро спустились над его головой прозовые тучи. Молния ударила в тот момент, когда он уже потянулся за цветком. Сначала он увидел на месте цветка огромную и ослепительную радугу, потом ослеп и оглох.

Мальчик очнулся у подножия фасоли. Он не мог даже пошевелиться, мог только смотреть вверх. Цветов больше не было, а ствол фасоли стал коричневым и сухим. Соки больше не поднимались вверх по стволу, и корни не искали живительной влаги.

Мама нашла его под каким-то сухим, очень высоким деревом. Вверх она не смотрела, потому что сквозь слезы старалась рассмотреть мальчика. Она позвала людей на помощь, и они принесли его домой. Девять дней и девять ночей он был между жизнью и смертью.

Юный змей летел свободно и бесстрашно прямо к сияющей радуге.

Мальчик медленно шел по радуге. Солнце сияло в безоблачном небе, орел парил в своей недостижимой выси. Мальчик дошел до вершины сухого стебля фасоли и увидел на нем большой темный стручок. Мальчик дотронулся до него - и створки с тихим звоном распахнулись. Внутри сияли три прекрасные радужные фасолины. Мальчик взял одну из них, а две упали на землю.

Мальчик очнулся, открыл глаза. Было утро. За окном что-то свистнула птичка, было слышно, как мама хлопчет на кухне. Вкусно пахло кофе и свежими гренками. Мальчик улыбнулся.

~ Спасибо, птичка! - прошептал он.

Он что-то сжимал в правой руке, что-то теплое, и пульсирующее, и как будто подмигивающее изнутри невидимым лукавым глазком. Мальчик раскрыл ладонь — на ней лежала самая прекрасная в мире радужная фасоль.

Кабы не ты, матушка...

- 17 -

Прошлое, настоящее и будущее сексуального просвещения

— Мама, а скажи, могут жить мужчи
на с женщиной как муж и жена?

Мать замаялась, но врать не стала и ответила, что иногда, очень редко, могут.
— А женщина с женщиной?

Мама поняла, что отступить поздно, и ответила примерно так же.

— Мама, а ты не рано мне все это рас
сказываешь? — лукаво спросила дочь.

Этот диалог состоялся в молодой, хорошей и дружной семье. И через несколько минут после него Маша уже с увлечением решала задачки по математике, которых ей всегда оказывается слишком мало. Она хочет знать все, что только возможно, — и про то, как складывать бананы с ананасами, и можно ли то же делать с кошками и

мышками, и как родятся на свет дети.

Наверное, в каждой семье однажды раздаётся этот вечно юный вопрос: «А где я был раньше, мама? Откуда берутся дети?» И родителям приходится выбирать свою позицию на огромном полигоне вариантов между полными врагами об аисте и полным просвещением по данному вопросу — по поводу полового влечения и соответствующего акта со всеми вытекающими последствиями.

В этой главе я поставила себе следующую задачу — сделать небольшой обзор существующих на эту тему мнений, включив в них только по праву авторства и свое.

Моя собственная заинтересованность состоит в том, что, во-первых, как матери пришлось пройти через строй соответствующих вопросов и, ещё сложнее, недомолвок своих детей; во-вторых, иметь дело с постоянными вопросами своих клиентов-родителей; в-третьих, видеть результаты негласного сексуального просвещения молодежи через телевидение, кинематограф и видеопрокат. Результаты состоят в том, что секс становится чем-то вроде модного вида спорта, перестает быть тайной Для Двоих и вершиной любви, как проявления полного доверия двоих друг другу. Можно ли в такой ситуации игнорировать проблему государственной программы сексуального воспитания и планирования семьи? Можно, конечно, только тогда у детишек не останется альтернативы, возможности выбора своего стиля и образа жизни. Кроме, конечно, нашего раздраженного и ностальгического брюзжания о том, как жили предки наши.

Программу сексуального просвещения по американскому образцу в нашей стране уже пытались провести в ряде регионов, но она встретила мощный отпор со стороны родителей и педагогов. Можно сказать, что программа действительно не была экологична нашему менталитету, культурным традициям российской глубинки. Да и не нуждаются наши дети в изображениях половых органов на больших плакатах. Все это они начали изучать еще в кустах детского сада в возрасте четырех-пяти лет. Если, конечно, из них тут же не делали преступников и не клеймили общественным презрением.

Но что, как и когда им говорить или не только говорить, а как-то самим поступать, и доверять ли процесс воспитания детей школе и психологам, или это должно быть прерогативой семьи — вот ряд нескудных и неновых вопросов.

Для меня было значимо сопоставить мнения таких знатоков психологии, в том числе детской и сексологии, как К. И. Чуковский (не спешите удивляться — лучше его никто не описал внутренний мир дошкольника от двух до пяти лет), английский философ К. С. Льюис, Герберт Шелтон (известный во всем мире ученый-гигиенист), Эрик Берн (психолог, знаменитый многими своими психологическими бестселлерами), И. Медведева и Т. Шишова — ведущие отечественные детские психологи православного направления.

Начинаю с того человека, чьи взгляды наиболее близки мне, которого люблю за его преданную маленьким и большим детям жизнь, за его чудесные книги — с К. И. Чуковского:

Если мать или отец, не считаясь с возрастными потребностями попытаются сообщить ему полную и неприкрытую «истину» о зачатии, ре бенок по законам своего детского мышления непременно превратит эту «кар тину» в материал для безоглядной фантастики. Так поступил, например, пя тилетний Волик Шмидт, сын академика Отто Юльевича Шмидта, когда его мать откровенно сообщила ему подлинные и подробные сведения о про ис_ хождении детей. Он тотчас же стал импровизировать длинную повесть о своей жизни в материнской утробе:

— Там есть перегородка... между спинкой и животиком.

— Какая перегородка?

— Такая перегородка — с дверкой. А дверка вот такая маленькая. (Смеется.) Да-да. Я сам видел, когда у тебя в животике был. И комнатка там есть малюсенькая, в ней живет дяденька.

— Какой дяденька?

— Я был у него в гостях, пил у него чай. Потом я играл еще в садике. Там и садик есть маленький, и песочек в нем... И колясочка маленькая... Я там с детками играл и катался.

— А откуда же детки?

— Это у дяденьки породились... Много-много деток. И все мальчики; девочек там нет. И моссельпромовцы сидят... Трое их...

Вот такие малюсенькие.

— И ты там жил у них?

— Я приходил к дяденьке в гости, а когда пришла пора родиться, я с ним попрощался за ручку и вышел у тебя из животика.

Рассказ об этом маленьком Волике, населившем материнскую утробу тремя моссельпромовцами, я заимствую из неопубликованного дневника Веры Федоровны Шмидт. В том же дневнике есть другая любопытная запись:

После каждого глотка Волик останавливается и как бы прислушивается, что делается у него внутри. Потом весело улыбается и говорит мне:

— Уже побежало по лестничке в животик.

— Как — по лестничке?

— У меня там лестничка (показывает путь от горла до желудка); все, что я кушаю, бежит потом по лестничке в животик... А

потом есть еще лестничка в ручках, в ножках... Везде идет то, что я кушаю...

— Это тебе кто-нибудь рассказал так?

— Нет, это я сам видел.

— Где же ты это видел?

— А когда я был у тебя в животике, я видел, какие у тебя лестницы- значит, и у меня такие...

Вот что сделал пятилетний ребенок из эмбриологических истин, которые поторопилась сообщить ему мать.

Перу К. С. Льюиса принадлежат кроме всех прочих произведений трактат «Любовь» и космическая трилогия, в которых он высказал свое отношение к страсти и сексуальной жизни.

Нельзя относиться с важностью к страсти, да и невозможно, ведь для этого надо насиловать свою природу. Не случайно все языки и все литературы полны шуток на эти темы. Многие шутки пошлы, многие гнусны, и все до одной стары. Но, смею утверждать, в них отражено то отношение к соитию, которое гораздо невиннее многозначительной серьезности. Отгоните смех от брачного ложа, и оно станет алтарем. Страсть обернется ложной богиней — более ложной, чем Афродита, которая любила смех (К. С. Льюис, трактат «Любовь»).

Точка зрения Герберта Шелтона гораздо более категорична. Она заявлена уже в названии одной из его статей, а именно: «Миф о необходимости секса».

В современной литературе о сексе очень явственно проступает мысль о том, что, если цивилизованный человек отбросит в сторону все ограничения и всякие нравственные нормы и чуть ли не с детства предастся одной долгой беспорядочной оргии соития, пока этому не положат конец физическое истощение и старческий возраст, это позволит ему избежать нервных, умственных и прочих заболеваний, и каждый обретет свое счастье.

Воздержание невозможно, нежелательно, губительно, заявляют сторонники контроля над рождаемостью. Психологи, многие врачи, в том числе невропатологи, урологи приводят массу доводов, которые, по их мнению, доказывают, что воздержание очень вредно и особенно способствует нервным и умственным расстройствам. Половой инстинкт, говорят они, очень силен и, подобно всем другим инстинктам, должен быть удовлетворен, иначе он обернется против нас ужасным наказанием. Импотенция, стерильность, нервные заболевания, безумие и прочие беды будто бы порождаются неудовлетворенным половым импульсом.

Все эти доводы фальшивы. Власть полового инстинкта сильно преувеличивают, а недостатки умеренности воображаемы. Стремления психологов вдохнуть новую ЖИЗНЬ в старый миф о необходимости секса, издавна поддерживаемый в угоду лишь мужчинам, но ныне отстаиваемый для обоих полов, — напрасные попытки. ...Исключительно сильная потребность в сексе наблюдается у развратников, сатиров, нимфоманок, идиотов, дебилов и прочих подобных людей. Иногда это происходит и с больными туберкулезом, которым, однако, удовлетворение желания наносит большой вред. «Сильной» сексуальностью обладают невротики и некоторые категории людей с психическими отклонениями».

Несколько теплых слов о сексе в человеческой любви в одноименной книге сказал Эрик Берн:

Спаривание — звучит тепло и плодородно. Может быть, более всего по-человечески и наименее вульгарно звучит «заниматься любовью». В этом есть и нечто теплое, влажное, плодородное, и нечто обещающее — больше, чем сам акт. Никто не может сказать, что будет утром с людьми, которые совокуплялись, имели коитус или половое сношение. Люди же, которые занимались любовью, скорее всего, вместе будут завтракать. Поэтому юные леди в большинстве своем предпочитают эти слова всем остальным. К сожалению, похоже, что мужчины менее к ним склонны, даже те, которые охотно садятся завтракать с женщинами.

...Прежде чем мы перейдем к сексуальному просвещению здоровых полнокровных здравомыслящих американцев, скажем несколько слов о «сексуальном образовании» в школе. Понадобится лет двадцать, чтобы судить о его эффективности, пока вырастет поколение, которое ему подверглось. Главное, чтобы его осуществляли не синие чулки под неусыпным надзором сушеных вобл из попечительского комитета. В этом отношении секс похож на юмор. Уроки юмора, если уж они нужны, должны даваться людьми, которые хоть раз в жизни смеялись и которым это понравилось.

И. Медведева и Т. Шишова — практические детские психологи, создатели куклотерапии и драматической психозлеации как метода в детской психотерапии, мужественно отстаивающие свои взгляды на воспитание детей в условиях новой жизни, в своей «Книге о трудных родителях» они рассуждают о «горьких плодах просвещения» (имеется в виду сексуального):

— Ах, вот как?! Вы за то, чтобы он узнал такие важные вещи во дворе, в подворотне? Набрался черт знает чего от уличных «просветителей»?

Да, мы за это. Мы считаем уличное просвещение естественным и необходимым этапом духовного (да-да, как это ни парадоксально звучит!) развития ребенка. Во все времена «правду о любви» дети узнавали от более старших *цли* шустрых сверстников. И всегда эта правда преподносилась в искаженном, скабресном виде. Но наступал следующий этап, и юноша, который еще вчера, будучи подростком, писал на заборе матерные ругательства и рисовал непристойные картинки, влюблялся, переставал есть и спать, сочинял стихи и думал о предмете своей любви как о неземном, ангелоподобном существе... А потом юность сменялась молодостью, и уже «не мальчик, но муж», любивший теперь вполне земную жену и мать своих детей, в ярости кричал на сына, обнаружив в его тетрадке похабный рисунок...

Подростковый цинизм — это все равно как молочные зубы. В свое время они выпадут, и, казалось бы, зачем они нужны. А вот зачем-то нужны. И потом, если вы думаете, что, прочитав ребенку вслух «Детскую сексуальную энциклопедию», можно избежать образования в «дворовых университетах», — вы глубоко заблуждаетесь! Все равно ваш сын (или дочь) поверит своим друзьям-наставникам, а не вам. Взрослая жизнь всегда окутана для ребенка тайной, и если авторитетный друг или подруга скажут ему, что дети рождаются от поцелуя, детское мифологическое сознание с готовностью примет это за истину.

* * *

Прочитав весь этот материал, вы, возможно, убедились в разнообразии мнений по одному и тому же вопросу. И, что интересно, каждый автор по-своему прав.

Прав Чуковский в том, что детский разум отсекает все, к чему он не готов, или искажает информацию до неузнаваемости. И что преждевременные усилия взрослых впрямь не пойдут. Особую благодарность чувствую к Эрику Берну за его человеческое, спокойное и слегка юмористическое отношение к сексу как к теплоте, плодородному, необходимому и желанному фактору нашей жизни, но при этом отнюдь не главенствующему над всей нашей жизнью. В человеке есть чему главенствовать — царю в голове, символизирующему возможность и осуществленное право выбора, которого и должно воспитывать в первую очередь. Война, развернувшаяся вокруг отношения к сексу и сексуальному воспитанию, устрашает сама по себе, делая ее предмет яблоком раздора, опасным, как бы отравленным. Делает его своего рода опасным божеством, от чего предостерегал Льюис. Лишает нас простоты и радости жизни любовной и чувственной. Во многом я присоединяюсь к Медведевой и Шишовой, как человек, женщина, коллега.

Думаю, что есть смысл в корпоративном подходе к решению этого вопроса, потому что в этой войне в числе побежденных будут в первую очередь дети, по поводу которых сыр-бор идет в нашей отечественной психологии. А пока суд да дело (паны дерутся, а у холопов чубы трещат), остается вечная прерогатива семьи в воспитании своих детей, прерогатива родителей сначала самим добросовестно просвещаться, выбрать свое отношение к вопросам пола. Для этого есть культурные традиции, множество литературных источников, психологические группы, Интернет, наконец-то. И чтобы вас не корежило, когда ребенок спросит, как он появился на свет. Первое, что он хочет точно знать, это то, что мама и папа его очень ждали и любили уже тогда, когда он жил в теплом и уютном мамином животике, как мама разговаривала с ним, гладила снаружи, охала от наслаждения, когда он там кувыркался. А уже потом, через какую дырочку он оттуда вышел (да, конечно же через специальную, устроенную для этого). Вообще, когда родители не боятся своей жизни и своего ребенка, разговоры на самые разные темы происходят удивительно просто и без всякого напряжения — родители знают, что имеет виду ребенок, задавая тот или иной вопрос. И ребенок не боится спрашивать их. А когда перестает спрашивать, значит, он уже достаточно вырос, чтобы перестать есть только из вашего клюва, и готов сам добывать себе пищу для мозгов. В том числе и на улице. Просто если вы его воспитали хозяином самому себе, то он будет есть и пить из хороших источников, иметь дело с людьми, которые его не смогут испортить. Иммунитет к гнильце закладывается в семье, родителями очень рано. И если вы почувствовали страх за ребенка, что его может кто-то испортить, обратите «глаза зрачками в душу», потому что это к себе вы потеряли доверие, к тому, что сами натворили. И с себя, с собственных авгиевых конюшен и надо начинать чистку.

Будет ли в школах предмет о сексе — определит множество факторов. Первый американский блин на

российской сковородке оказался комом. Однако теперь уже не скроешь того факта, что секс — один из тех столпов, на котором зиждется реальность, носящая имя «человек», что «все-таки она вертится», хоть вешай, хоть жги на костре очередного Коперника. Другое дело, вокруг чего вертится само Солнце и его Галактика. И может, обновление мировоззрения наших детей стоило начать не с введения сексоведения, а с преподавания истории культуры и этнографии семьи. Разумеется, в детском варианте. В народных сказках заложены все модели рационального поведения людей, в том числе и тендерные. Символическое мышление ребенка дошкольника в иных моделях и не нуждается. А сексуальное просвещение в школе, по-моему, должно быть пока, во-первых, факультативным и добровольным (с согласия родителей); во-вторых, отдельным (у девочек и у мальчиков); в-третьих, обеспеченным высококвалифицированным преподавателем; в-четвертых, контекстным, то есть сексология должна преподаваться в составе человековедения. Иначе можно скатиться в трясины чрезмерной озабоченности и профанации и полного, с точки зрения наших же детей, кретинизма. Ведь они, как все нормальные поначалу живые существа, живут по принципу: «А Васька слушает, да ест». Наши теории они все равно переинчат на свой лад и нас же перепугают своим вариантом «интертрепации», если мы недостаточно продумаем способ приготовления и подачи информации. «Блюдо» должно хоть сколько-нибудь соответствовать нашим и их представлениям о «съедобности».

Гарри Поттер для них съедобен. Не знаю, насколько съедобен мой многослойный торт «Попурри» на тему секса, но все же рискну подать его на стол.

О, хищные вещи века!

Какая предстоит работа, подумал я. Какая работа! Я не знал пока, с чего нужно начинать в этой Стране Дураков, захваченной врасплох изобилием, но я знал, что не уеду отсюда, пока мне позволяет закон об иммиграции. А когда он перестанет позволять, я его нарушу.

А. и Б. Стругацкие. Хищные вещи века

Хищные вещи существовали всегда. Почти сто лет назад Тэффи написала рассказ о желтом воротничке, который испортил всю жизнь милой скромной женщине и ее мужу, незаметному советскому служащему. Наглый воротник, надежно угнездившийся в гардеробе, потребовал сначала соответствующей приличной блузки, потом — туфель, сумочки, поездок на извозчике, вранья мужу, займа денег... В результате бюджет семьи и самая семья прекратили свое существование. Эта ситуация, конечно, утрирована писательницей-сатириком, но в жизни происходят истории совсем не смешные, а грустные и даже страшноватые для родителей. Причем родители сами не могут понять, откуда у детей такие меркантильнее потребности, стремление ко все новым и новым вещам и дорогим престижным удовольствиям. И почему они не могут отстоять скромного достоинства семьи среднего уровня достатка...

Мама привела на консультацию своего мальчика Ваню-пятиклассника. Ваня с ревом отказывается ходить в школу, закатывает бурные истерики и ничего объяснять не желает. Мама и сама на взводе, едва сдерживает себя от карательных мероприятий. На консультации удалось выяснить, что мальчишки в классе (а класс математический, в престижной школе) смеются над ним из-за того, что у него недостаточно современный винчестер в компьютере. Мальчики из состоятельных семей могут позволить себе хорошую технику, и Ваня стал изгоем среди этой элиты. Мы с мамой переглянулись и задумались. Детям всего по десять лет. Все их поведение пока в основном отражение наблюдаемой ими жизни, большей частью — их собственных семей. Решили, что есть смысл решать вопрос на социальном уровне (не игнорируя, конечно, факт низкой самооценки мальчика). Потому что учительница не знает, какие «ценности» начинают преобладать во вверенном ей классе, ведь мальчики подвергают жертву издевательствам очень тонко, и при учителе все шито-крыто, тишь-гладь да божья благодать. Оказалось, что и другие родители ни о чем таком не подозревали. На родительском собрании, которое прошло по теме детской дедовщины, родители и учитель решили, что с детьми надо поговорить о существовании и других ценностей в жизни, кроме объема винчестера. Постепенно в классе наладилась более нормальная обстановка. Ваня пошел в школу. Это то, что мне известно достоверно.

А вот семиклассник Женя запустил руку в домашнюю кассу и весело проводил время с друзьями из состоятельных семей. Мать пришла в полное отчаяние и страх, когда узнала об этом. И опять престижная школа, элитный класс — и семья среднего достатка, где мать трудится не покладая рук, чтобы дать ребенку хорошее образование и достойное общение. Мальчику стыдно посещать школьную столовую, где питание до-

ступное и недорогое, потому что его товарищи питаются в Мак-Дональдсе пиццами и гамбургерами. И я вспомнила другой случай, который произошел с дочкой-подростком моих приятелей. Она собиралась с подругами в этот самый Мак-Дональдс. Родители субсидировали поход и потом стали расспрашивать вернувшихся детей, мол, как там на Диком Западе питаются. Девочки как-то туманно объяснили, что все было потрясающе, и только потом выяснилось, что по пути в кафе они завернули в книжный магазин «Чакону» (а надо сказать, что этот магазин замечателен по подбору и огромному количеству самой разнообразной литературы). В «Чаконе» они спустили все деньги, накупили разных книг, и на Мак-Дональдс средств уже не осталось. Что поразило родителей, так это факт смущения детей — им было неловко признаться, что они потратили деньги на книги вместо того, чтобы их проесть. Кутить в «обжорке» престижно, читать книги — нет. Это наши нынешние реалии, если не считать «нефров» (простите за сленг — так называют неформалов — представителей молодежи, не желающих быть похожими на большинство — серую массу; к числу их увлечений относится интерес к ценностям культуры).

Что касается нашего мальчика, то, оставшись с ним наедине, я уви дела его искреннее возмущение мамой, которая не понимает, что он не может жить без того, чего она не хочет ему обеспечить. Не было чувства вины за свое преступление, не было раскаяния, было только убеждение в том что он достоин красивой жизни. А она не может ему ее обеспечить и почему он должен быть хуже своих приятелей? Потом я пытаюсь понять, как же так получилось, что мать — трудяга, а сын — универсальный потребитель без малейшего признака стыда и совести.

Мать оказывается, всегда сама мечтала о высоком уровне жизни, все ее знакомые относились к кругу состоятельных людей, сын среди них вырос. Она только не успела ему объяснить отличия доходов крупного предпринимателя от своей зарплаты очень способного, но государственного служащего. Он же принял их отношения с окружением за чистую монету. окружение сформировало его потребности. И мать, та, которая сейчас с отчаянием и ужасом смотрит в будущее, сама способствовала этому.

В США люди живут в районах согласно уровню своих материальных возможностей, платят налог за обучение детей в школе, расположенных по месту жительства. Уровень школы соответствует уровню достатка людей. Контраста не возникает. Для способных детей существуют специализированные школы различного профиля. Их обучением занимается государство.

Западному капитализму уже много лет. Отношения между слоями общества отлажены, стабилизированы. В нашу страну искушение изобилием хлынуло сравнительно недавно, и наложилось на неизжитое совковое представление о «равенстве» людей. Я не социолог и не революционер, и не собираюсь осуждать материальные ценности и тех, кто их создает и собирает. Но я за то, чтобы люди учились прогнозировать результаты своей жизни и не удивлялись так сильно тому, что происходит с детьми. Да то же, что и с нами. Когда сами забываем о потребностях души, запрягаем себя в лямку бесперебойного зарабатывания денег и перестаем радоваться друг другу просто так, без всяких материальных подкреплений, у детей духовные потребности оказываются несформированными, а материальные — гипертрофированными. И бесполезно копить дома хорошие книги, если мы их не читаем с нашими детьми. Полезно ожидать от них сочувствия к себе, если забыли, когда 142 последний раз говорили с ними по душам или просто хохотали в свое удовольствие.

Я думаю, что наши действительные ценности, которыми мы живем, не нуждаются в рекламе и их не нужно проповедовать перед детьми. Мы просто живем согласно им, и тогда яблочко от яблоньки далеко не упадет. Как только мы начинаем им что-либо проповедовать и убеждать, как надо жить, оказывается, что мы не столько их, сколько самих себя пытаемся убедить, самим себе пытаемся доказать, как надо жить. И тогда дети от нас держатся подальше, потому что любая навязчивость и любое насилие всегда вызывает протест и желание быть подальше от тех, кто нас пытается переделать. Делая что-то естественно, как дышим, мы создаем атмосферу максимального благоприятствования для того, чтобы дети «заразились» от нас нашим вкусом к жизни. «Заразить можно только тем, чем болеешь сам» — так говорит М. Л. Покрасс, замечательный врач-психотерапевт из Самары. Если мы хотим, чтобы наши дети стали культурными, нужно быть самим верными храму культуры, быть если не его строителями и хранителями, то регулярными потребителями его ценностей. Люди этого типа не обязательно творцы сами, но что-то от магов у них все же есть, хотя бы то, что они находятся в пути и им никогда не бывает слишком много уже известного о мире. В еще одной своей книге «Понедельник начинается в субботу» Стругацкие пишут о людях, работающих в НИИЧАВО — НИИ Чародейства и Волшебства. «Сюда пришли люди, которым было приятнее находиться друг с другом, чем порознь, которые терпеть не могли всякого рода воскресений, потому что в воскресенье им было скучно. Маги, Люди с большой буквы, и девизом их было "Понедельник начинается в субботу". Да, они знали кое-какие заклинания, умели превращать воду в вино, и каждый из них не затруднился бы накормить пятью хлебами тысячу человек. Но магами они были не поэтому. Это была шелуха, внешнее. Они были магами потому, что очень много знали, так много, что количество перешло у них, наконец, в качество, и они стали с миром в другие отношения, нежели обычные люди. Они работали в институте, который занимался, прежде всего, проблемами человеческого счастья и смысла жизни, но даже среди них никто точно не знал, что такое счастье и в чем именно смысл жизни. И они приняли рабочую гипотезу, что счастье в непрерывном познании неизвестного и смысл

жизни в том же. Каждый человек — маг^в душе, но он становится магом только тогда, когда начинает меньше думать о себе и больше о других, когда работать ему становится интереснее, чем развлекаться... И наверное, их рабочая гипотеза была недалеко от истины, потому что так же, как труд превратил обезьяну в человека, точно так же отсутствие труда в гораздо более короткие сроки превращает человека в обезьяну. Даже хуже, чем в обезьяну. ...Человек сплошь и рядом не может бороться со своими кислыми мыслями, на то он и человек — переходная ступенька от неандертальца к магу. Но он может поступать вопреки своим мыслям, и тогда у него сохраняются шансы. А может и уступить, махнуть на все рукой ("Живем один раз", "Надо брать от жизни все", "Все человеческое мне не чуждо"), и тогда ему остается только одно: как можно скорее уйти из института».

Мне очень больно видеть подростков, оболваненных идеей зарабатывания денег, не важно как; детей, не получивших доступа к своей уникальной мечте; детей, избравших себе кумиром золотого тельца не потому, что они действительно в него верят, а потому, что их в этом убедили средствами рекламы и массовой информации. Больно видеть зомби во вчерашнем живом и настоящем ребенке, больно видеть родителей, не сумевших защитить самое важное в жизни, прозевавших торги, на которых их дети пошли с молотка...

Я ведь говорю сейчас не обо всех людях, которые избрали занятия предпринимательством, маркетингом и финансами. Каждый одарен по-своему. Всегда были нужны хорошие купцы, импресарио и банкиры. Они первыми осваивали мир, иногда становились восторженными и щедрыми меценатами. Больно лишь за то, что, поддавшись моде и соблазнившись сладким разрекламированным куском, человек упускает свой эксклюзивный шанс состояться по-другому, по-своему.

Как же жить в стране, захваченной врасплох изобилием? Какая еще революция нам нужна, чтобы избежать колбасного рая и неизбежной скуки сытости? На этот вопрос отвечает, во всяком случае, пытается ответить герой Стругацких Иван Жилин (роман «Хищные вещи века»): «Семь лет назад ты объяснил мне, что твой народ проклят. Мы пришли сюда и сняли проклятие с тебя, Рюга и с многих других детей, у которых не бывает родителей. А теперь ваша очередь снимать проклятье...».

Мы с детства знаем о том, как снимали проклятья на стройках и в лабораториях, а вы снимете последнее проклятье, вы, будущие педагоги и воспитатели. В последней войне, самой бескровной и самой тяжелой для ее солдат.

Мама и папа не сошлись характерами

Я у бабушки живу,
Я у дедушки живу,
Папа с мамой ходят в гости к нам.
Чтобы я счастливым рос,
Настоящий куплен пес...
Из песни ВИА «Верасы»

Чтобы друг друга узнать, надо пуд соли съесть. А время-то нас не ждет. А молодость уходит! Кому я буду нужна потом, если сейчас время упущу? Так думает одна (или далеко не одна) молодая женщина. «Как бы не упустить своего счастья», — может рассуждать молодой человек. Рушатся едва и неизвестно зачем созданные семьи, а совместно нажитый ребенок уже появился на свет. И на приеме у психолога рисует (как и практически все дети из таких «бывших» семей) себя между мамой и папой, крепко держащим их за руки. Чтобы не разбежались в разные стороны. Хотя бы на рисунке, в мечте.

Когда-то в древние времена была страшная казнь для преступников. Их привязывали к лошадям, сразу к нескольким. И выпускали в чистое поле, шуганув животных. Преступник оказывался разорванным на части. Жуткие подробности жизни наших предков. А что, собственно, делают наши разбежавшиеся родители, которых ребенок силится удержать своими маленькими ручками? Конечно, физически ребенок цел, а эмоционально и нравственно — истерзан до двоек по поведению в школе, до ненависти и недоверия ко всем взрослым подряд, до волчьего оскала нежного детского лица. На стороне мамы нередко соответствующая бабушка, принимающая у себя беглянку с ребенком, на стороне папы что и его заботливая мамочка («Я же говорила, что она тебе не пара!»).

Новоиспеченный психолог убеждает маму, что если она умудрится стать счастливой, то осчастливит и ребенка рядом с собой. И доверчивая мама пускается на поиски нового счастья — с новым другом. А строить-то ничего не научилась. Пока только разрушать. Так же как и папа. Что же, для начала неплохо. Дистанция позволяет посмотреть друг на друга более спокойным взглядом,

пересмотреть взгляды друг на друга и на жизнь. А что, собственно, успели узнать друг о друге бывшие супруги во время коротенькой совместной жизни?

И мне захотелось сопоставить правила семейной жизни, бытовавшие в прошлом веке, с их практическим отсутствием в нашем. Сто лет назад развод супругов был очень затруднителен. Требовалось особое разрешение церкви для разрыва союза венчанных супругов. С нашей нынешней точки зрения это было безусловным насилием, не оставляющим выбора. Стерпится — слюбится. «Привычка свыше нам дана — замена счастию она» (А. С. Пушкин). Так люди и жили. Порой привыкали и довольны становились либо боролись за свое счастье и изменяли супружескому ложу, но, определенно, времени разобраться в чувствах друг к другу у них было больше, чем у нас.

Когда-то в юности моя подруга рассказала о секрете ее родителей, который был установлен путем ее наблюдений и умозаключений. Они всю жизнь ругались между собой, но не расходились. Спали они с самого начала своего супружества на узкой железной койке и укрывались одним одеялом. Отдельных комнат не было, больших кроватей-сексо-дромов — тоже. После любой ссоры возвращаться приходилось в узкую койку, бок о бок с супругом. Не зря русский народ придумал, что утро вечера мудренее! Утром о ссоре и не вспоминали.

Когда супруги спят на разных кроватях или укрываются разными одеялами, у них не образуется чисто физической потребности в тепле и близости друг друга, а брак на половину — биология отношений. В наше время спальные зоны похожи на подиумы или площадки для картинга по своим размерам. Найти друг друга там бывает проблематично. Это не то, что в тесноте под боком. Вот и выходит, что добра без худа не бывает, а вот добро к худу часто приводит.

Одна известная мне семья живет в деревенской глубинке, и все их предки там жили. Их жизнь с утра до вечера наполнена тяжелым трудом, постоянной борьбой за сытость и копейку. Вот уже более четверти века «молодые» живут вместе со стариками в избенке в одну комнату. Детом, ладно, можно еще на веранду уйти спать, а зимой «голландка» одна отопливает дом — все уютятся в тесноте. Уже и дети выросли и разлетелись, а муж-жена так и спят бок о бок в старой кровати. Как-то подвыпивший муж объяснил мне, что без Нинки и уснуть не сможет.

— Мне нужно, чтобы она под боком была. С другой бабой так не спится.

И бабы в той деревне, не стыдясь, говорят:

— Я своего мужика люблю! Что я без него?

Иначе не выжить в деревне. Деревня — это не место для гордых одиночек.

Дедушка всю жизнь ругал и бил свою половину, материл ее по-черному. А сейчас заботливо и преданно ухаживает за ней, больной и обезножевшей. Искажение, извращение? Раньше нужно было по-человечески относиться! — можно сказать. А бабушка плачет о своей трудной и горестной жизни и благодарит мужа, который и пил и бил, как все, а сейчас не оставил в беде. Пусть они много горя причинили друг другу, но что-то есть бесконечно человеческое в их нынешней преданности друг к другу, вызывающее уважение и почтение к ним, желание учиться у них жизни. Вот они съели пуд соли, да не один. Были вместе в счастье, радости и горе. Пережили и пожары, и смерть ребенка, и потерю родителей. Встречали вместе и восходы, и закаты, и богатый урожай, и голод... Совсем как в сказке самарского жителя Игоря Муханова.

Сон и калика переходной

Не в былые времена древлянские, а в наши, троянские, жили-были в Жигулях муж да жена. Иван, значит, да Марья. Венчались по обоюдному согласию, а ссорились каждый божий день. Не любовь и не битва — любитва какая-то промеж них была!

И вот однажды, во время очередной ссоры, вырвалось из груди Марьи заклятье:

- Чтоб ты в кусок льда превратился!

Не успела сосчитать до трех — муж ее, Иван, превратился в кусок звонкого льда!

Тает снег под ярким весенним солнцем на глазах. Марья плачет, что делать - не знает. Наконец догадалась: спустила тот лед в погреб, положила его на прошлогодний снег.

День, другой, третий проходит — Марья все плачет. Сама себя, как скорпион, жалит и жалит. Вот проходит мимо ее ворот калика переходной, странник божий. Марья его и зовет: «Помоги!» А прежде, бывало, каликам никогда ворот не открывала. Обьедалами да жулябисами (жулик, вор) людей называла!

Выслушал калика Марью, подвел ее к зеркалу, над комодом и пальцем в него ткнул: «Что ты мужу пожелала, то и себе пожелай!»

Марья исполнила указ калики. И оглянуться не успела - в кусок звонкого льда превратилась. Калика слазил в погреб, достал оттуда другой кусок льда который Иваном прежде был. Бросил оба куска, Ивана да Марью, в кастрюлю. Раздул огонь в печи, стал кастрюлю разогревать.

Растаяли оба куска льда, перемешались. А вскоре и вода закипела - пар клубами пошел...

До самой ночи сидел калика возле остывшей печи. Думу глубокую ду. мал. Наконец вышел во двор, взял стоявшую возле сарая лестницу и слазил на небо. Отколол от сиявшей луны небольшой кусочек, спустился на землю и бросил его в кастрюлю. Утром, на заре, сбегал к соседнему лесу и отломил от восходившего солнца также кусочек. Затем, уже в полдень, поймал в платок теплый южный ветер, оторвал у цветка яблони лепесток, на котором сидела бабочка, и всю эту добычу также бросил в кастрюлю. Спустил ее в погреб. Когда вода в кастрюле замерзла, вынес ее обратно на свет. Разломил искрящийся лед на две равные половинки и приказал им снова превратиться в Ивана да Марью.

Что божий человек задумал — то и получится! Не успел калика ворота за собою закрыть, как Иван да Марья, вочеловеченные, уже во дворе стояли, друг дружке сердечно улыбались. Приняли они все происшедшее с ними за чудесный сон. Когда выяснили, что один и тот же сон им обоим приснился, конечно, такому совпадению удивились.

Как бы там ни было, а стали с тех пор Иван да Марья жить дружно и калик переходных у себя в доме всегда привечать!

На идею о таком «перемешивании» можно возразить, что важнее индивидуальная свобода, самодостаточность, достоинство каждой, отдельно взятой личности. Можно возразить, а разве только что мы не рассуждали о необходимости свободы для подростка, становящегося взрослым? Господа, предлагаю поддержать котлеты отдельно от мух. Пара, которая решает жить вместе и родить ребенка, это по определению уже не подростки-недоросли, а взрослые и самостоятельные, а значит, отвечающие за свои поступки люди. Во всяком случае, это имелось в виду во всех традиционных, инициатических культурах, о которых уже шла речь. С далекой древности право на женитьбу получал только тот юноша, который прошел обряд посвящения, которому племя вручило право на защиту женщин и детей, на добычу для них пищи. Это было необходимо для выживания рода. Другого социального механизма просто не существовало.

Вот через какую процедуру должен был пройти юноша, чтобы удостоиться чести стать взрослым. Мальчик, достигший «уса», покидал свой дом и переходил жить вместе с другими юношами в лесной охотничий домик, где их обучали всем премудростям мужской жизни старшие мужчины, наставники. Посвящение предусматривало ритуал прохождения юноши через специальный дом в форме тотема — духа-покровителя племени, какого-либо животного, птицы, рыбы или насекомого. Это имитировало поглощение юноши духом предка, пожирание его, с тем, чтобы выпустить из «чрева» перерожденного человека — взрослого. Это напоминает древнерусский обычай «перепекания» в печи неполноценного, болезненного ребенка, это напоминает странствие Ионы в чреве кита, после которого он исполнился волей Бога и укротил свою гордыню. В доме юноша должен был терпеливо вынести болезненные испытания, которым его подвергали находящиеся там «духи» — обрезание крайней плоти, отрубание мизинца, избивание плетью, сжатие головы специальными приспособлениями. То есть юноша проходил своего рода камеру пыток для того, чтобы доказать всем и себе, что он способен вынести боль и страх. Только такому человеку племя могло верить заботу о женщинах и детях.

Что же касается девочек, то в традиционных культурах существовали механизмы и девичьей инициации. Причем если у мальчиков инициация всегда носила однозначный, героический характер, то для девочек есть два формата. Один подобен инициации героического типа. Вспомним сказку о Красной Шапочке. Эта сказка Ш. Перро территориально и исторически принадлежит наследию кельтской культуры. Кельты были весьма воинственным народом, заселявшим варварскую периферию античного мира. В период примерно с 475 г. до н. э. кельты захватили в Европе обширные территории: Галлию и Богемию, Англию и Ирландию, Северную Италию и Северный Дунай. Характерно, что у кельтов не было, как в мире античности или у народов Востока, богини любви и красоты. Зато были богини-воительницы: Морриган (королева призраков), Бадб (Ворона битвы), Немайн (Паника) или Маха, во многом ей аналогичная. Это не значит, что у них не было вполне женственных ипостасей, но они как бы не являлись основными. Неудивительно потому, что сказка о Красной Шапочке напоминает инициацию мальчика-воина в чреве чудовища-тотема. Девочки воинственных народов должны были в определенной ситуации брать на себя функции защитников рода. Отсюда легенды об амазонках. Отсюда в наше время феномен женского (в частности, чеченского) терроризма, а также массовые случаи там же в Чечне, замершей беременности. Не от мирной, не от хорошей жизни женщина берет в руки оружие и не дает своему чреву являть новую жизнь.

Но все же основным вариантом инициации девочек, широко распространенным у большинства народов мира, было сокрытие девочки, достигшей половой зрелости, от солнца и земли, помещение ее как бы между небом и землей. Менструальная функция женщины внушала нашим предкам представление о нечистоте женщины, ее потенциальной греховности, и считалось, что как она могла причинить вред солнцу и земле, так и они могли ей причинить вред. Она становилась на время своего созревания как бы в оппозицию всему явленному миру. В русском фольклоре есть множество упоминаний о тереме, в котором содержат красавицу, у других народов это башни. Греческое предание о Данае также сообщает нам, что она была заключена в темницу, и Зевс в виде золотого дождя (читай: потока света) проник к ней, в результате чего она зачала от Зевса дитя. Дж. Фрезер более ста лет назад в своем замечательном культурологическом исследовании «Золотая ветвь» привел множество примеров такого рода инициации девочек.

Отдоманы острова Борнео девочек восьми-десяти лет заключают в маленькую комнату в домике, находящемся на сваях. Ей не разрешают покидать этот дом в течение семи-восьми лет. На протяжении этого срока никто из ее родных не имеет права ее посещать. Ухаживает за ней рабыня. Девочка же коротает время за плетением циновки или другой полезной работой. Все это время девочка практически не видит солнца и людей. К концу «заключения» ее выпускают, показывают ей солнце, растения, воду и она как бы рождается заново. В ее честь устраивают грандиозный пир и убивают раба. Это наиболее жесткий вариант переходного периода. А вот и другие.

Калифорнийские индейцы запрещали девочкам смотреть по сторонам, поднимать глаза, они для защиты от солнца носили большие широкополые шляпы и закутывались в накидки.

У индейцев-тлинкитов девочку, достигшую половой зрелости, запирали в маленькую хижину, в которой ей предстояло провести год без общения и практически без движения. Только мать и рабыня могли приносить ей пищу, которую ей подавали через отдушину. По истечении срока заточения ее старую одежду сжигали и шили новую, устраивали в честь освобождения пир.

Коняги (эскимосская народность на Аляске) помещали девушку маленькую хижину, где ей предстояло провести полгода на четвереньках. Потом хижину немного увеличивали, чтобы девушка

могла распрямить спину и остаться в этой позе еще на полгода. Все это время девушка считается нечистой и лишена общения с соплеменниками.

Гуарани Южной Бразилии зашивали девушку в гамаке, оставляя лишь маленькое отверстие для дыхания. Так она оставалась два или три дня, пока длились месячные, все это время соблюдая пост. Потом девочке состригали волосы, и она не должна была употреблять мяса, пока отросшие волосы не покроют уши.

Все это обычаи первобытных культур, но смысл такого рода испытаний девочек достаточно прозрачен — они должны научиться терпению и ограничениям, как бы снова превращаясь в почти неактивный плод в утробе, которую и напоминают маленькие помещения и ограничение подвижности и общения в них. Девочки, выйдя из такой «утробы», были вполне готовы вынашивать дитя в собственной, становиться выносливыми матерями и терпеливыми женами. Только ли в диких первобытных культурах соблюдался этот принцип? Судя по европейскому фольклору — нет. Достаточно сопоставить с этими обычаями сказку о Спящей Красавице и сказку А.С. Пушкина о мертвой царевне и семи богатырях. Обе они, как нам известно, после периода «смерти и изоляции в гробу», ожили и вышли замуж.

Сотворив обряд печальный,
Вот они во гроб хрустальный
Труп царевны молодо
Положили — и толпой
Понесли в пустую гору,
И в полуночную пору
Гроб ее к шести столбам
На цепях чугунных там
Осторожно привинтили,
И решеткой оградили.

Конечно, все это очень древние обычаи, и нам нет смысла возвращаться к подобным ритуалам, но смысл переходного возраста в подготовке к будущей семейной ответственной жизни от этого не исчезает. Современная индивидуалистическая западная культура не предусматривает трансформации подростка в отца или мать семейства через какие-либо ритуалы.

А в нашей деревенской семье оба мужика, всю жизнь пившие немилосердно, отец — до инфаркта, сын — до белой горячки, бросили водку безо всякого кодирования, как только врачи сказали деду: — Пить не бросишь — скоро умрешь.

И этого было достаточно, чтобы сначала старик — отец, а через под. года сын, завязали крепкий узелок, а старик еще и курить бросил. Бабы в доме не нарадуются. Мужики степенные да спокойные стали — жить хотят. Значит, есть для чего жить! Значит, жизнь эта тяжеленная, каторжная, рядом с этими б...и, эти отношения оказались целительными. Много ли таких примеров в городской интеллигентной и самодостаточной среде? Можно сказать, что чрезвычайно мало.

Выбор, как жить, — за нами. А дитю — ему надо, чтобы мамка и папка где-то рядом были, тылы обеспечивали. И мало ему ваших приличных и цивилизованных отношений, с тихой руганью за закрытыми дверями. Ему нужны отношения настоящие, с честным выяснением отношений, из нашей деревенской глубинки.

А если все-таки расстались супруги — после неоднократных попыток сохранить семью? Незрелыми и невзрослыми встретились, а жизнь — не песочница, где хорошо играть под присмотром взрослых. Потом взрослость пришла, понимание, чего тебе нужно действительно. И встретился другой человек, с которым хочется дожить до старости.

В маленьком городке живет семья. Для жены Оли брак первый, для мужа Виктора — второй. В первой своей семье Виктор крепко пил — за то жена от него и ушла, с дочкой. Вскоре вышла замуж. Он женился на Оле. Оказалось, что и Оля, и Виктор — оба детдомовские. Только Виктор свою мать не нашел, а Оля отыскала и стала о ней заботиться. Оля сразу сумела Виктора в руки взять. «Это мне и нужно было» — так он сам сказал. Виктор бросил пить, остепенился. Вскоре в семье появился сын. Однажды Виктор узнал, что его бывшей жене нужна помощь, ее нынешний муж не успевал до холодов починить крышу. Другой бы на его месте, может, еще и обрадовался — шило на мыло сменяла! А Виктор расстроился, ведь там его дочка подрастала — с одной стороны, с другой стороны, он знал, что супруге в то время с ним несладко было — и не винил ее за развод. Как Оле сказать — не знал. Она сама догадалась и предложила помочь той, другой семье. С тех пор эти две странные семьи не только помогают друг другу, но и дружат. И дети их тоже дружат. А к психологам они на консультацию не ходили и книжек умных не читали. Они просто так жили и живут. От сохи.

Трава под сапогом и стеклянный слоник

По зеленой молодой травке ходят люди в огромных, тяжелых сапожищах, подбитых гвоздями. Пройдут по ней, примнут ее. Прошли — полежал, примятый, полураздавленный стебелек, пригрел его луч солнца, и опять он приподнялся и под теплым дыханием дружеского ветерка шелестит о своем, о малом, о вечном.

Л. Аверченко. *Трава, примятая сапогом*

Эта глава — противоядие для тех родителей, чья совесть не знает покоя и чья ответственность и тревога за ребенка чрезмерна, как будто он сделан из стекла и может разбиться от неосторожного обращения. Это для тех родителей, которые пытаются стать совершенством и, по понятным причинам не достигая этого, страдают от чувства вины перед детьми.

Ужасно сначала осознать, что ты предал себя в раннем детстве, стал использовать притворство, лицедейство, даже не догадываясь об этом, терять себя настоящего, а потом, что то же самое ты делаешь с собственным ребенком. Но вот это знание как раз и является универсальным тормозом или, скорее, фильтром для наших мыслей и поступков.

«Знать — это уже очень много. Если я знаю о действии паров ртути, мне и в голову не придет дать ребенку поиграть с таким "живым", интересным, подвижным и блестящим шариком. Если я знаю о существовании болезнетворных микроорганизмов, я позабочусь о чистоте рук своего ребенка. Если я знаю о Бухенвальде и ГУЛАГе, я сделаю все, чтобы об этом со временем узнал и мой ребенок. И если теперь я узнаю о драме детства, я постараюсь отказаться от того, чтобы играть в ней главную роль, постараюсь освободиться от этой роли, чтобы дать свободу своим детям (и, в частности, дать им свободу любить или ненавидеть меня а не всего лишь карму "моего" продолжения в них). Действительное знание — реальная сила». Так сказала в своей книге «Драма одаренного ребенка и поиск собственного "Я"» известный швейцарский психотерапевт Алис Миллер.

Знание — это не просто реальная сила, это еще и огромная ответственность. Узнавая о некоторых вещах, хочется сказать: «Лучше бы я об этом вовсе не знал!» Лучше жить просто, по привычке, по чьим-то правилам, не мучая себя сомнениями. Хорошо быть кисою, хорошо собакою... Кроме того, знание дает не только осознание греховности, но и возможность самобичевания. «В самобичевании есть своего рода сладострастие. И когда мы сами себя виним, мы чувствуем, что никто другой не вправе более винить нас. Отпущение грехов нам дает не священник, а сама исповедь» (О. Уайльд. «Портрет Дориана Грея»). То есть можно замкнуться на круге: вина — чувство вины — исповедь — отпущение грехов.

На самом деле у чувства вины есть очень важная функция — она является движущей силой, толчком к изменению, и как только мы начинаем действовать (а, действуя, мы все неизбежно совершаем ошибки), эта ее функция постепенно утрачивается и переживание вины теряет смысл. Задерживается переживание вины в этом случае по механизму накатанной колеи («Я вечно во всем виновата»). Эта привычка у нас тоже с детства. Вот и ребенка по этой привычке увешиваем гирляндами разнообразных обвинений. Это социальный стереотип, почти не заметный для его пользователей.

Чувство вины было чуть ли не единственным механизмом социального регулирования в обществе людей, не имеющих знания о себе. Чувство вины было посланником совести — древнего архетипа, элемента юнговского коллективного бессознательного, регулирующего отношения между людьми. Веками отбирались те архетипы отношений, без которых человечество бы не выжило. И их посланник — чувство вины. Важно отличать привычное переживание вины от вины экзистенциальной, факта непроработанной вины, не ставшей толчком к действию. Какому же? Смысл есть, пожалуй, в том, что ребенка можно до необходимой степени понять и определить для себя необходимые условия его оптимального развития. И еще важно убедиться в том, что дети, их психика имеют значительный запас прочности и гибкости, естественно, не бесконечный, но превосходно реанимируемый в ситуации взаимопонимания. То есть они не стеклянные в большинстве случаев. А какие же? Мне очень помогает в ответе на этот вопрос тест «неоконченная сказка» (методика Луизы Дюсс). Это проективная методика, следовательно, человек, работая с ней, невольно проецирует символически свое внутреннее состояние, которое дешифруется с точки зрения аналитической психологии. Читатель сейчас имеет возможность узнать свою позицию по отношению к ребенку и к себе (точнее, наоборот, потому что отношение к ребенку определяется отношением к себе).

Ваша задача (и вашего ребенка, если вы захотите узнать его мнение) — продолжить рассказанную историю, продолжить, как вам угодно, без ограничения фантазии, первым пришедшим в голову вариантом. В методике Л. Дюсс десять историй, но мы сейчас познакомимся с одной из них.

Итак, история:

Одному мальчику (или девочке, если вы — девочка), которому столько лет, сколько вам угодно, однажды подарили слоненка (какого вы себе представляете). Некоторое время (я не знаю сколько) мальчик находился в отлучке и когда вернулся, то увидел, что слоненок изменился. Как мог измениться слоненок? Здесь прошу вас сделать паузу, не читать текст дальше и выполнить условие теста. Сделали?

Теперь у вас есть собственная сказка о судьбе слоненка. Так вот, в оригинальной версии Л. Дюсс эта сказка — тест на наличие кастрационного комплекса у мальчика (то есть ощущения своей неполноценности как будущего мужчины) — если ребенок сочиняет о том, что слоненку оторвали хобот или хвостик. Моя десятилетняя практика показала более универсальные возможности этой сказки — в диагностике жизненной программы свободы — несвободы воли, ответственности — безответственности, позитивного развития — разрушения. Значительная статистика показала возможность разделения всех испытуемых (и взрослых и детей) на три основные группы.

Первые (их большинство на приеме у психотерапевта) представляют слоненка игрушкой. С ней могут происходить на первый взгляд позитивные изменения, например слоненок стал розовым из серого. Но почти всегда коррелирует с нереальным взглядом на ребенка, от которого ожидают, что он должен быть умненьким и благоразумненьким с тем, что человек по сути своей — игрушка в руках судьбы, марионетка, особенно, ребенок. Эта позиция ограничивает возможность спонтанно" активности и самостоятельности ребенка, да и себя самого. И конечно" гораздо хуже, если в сказке слоненок рвется, пачкается, пылится сморщивается проколотый (был резиновый), надувной — («дутая» личность) и т. д. В этой программе реализуется пессимистическое отношение к жизни, как к постепенному или катастрофическому умиранию.

Вторые описывают живого, реального слоненка. Это люди, которые себя воспринимают живыми, реальными. Но в их сказках у слоненка вянут уши, отпадает хобот или хвост, ломаются ноги... Это свидетельство преобладания травматического опыта жизни над созидющим. Если такую сказку сочиняет ваш ребенок, задайте ему наводящие вопросы, например: «Кто мог бы помочь слоненку?» То есть ребенку нужно дать понять, что вы сочувственно относитесь к персонажу, с которым ребенок себя волей-неволей отождествляет. Тогда ребенок может навести вас на полезные идеи вроде той, что мама может позвать доктора, чтобы пришить хобот, вылечить ногу... Или он ждет, что вы догадаетесь об этом сами. А если ребенок замкнется, возможно, что травмирован он именно совместной жизнью с вами, родителями. И консультация психолога вам не повредит, а, вполне возможно, исправит положение. В этом варианте восприятие себя и ребенка еще приближено к стеклянному, хрупкому, нежизнеспособному образу, но в процессе сказкотерапии на приеме детского или семейного психолога можно стать свидетелем богатых возможностей психического материала ребенка.

И наконец, третья категория клиентов. У них сказка оказывается очень простая — слоненок вырос. Дети могут расцветить свой вариант подробностями — выросли бивни, хобот. Помню одного мальчика восьми лет его выросшего слоненка, который сорвался с цепи, на которой жил до сих пор. И убежал в Африку. Вспоминаете «Бармалея» Корнея Чуковского, где Танечка и Ванечка не послушались папочку и мамочку, и сбежали в Африку, где акулы, и гориллы, и большие злые крокодилы?.. А потом слоненок нашел там себе жену. И вернулся с ней к своему мальчику. У меня очень мало бывает таких историй (ничего не подделаешь — специфика кабинета), и я им очень радуюсь, потому что они являются свидетельством активной, жизнеутверждающей программы сочинителя сказки. Родители из этой группы искренне удивляются, как может быть по-другому, если прошло некоторое время. Конечно, вырос.

И вот за таких слонят не надо бояться, как за стеклянных, — они живые и растущие, а значит, как трава под сапогом — их жизнь прижала- а они схоронились, затаили дыхание на некоторое время, а потом — опять солнышко и животворный дождик и плодородная земля делают свое дело. И поднялась наша травка и заколосилась. Потому что таков закон природы, возрождающейся каждую весну.

Родителям остается только обеспечивать плодородный грунт (Гея-земля — мать), регулярное освещение и полив (Уран-небо — отец). Как сказал академик Петровский, «...потоки возмущения, поступающие через пробоины корабля доверия, откачивают и откачивают мощные помпы родительской любви».

Что же делать, если у вашего ребенка (и у вас самих) со слоненком происходят скверные вещи? Ведь сказка о стеклянном слонике у меня в копилке действительно есть — ее сочинила девочка, настоящая неудачница в свои шесть лет, потому что никто в садике ее не любил и с ней не играли. Она сказала, что хочет, чтобы ее любили. На мой вопрос: «А тебе самой кто-нибудь там нравится?» — она отрицательно покачала головой. Ее слоненок превратился в маленького стеклянного и стоял на полочке. Я ее спросила: «А что может быть, если он упадет?» Она опустила глазки и еле слышно прошептала: — Он может разбиться...

Девочка была права, а вот мама грудью кинулась на защиту такого красивого стеклянного слоника, который украшает комнату. Надо отдать маме должное, она взяла на себя труд разобраться в ситуации своего ребенка и вместе с дочкой посещала занятия в детско-родительской группе.

Да, в подобных случаях дети нуждаются в неотложной психологической помощи. Она может быть оказана профессионалом — психологом или врачом-психотерапевтом, но в случае их недоступности по какой-либо причине и самой мамой. Я обычно использую одну из методик сказкотерапии, предложенную в свое время Юнгом, — активизации свободного воображения. В нашем варианте этот поток свободного воображения до некоторой степени (чем меньше, тем лучше) управляется наводящими вопросами. Когда ребенок рассказывает свою грустную историю о живом или неживом слоненке, я с ним соглашаюсь, что так действительно бывает, и предлагаю ему роль волшебника в этой сказке.

Он может сделать для своего слоненка все-все, что он хочет! Ведь это же сказка, в которой можно все. Этот метод снимает ограничения и желания и социальные табу. Еще ни один ребенок в такой ситуации не отказался от роли волшебника, и в большинстве случаев их слонята оживают, их раны залечиваются, хвосты и хоботы пришиваются и т.д. Это первый этап их терапии — моделирование виртуальной реальности. А дальше уже с мамой мы планируем, что можно сделать на уровне их отношений и социальной действительности. Ведь мировоззрение и самовосприятие ребенка складывается в ситуации его семейной жизни и в первую очередь с подачи мамы. И сила матери огромна как в том, что она дает жизнь, так и в том, что отнимает ее у ребенка.

В старину уважением общины начинала пользоваться рожавшая женщина, мать, воспитывающая детей, она приобретала несравненно более высокий социальный статус, чем девушка. Она получала право санкционировать мир и войну, она благословляла сыновей на ратный подвиг и силой материнской любви возвращала их с поля битвы.

Метафора растущего слоненка пугает многих мам, ведь он становится очень неудобным по мере роста и постепенно перестает помещаться в своем родном доме. Мало того, дети этих мам также часто не принимают роста слоненка, и даже живые их сказочные слонята оказываются кабинетного формата, как милые кошечки и собачки. А представим себе не метафору, а нормального растущего подростка, который становится зверски неудобен и практически перестает помещаться в своем доме. Чем не выросший слоненок? Помню одну маму, ее сын лет десяти стал неудобен в школе, но дома она с ним обычно находила общий язык. Она первая сочинила сказку о слоненке, и это была история, как слоненок превратился в мамонтенка с большими бивнями и хоботом. Она рассказывала эту сказку с радостью и увлечением. Сын с восторгом и без комментариев воспринял ее сюжет. Их школьная проблема плавно рассосалась. Здесь не понадобилось никакой терапии, так как мама оказалась здоровым человеком, настроенным как на собственный рост и изменение, так и на изменение ребенка. Если мама генерирует деструктивную сказку, то причина проблем ребенка, к сожалению, в ее состоянии, и терапия нужна не ребенку, а ей самой, а точнее нужна терапия их семейной системы. Короче, семейная терапия.

Вот примерно как это может происходить на психотерапевтическом сеансе. На прием обратилась женщина с дочкой Лилей семи лет. Причина беспокойства мамы была в том, что у дочки нет своего мнения, что на идет на поводу у подружек, во всем с ними соглашается. Они обе получили задание продолжить сказку про слоненка. Лиля сначала уточнила, живой ли слоненок. Я ответила ей, что в сказке все будет так, как она хочет. И Лиля продолжала, что тогда слоненок подрос.

Мамин же слоненок оказался плюшевым и покрылся пылью, потому что к нему никто не подходил (чувство внутренней заброшенности).

После этого я предложила им придумать общий сценарий, который бы понравился им обоим. И Лиля отступила от своего первоначального сценария (пойдя на поводу у мамы), сочинив вместе с ней такую сказку:

— Девочке подарили слоненка-копилку. И когда девочка ушла, мама решила порадовать слоненка, положила в него деньги. Девочка, когда вернулась, то увидела, что слоненок полон деньгами, от радости поцеловала маму и попросила у нее разрешения взять и истратить деньги. Она так и сделала.

— А как девочка достала деньги из копилки? (Мой вопрос.)

— Она его разбила (при этих словах мама расстроено сморщила лицо). А потом купила банан, и апельсин, и ананас, а потом у нее кончились деньги. Она принесла все это домой, мама сделала очень вкусный фруктовый салат. Все его ели, и осталось еще на раз.

— Значит, когда съедят, ни слоненка, ни фруктов, ни салата?

Лиля немного грустно кивнула.

— А если у них в сказке появится волшебница?

Личико у Лили оживилось, и она что-то горячо зашептала своей маме. Потом повернулась и сказала:

— Девочке подарили еще одного слоника. Появилась добрая волшебница и превратила его в живого. У нее была волшебная палочка с очень красивой розовой ленточкой.

И мама тоже согласилась, что эта сказка лучше всех.

- 2 1 -

Магия — материнская и психотерапевтическая

Не понять не ждавшим им, как среди огня Ожиданием своим ты спасла меня.
К. Симонов "Жди меня"

Кто-то уже насторожился — магия ведь колдовство и где-то ведьмовство? В нашем случае «магия» полностью

соответствует своей этимологии, а происходит это слово от корня «мог — маг» — мочь, суметь. «Магия» и «могущество» — однокоренные слова. Согласно А. Кларку, магия есть любое искусство, доведенное до совершенства. Именно поэтому основоположники нейролингвистического программирования Р. Бэндлер и Дж. Гриндер назвали одно из своих руководств по НЛП «Структура магии».

Впервые я столкнулась с осознанием своих формально магических практик в детском приюте, когда поняла невозможность достижения быстрого непосредственного эмоционального контакта с психически травмированным ребенком. А он был необходим в решении самых насущных проблем его адаптации и удержания в новой среде. Вот тогда я заметила, какое огромное значение дети придают нашему отношению к их вещам, вещам, казалось бы, никчемным и полуразрушенным (как их жизнь). Это символическое мышление ребенка, постоянно оперирующее самыми простыми аналогиями: я — моя вещь, помогало в построении отношений с ним. Так произошло исцеление Винни-Пуха, свитерами рюкзака, эксперимент с розой, торговля боюсками (все это подробно описано в книге автора «Сказки с дельфиньего хвоста»).

А потом стала вспоминать аналогичные ситуации, и надо сказать •" воспоминания хлынули приличным потоком.

Помните фрагмент из фильма «Анжелика и король», где юная Анжелика только что стала женой Жоффрея де Пейрака? Она влюблена в другого и боится своего израненного и хромого мужа, который слышит колдуном. И вот сцена обольщения Анжелики. Пейрак приводит ее в парк и гладит на ее глазах статую прекрасной женщины, медленно снимая с нее покровы времени, обнажая белый мрамор ее тела. Анжелика с волнением следит за мужем и, конечно, в ту же ночь становится его любовницей.

Моей младшей дочери было лет шесть. Однажды мы с ней очень крупно поссорились. Из-за чего вспыхнула ссора, вспомнить потом было невозможно. Причина наверняка была совершенно тривиальная. Рассерженная Настя ушла к себе в комнату, а потом вернулась со своей Барби и на моих глазах молча осуществила сцену ее повешения. Ушла. Я тогда не была еще профессиональным психологом, и никаких объяснений ее поведению у меня не было. Но я поняла, что куклу надо спасать, чем или кем бы она ни являлась для моей дочери — ею ли самой, или нашими с ней отношениями, или мной. Тогда я вынула Барби из удавки и отнесла Насте. Она разгневалась и еще более демонстративно повторила то же самое, наказав мне не трогать куклу. Я снова вытащила Барби из удавки, несмотря на слезы и вопли Анастасии, постаралась успокоить ее и сказала, что поступила так, потому что мне очень жалко Барби, что она маленькая и не виновата в нашей ссоре. Постепенно Настя позволила себя обнять, мы помирились. Больше таких ужасных демонстраций Настя никогда не устраивала, хотя ссоры, разумеется, бывали и потом.

А вот момент из жизни одной супружеской дружной пары, которой пришлось перенести немало серьезных трудностей в своем совместном пути. Он в молодости уходил в сложные категорийные походы и экспедиции, сопряженные со значительной опасностью не только для здоровья, но и для жизни.

— Я тогда молодая, глупая была, не понимала, что это так опасно, — говорила жена.

— Ну а ты-то знал, что это опасно, не боялся оставить жену? — спрашивала я.

— Не боялся, ведь она меня ждала, — отвечал муж.

Нет у этой семьи никаких специальных знаний или образования, есть только верное интуитивное восприятие своей действительности, ³Нание того, что, если жена ждет, муж возвращается.

Первоклассник Саша очень боялся контрольной работы. Мама увидела его волнение и неуверенность, протянула ему руку и сказала:

— Пожми мою руку. Я тебе передаю свою силу, она будет с тобой в школе и ты справишься с контрольной.

Саша просиял и уже в другом настроении пошел в школу. Конечно, он хорошо справился с контрольной работой.

Одна женщина (назовем ее Татьяна) рассказывала такую историю; выйдя замуж, она долго не могла найти общий язык со свекровью. Та ее упорно не хотела принимать в круг своего общения и постоянно подчеркивала недостатки своей невестки. Татьяна плакала и злилась, не смея пойти на открытую конфронтацию со свекровью, да и то сказать, она любила мужа и не хотела его огорчать. Тогда сам собой в ее воображении родился образ свекрови в виде букашки, у которой невестка могла с наслаждением отрывать конечности — одну за другой. Постепенно размер букашки увеличивался, затрудняя победу и усиливая чувство удовлетворения. В результате ее ненависть к свекрови становилась меньше, разряжаясь на ее образе. Постепенно молодая женщина нашла подход к матери своего мужа, и они даже стали дружны между собой. Маленькая семилетняя толстушка в очках держится очень уверенно и кокетливо. Родители с умилением смотрят на нее: «Наша красавица!» Другая девица с подобными внешними данными могла бы стать изгоем класса, объектом постоянного дразнения.

Однажды Эдиту Пьеху в одном из интервью спросили, как она умудряется всегда быть в прекрасной физической форме. Она ответила, что обычно женщины подгоняют свои юбки под фигуру, а она делает все наоборот — свою фигуру подгоняет под юбку.

А кто из вас не слышал такую народную присказку для болеющего или ударившегося ребенка: «У кисы боли, у собачки боли, у птички боли, а у Вовы не боли...»?

А разве не было у нас в детстве поговорки для жадины, который не хочет расставаться с чем-то вкусным или интересным:

Жалко у пчелки,
А пчелка на елке,
Елка на картине,
Картина в магазине...

Уж где оказывался магазин — не помню, но и этого было достаточно чтобы жадность оказалась образно очень далеко, перестав действовать непосредственно на уровне общения. Трудно было устоять против такого заклинания.

Что же происходит во всех этих случаях, можно ли найти этому удобоваримое объяснение на уровне доступных нам знаний? Чтобы найти ответ на это вопрос, погрузимся в историю, отправимся в путешествие вместе с Джеймсом Фрезером, который более ста лет назад написал свои труды по этнологии, культурологии, религиоведению, не утратившие своего значения и поныне. В своих фундаментальных работах «Золотой ветви» и «Фольклор в Ветхом Завете» Фрезер приводит большое количество проявлений магического мышления людей — представителей первобытных, архаических культур. Не буду останавливаться на примерах «черной» магии вредительства, для нас есть смысл в той магии, которая была призвана помочь человеку достичь хороших результатов в каком-либо его деле.

Дождливый ноябрь считается на Мадагаскаре месяцем слез. Ребенок, появившийся на свет в ноябре, рожден для горя. Чтобы рассеять грозовые тучи, собирающиеся над его будущим, он должен всего лишь снять крышку с кипящего горшка и потрясти ею во все стороны. Падающие с крышки капли оплачут его судьбу, и ему самому уже не придется лить слезы. Если девушке «написано на роду» увидеть со скорбью, как ее будущие дети сойдут в могилу раньше нее, она может отвратить от себя это горе следующим образом. Убив кузнечика, девушка заворачивает его в тряпку, изображающую саван. Она безутешно плачет над ним, как Рахиль над своими детьми. После этого она ловит еще дюжину других кузнечиков и, переломив у них ноги и крылья, кладет их рядом с дохлым. Стрекотание изуродованных насекомых, судорожные движения их искалеченных членов символизируют пронзительные крики и конвульсии плакальщиц на похоронах. Похоронив дохлого кузнечика, девушка оставляет остальных в живых, чтобы они продолжали оплакивание до тех пор, пока смерть не избавит их от мучений. Завязав в узел волосы, она возвращается с могилы погребенного ею кузнечика в селение с видом человека, убитого горем. С этого дня она уже радостно смотрит ^в будущее и не сомневается, что дети ее переживут: ведь нельзя же оплакивать и хоронить их дважды.

Та же детская игра в воображаемых персонажей побудила другие народности использовать симуляцию родов как форму усыновления и даже возвращения к жизни человека, считавшегося мертвым. Если вы инсценируете рождение на свет мальчика или даже бородатого мужчины, который не имеет в своих жилах ни капли вашей крови, то, согласно примитивному праву и примитивной философии, этот мальчик или мужчина является вашим сыном в полном смысле слова. Диодор рассказывает, что, когда Зевс убедил свою ревнивую жену Геру усыновить Геракла, богиня слегла в постель и прижав к своей груди дородного героя, протолкнула его через свое одеяние и уронила наземь в подражание действительным родам. Историк добавляет что тот же способ усыновления детей практикуется современными ему вар! варами. Этот обычай распространен также в Болгарии и среди боснийских турков. Женщина берет мальчика, которого намеревается усыновить, и протаскивает его под своими юбками. После этого он считается ее сыном и наследует все состояние своих приемных родителей.

Один из авторов истории Мадагаскара сообщает, что до возвращения мужчин с войны женщины и девушки ни днем ни ночью не прекращают танцевать, они не ложатся спать и не едят в домах. И ни за что на свете они не вступят в связь ни с одним мужчиной, пока их мужья и женихи на войне. Они пребывают в твердой уверенности, что в противном случае воины были бы убиты или ранены. Танец, по их убеждению, вселяет в воинов силу, придает им мужество и сопутствует удаче; поэтому в такое горячее время они не дают себе поблажки. Соблюдается этот обычай со всей строгостью.

В Древней Греции человек, которого ошибочно сочли мертвым и по которому в его отсутствие были совершены погребальные обряды, считался мертвым до тех пор, пока не проходил через обряд нового рождения. Его проводили между ног женщины, омывали, завертывали в пеленки и передавали на попечение кормилицы. Лишь после скрупулезного исполнения этого обряда вернувшийся мог свободно вступать в общение с живыми людьми. При таких же обстоятельствах в Древней Индии считавшийся мертвым человек должен был провести первую ночь после возвращения в лохани, наполненной смесью из жира и воды, не произнося ни слова. Он сидел там со сжатыми кулаками, как ребенок в утробе матери, в то время как над ним совершались все те обряды, которые обычно совершаются над беременными женщинами. На следующее утро он вылезал из лохани и еще раз проходил через все обряды, в которых принимал участие с юных лет, в частности вступал в новый брак или еще раз с должной торжественностью женился на своей старой жене.

У туземцев тораджи (центральная часть острова Целебес) бытует правило, согласно которому никто не может останавливаться или мешкать на лестнице дома, где проживает беременная женщина, потому что это могло бы задержать рождение ребенка. В различных частях острова Суматра беременной женщине запрещается останавливаться перед дверью или на верхней ступеньке лестницы, ибо считается, что за пренебрежение столь простым предписанием она расплатится тяжелыми родами.

Поблагодарим Дж. Фрезера за этот экскурс и обратимся еще раз к мифологии и фольклористике. С родами связано огромное множество обычаев и ритуалов, в частности имеющих отношение к узлам. В одном из греческих мифов описывается, что ревнивая Гера, узнав, что Алкмена (любовница Зевса, мать Геракла) должна

разрешиться от бремени, прислала к ее дому старую богиню, чтобы та сидела напротив дома со скрещенными ногами. Пока она так сидела, Алкмена не могла разрешиться от бремени. Из славянского фольклора известно, что и роженица, и повитуха должны быть с распущенными волосами и без поясов, иных стягивающих или связывающих частей одежды. Это должно было обеспечить свободный выход младенца из родовых путей.

Фрезер обозначил такую магию как имитативную или гомеопатическую — от «гомо» (однородный, подобный). Ее принцип заключается в том, что подобное связано между собой. Уподобляя что-либо чему или кому-либо и производя с ним некие действия, мы тем самым воздействуем и на сам недоступный нам объект. Фрезер считает такое мышление первым проблеском попыток научного обоснования причинно-следственных закономерностей, его эмпирическим, наивным этапом, в котором смешалось рациональное зерно с попыткой простого подражания. Так ведет себя годовалый малыш, пытаясь еще раз вытереть свою лужу, которую только что вытерла его мама. Он требует тряпку и производит аналогичные действия. Не важно, что он не достигает действительного эффекта, но он создает модель своего поведения. В дальнейшем его психика приобретет способность критически отделять ситуации, в которых этот шаблон поведения будет адекватен ситуации. Вот и наша задача сейчас — выделить рациональный локус магического поведения. Ведь психологи наверняка сейчас заметили немало сходства между описанными бытовыми и первобытными практиками и современными психотехниками.

Очень многие психотерапевтические, то есть направленные на изменение внутреннего состояния, техники имеют в виду работу смыслеобразом по его оптимальному преобразованию. Этотмыслеобраз называйся то сюжетом, то программой, то паттерном, то ролью, то импринтом. Многочисленные техники нейролингвистического программирования, гештальт-терапии, психодрамы, символ-драмы, свободного потока, воображения, игровой терапии, сказкотерапии — все они работают с внутренним образом. Каков же, интересно, конкретный механизм связи между внутренним образом и реалистическим поведением человека особенно когда это касается работы с материальным аналогом объекта (с его куколкой или вещью)?

Нам известен принцип работы мозга: специфические связи между мозговыми нейронами образуют системы, отвечающие за конкретные иногда очень мелкие и почти незаметные действия. Это всегда связано с явлениями чувственного порядка, иногда образного, но может быть, и слухового, обонятельного, осязательного ряда. Вид чайника, парящего кипятком, вызывает у малыша воспоминание о том, что он горячий; малыш дует на пальчик, даже не прикасаясь к чайнику. У собаки Павлова происходит выделение слюны из фистулы по звуковому сигналу, предваряющему прием пищи. Услышав узнаваемый нами стук в дверь, мы ощущаем на своем лице или счастливую улыбку, либо недовольную гримасу. То есть мозг устанавливает активную связь между чувственно насыщенным образом и ответом организма. Для этого механизма существует название — рефлекс, а сам принцип взаимодействия — идеомоторика. Ответ организма может быть едва уловимым, практически незаметным, но упорно продвигающим ситуацию в нужном направлении. Вы можете провести эксперименты по осуществлению идеомоторных актов. Они широко описаны в популярной психологической литературе, я лишь повторяю. На нить длиной около тридцати сантиметров подвесьте кольцо и остановите его движение. Затем позвольте ему свободно провисать, держа его в удобной для вас позе. Закройте глаза и представьте себе его маятникообразное колебание, при этом не пытайтесь что-то делать самой рукой. Когда вашмыслеобраз окрепнет, откройте глаза и посмотрите, что происходит. Затем создайте образ движения кольца по кругу — по часовой стрелке, против часовой стрелки. Небольшая тренировка — движения кольца начинают идеально соответствовать вашей внутренней картинке. Для того чтобы идеомоторика осуществлялась без затруднений, нужно оставаться физически расслабленным и сосредоточенным лишь на образе. На этом принципе основана система совладания со стрессом доктора Алиева «Ключ». Таким способом достигается состояние внутренней гармонии организма и его чуткого и оптимального взаимодействия с внешней средой.

Вытяните вперед выпрямленные руки, закройте глаза и представьте, что ваши руки подобно крыльям расходятся в разные стороны. Только представьте. Затем откройте глаза.

Если ваша память хранит следы подобного действия, то воспроизводит по сигналу запускающей картинкисартера.

Все медитативные практики (а это концентрация внимания на различных объектах, по сути дела образах) приводят в конце концов к установлению такой внутренней гармонии и ликвидации многих соматических проблем, ритмы жизнедеятельности организма идеально выравниваются в соответствии с природосообразными, возникает мгновенная мобилизация способностей и умений.

Создавая качественный, эмоционально насыщенный образ, мы, таким образом, запускаем сначала нейropsихологическое звено цепочки ответа организма, затем биохимическое и мышечное звенья. Если созданный нами образ транслирован другому человеку и является для него экологичным, хорошо соответствующим, то мы можем с этим образом взаимодействовать так, как хотели бы с реальным его субъектом. Жалея куколку, исцеляя ее на глазах ребенка, мы строим мостик доверия с ним. Его мышцы в ситуации воспринимаемой симпатии расслабятся, напряжение уменьшится, боль и страх станут меньше.

В мировой мифологии этот принцип взаимосвязи отражен в космогонических мифах, то есть мифах о сотворении мира. С. Н. Крамер в работе «Мифология Шумера и Аккада» пишет о сотворении мира богом Энки. Энки, бог воды и мудрости, устанавливает порядок во Вселенной. Установив его, он обеспечивает плодородие

земли, наполнив реку Тигр свежей сверкающей водой. Древний поэт представляет Энки в виде ярого быка, соединяющегося с дикой коровой — рекой. Он называет по имени (создает) болота и тростниковые заросли, животворный дождь, пахотную землю. Все это он передает под начало специальных богов и богинь. В индуизме также прослеживается момент НАЗЫВАНИЯ новых субъектов бытия и их возникновения.

Так, наши древние предшественники, не зная, как объяснить мистическую связь между своим сильным хотением, своими ритуальными действиями и, по-видимому, достаточно регулярными совпадениями мыслеобраза с результатом, стали считать это магией, проявлением своего могущества. Конечно, они не всегда оказывались правы, и далеко не всегда магическим действиям подчинялась погода или движение сил неприятеля. Но во всех этих деяниях четко обозначена степень участия мага в процессах бытия, его представление о своей значимости в происходящих процессах, а значит, и той ответственности, которая лежит даже его мыслях. Человек с развитым и гипертрофированным магическим (символическим) мышлением рискует взять на себя слишком много подменить собой большого Творца, но при этом он не пытается переложить на последнего всей полноты ответственности за свое бытие. Здесь не будем рассматривать случаев воздействия на расстоянии при отсутствии знания о воздействии самого объекта воздействия, феноме нов телепатии и прочих парапсихологических явлений. Сошлюсь толь ко на работу К.-Г. Юнга «О синхроничности», в которой есть намеки на гипотезу природы этих явлений.

Я уделила так много внимания принципу магического мышления действия, потому что великое множество матерей интуитивно и неосознанно им пользуются. Пользуются им и психологи, называя другими научными именами и энергично отмежевываясь от «экстрасенсов», каковое слово стало почти ругательным в профессиональной среде, корни и узаконенных, и полуподпольных практик одни и те же, а покров мистицизма придает больше обаяния именно последним. То, что символическое мышление продолжает играть судьбоносную роль в жизни людей, доказывает множество фактов. Вот еще один из них. Последние годы главным вальсом жениха и невесты в разных регионах явно стал вальс Евгения Доги из фильма «Мой ласковый и нежный зверь», мело дия, несущая и отражающая трагический смысл. Казалось бы, для свадьбы нежелательный мотив. Я расспросила об этом одну опытную тамаду. Она сказала, что не знает почему, но эта музыка везде стала символом свадьбы. Тогда я вспомнила, что в древней традиции свадьба символически означает смерть невесты-девушки с последующим рождение жены-женщины. Опять тема рождения — смерти как неразделимо связанных процессов. Наверняка знания из области древней традиции мал! кому из ведущих свадьбы знакомы, выбор музыки осуществляется интуитивно и в конечном счете очень верно.

Так если уж мать невольно практикует магию помощи своему ребенку, то почему бы это не делать более квалифицированно и сознательно? Есть аспекты воспитания, в которых подменить мать кому-либо другому практически очень трудно. Например, в оказании быстрой помощи.

Мама готовила на кухне, а дети играли во дворе, под окном. Влетает старший сын и кричит:

— Мама, Васька уже на дереве!

Васька— это вовсе не их кот, а младший в семье ребенок, поэтому мама, как была, в муке и фартуке, вылетает из квартиры и несется к дереву. Четырехлетний Васька «завис» на дереве в неопределенности выше того уровня, на котором мать могла бы его достать. Ее сначала охватывает паника. Потом она берет себя в руки и представляет, как он осторожно спускается. Она начинает говорить сыну, как надо ставить ножку, сосредоточенная на образе его спуска. Сын успокаивается, глядя на мамино лицо, и успешно спускается.

Как создать образ концентрированной силы, мы уже видели выше, на примере Сашиной мамы. Как обеспечить ребенку хороший ночной сон, знают все родители мира, желая «спокойной ночи», «приятных снов» и благословляя ребенка (создавая образ его заступника, покровителя). Вспомним, чему учили Гарри Поттера.

Родители НАЗЫВАЮТ дочку красавицей, и она растет красавицей.

Многих матерей мучит вопрос, что делать, если беспокоят неотвязные мысли о несчастье, которое может произойти с ребенком. В их воображении возникают ужасные картины его падения, льющейся крови и т. д., его гибели или тяжелого увечья. Обычно взрослые гонят, и довольно безуспешно, эти образы, опасаясь их власти над действительностью, и снова и снова оказываясь в их власти. Незавершенные, недокормленные, эти образы становятся ненасытными, провоцируя иногда приход несчастья. Вспомним же, что делала дикарка, лоя кузнечика и инсценируя смерть и похороны ребенка. Она точно знала, что однажды заверченный процесс уже не повторится. Во всяком случае, в плане своей преждевременности. В современной психотерапии такой принцип называется гештальт-подходом. Мучительная мысль должна быть завершена на ментальном, внутреннем плане, должна быть безжалостно к самому себе и тщательно рассмотрена, доделана до конца. Только тогда заверщенная фигура переходит в фон (будучи отработанной) и освобождает место для следующего актуального образа. Тот же принцип работает в процедуре дианетического одитинга (очищающего выслушивания), в психодраме, когда в ролевом поведении можно делать все, что невозможно, табуировано и бессмысленно в реальном, например поговорить со своей умершей матерью, перед которой испытываешь невыносимую вину.

Как нужно себя вести родителям, если они знают некую разрушительную программу их рода? Нередки случаи, когда родители тщательно скрывают цепочки преждевременных смертей, самоубийства своих предков, тяжелых психических расстройств биологических родителей. Как оказывается впоследствии, простое скрывание не оберегает от повторения сценария, заложенного отчасти на уровне генетики, отчасти на уровне символического, идеомоторного поведения взрослых, которое питается подавленным страхом. «Запах» страха чувствуют животные чувствуют его и дети, да и все, кто не лишен интуиции. И в этом нет никакой мистики, потому

что мельчайшие аспекты наших движений, взгляда, потовыделения и т. д., то есть весь интерьер внутреннего образа, программы поведения тестируется столь же тонким инструментом нашего восприятия, особенно детского.

Знание, название программы внутреннего «чипа» делает человека, по крайней мере, хозяином своей ситуации в плане возможности выбора между автоматизированным деструктивным поведением и осознанным желанием жить и развиваться. Когда и как предоставить ребенку правду о нем, вопрос отдельный. Его обычно решают не в одиночку. И первая правда, необходимая ребенку, это знание о том, что он дорог своим родителям, не важно, биологическим или приемным. Дорог и любим. А потом все остальное, причем в той форме, в какой ребенок вообще способен принимать информацию. Вообще традиционно в средние века дворянин, проходящий рыцарское посвящение, то есть приобретающий самостоятельный статус, должен был знать свою геральдику, полную историю рода. Только так он мог стать вполне ответственным в реализации собственного жизненного пути. Думаю, что в сложных случаях, касающихся усыновленного ребенка или ребенка, имеющего биологического родителя с выраженными патологическими чертами, стратегию и тактику имеет смысл продумывать с детским психологом или психотерапевтом. Могут быть и другие варианты квалифицированного и грамотного консультанта.

А теперь важно понять, что представляет собой сказкотерапия как такая вот магическая практика работы с образом. Всякая ли сказка и всегда ли будет работать как новая и качественная программа? Подобен ли наш мозг в этом плане компьютеру, который можно перепрограммировать? Есть очень много литературы по созданию терапевтической метафоры. При этом подразумевается, что тот, кто ее создает, хорошо знает, в каком именно направлении нужно двигаться клиенту. А ведь фольклор сообщает нам о раздумьях витязя на перекресте трех дорог. Три — это символ некоего множества. Это выбор среди множества форматов поведения. Жертву так и хочется перевести в статус Героя. На самом деле это традиционный сюжет волшебной сказки, принцип инициатической культуры. Он хорош в случае нормативного развития, когда главный герой не испытал слишком грубой деформации и идет естественным типичным путем от переживания некоторого ущерба в своей прошлой жизни к пути культурного Героя, реформатора. В случаях затяжного пребывания в ситуации Жертвы и очень грубого травмирования возможны другие актуальные сценарии, через которые человек проходит естественным путем. Он может стать, в частности, Тираном. Вспомним сына Психиморы. Да и мифический Гефест, по одной из версий, был сброшен на землю собственной матерью, Герой, отчего и стал хромать. Не стал он потом героем, а вынашивал план мести. Он создал прекрасный трон, в который заманил мать и заковал ее там. Из мифов же нам известен еще один путь Жертвы. Она становится Мудрецом, духовно-могущественным существом, как темным (ведьмы, колдуны, подземные боги типа Персефоны, которую утащил под землю Гадес-Аид), так и светлым, святым. Таков был путь скандинавского Бальдра, египетского Осириса, Иисуса Христа.

Если ребенок уже начал проживание сюжета Тирана, то при всей устрашающей его специфике лучше помочь его пройти в символической форме, в той сказке, автором которой он может стать, той игры, в которой станет главным персонажем. Так, Женя больше всего любил играть в то, что он Властелин мира, а все остальные, включая его непосредственных родственников, — его рабы. Разумеется, они не давали ему полной воли в этом процессе, но над его фантазиями не были властны. Поскольку жизнь продолжалась по всем аспектам, то мальчик, имеющий родную семью и немалую заботу о себе, видел мир не только в его тяжелой изначальной ситуации детского заболевания. Он постепенно наполнялся новыми впечатлениями и в один новый год сам с удовольствием сочинил сказку, с которой вы сможете познакомиться чуть ниже. Я не хочу сказать, что это стало свидетельством полного благополучия, но, несомненно, свидетельством готовности к альтернативной роли культурного Героя.

Мир мультипликации в Новый год

Наступил Новый год, и в мире мультипликации все герои собрались, чтобы его отметить. Тут были все до одного: Винни-Пух, Пикачу, Черный Плащ . и все-все-все. Потом пришел и сам Дед Мороз, но кто-то украл елку. Все пришли в ужас.

Винни-Пух сказал всем:

—Надо думать!

-Зачем тут думать, - сказал Пикачу, - ясно, кто ее стащил, - это Мьюту!

—Нет, - сказал Черный Плащ, - это Стальной Ключ.

—Нет, нет! - закричали все остальные и стали предлагать свои версии похитителей елки.

В конце концов все сошлись в одном мнении: это был граф Дракула, но поскольку сам он был застрелен серебряной пулей и проколот осиновым колышком, то на смену ему пришел Минотавр, но он был убит Персеем. Тогда сам Дед Мороз сказал: «Это Кащей». Все согласились и собрались выручать елку. Но замок Кащея был далеко, как туда добраться? Все поехали, кто на чем: Пикачу - на голове Эша, Черный Плащ - на мотоцикле, Дед Мороз -на лыжах, Спайдермен — на паутине, а иксмены сели в космический корабль и помчались быстрее всех, Сейлор-воины бежали, а Винни — Пух на своих двоих шел позади всех.

Вскоре они добрались до замка Кащея. Зорро постучал в дверь, открыл ему сам Кащей, и все закричали: «Отдай нам елку!»

Кащей хлопнул дверью и закрыл ее на замок. Тогда Черизард дохнул на дверь огнем, и та сгорела. Но что это такое? За ней была еще одна дверь, крепче прежней. Теперь поднатужился Бэтмен и сломал ее, но за ней появилась еще одна.

Тогда разозлился сам Дед Мороз, стукнул посохом по двери и заморозил ее — она сама собой и развалилась.

Все зашли внутрь. Долго плутая в лабиринтах замка, они наконец вышли в какую-то комнату. Там стоял стол, а на нем - шкатулка, на которой было написано: «Кто откроет шкатулку, тот погибнет, кто только замок откроет, калеккой станет, кто к шкатулке прикоснется, ничего с ним не будет, а кто из-под нее бумагу вытащит, всю правду о Кащее узнает».

Все стали думать, кто и как вытащит бумагу. Первым попробовал Буль-бозавр, но у него ничего не получилось: он не мог вытащить бумагу, не подняв шкатулку, а замок был старым и мог сломаться, и шкатулка открылась бы. Вторым попробовал Спайдермен, но у

него тоже ничего не вышло по той же причине. Тогда вышел Винни-Пух. Он залез под стол и сказал: «У кого есть что-нибудь острое - залезайте сюда». Вызвался герой мультфильма «Иксмены» - Росомаха. Винни-Пух сказал: «Прорежь дырку под шкатулкой, и мы достанем бумагу. Росомаха вытащил шипы и прорезал отверстие. В руки к ним упала старая обветшалая бумага. Винни-Пух отдал ее Деду Морозу, тот прочитал: «Кощей не победить никому в целом свете, если не знать его слабое место: смерть Кощея на конце иглы, игла — в яйце, яйцо - в утке, утка — в зайце, заяц - в ларце, закрытом волшебным замком, а ларец висит на дубе, на острове посреди Великого моря».

Все вышли из замка и направились к острову, но вот проблема: не все могли плавать или летать, а одному все равно не добраться до ларца. Тогда вышел Лапрас и дыкнул ледяной струей на море и проморозил дорогу, но у него не хватило сил протянуть ее до острова. Тогда Дед Мороз подошел; к концу дорожки, махнул посохом, и та протянулась до самого острова. Все! с шумом и гамом бросились туда. И вот все увидели дуб и на нем — высоко . висящий ларец, но как добраться до него? Тогда Супермен взлетел, сломал цепи, на которых висел ларец, тот упал прямо в руки Деду Морозу. На ларце "" висел огромный замок, тогда Зорро поддел его шпагой и открыл. Из ларца i выскочил заяц, но не успел он опомниться, как был связан паутиной Спай-• дермена, тут же из зайца выпорхнула утка и взлетела высоко-высоко, за ней , полетел Пиджиото (покемон-птица) и сбил утку, она упала, и из нее выкатилось яйцо, которое схватил Винни-Пух. Когда Винни-Пух дотронулся до яйца, оно расколосось, и из него выпала игла. Она была так мала, что ее невозможно было разглядеть, и никто не мог ее поднять. Тогда Галдак сверкнул глазами, и игла сама собой взлетела в его руку. Он отдал ее Деду Морозу. Все собрались в обратный путь по ледяной дороге, сделанной Лапрасом и Дедом Морозом. Скоро они подошли к замку Кощея. На поле перед ним сто- ял сам Кощей и смеялся. Все не на шутку рассердились, и особенно Асте-рикс. Он кинулся на Кощея и ударил его так, что тот потерял сознание, а когда пришел в себя, то уже не смеялся, а злился. Махнул Кощей рукой, и перед ним встала стена огня, но Блостоас залил ее водой. Но Кощей взмахнул мечом и взлетел, и Дед Мороз не успел воткнуть в него иглу. Тут в небо взлетел Пегас и ударил Кощея рогом - тот упал. Тут-то Дед Мороз и бросил в него иглу, она воткнулась прямо в череп Кощея, но он не умер, а стал маленьким и беспомощным и сказал, где елка. Вся компания вскоре отправилась назад, но уже с елкой, и весело встретили Новый год. '

То, что ребенок в своей сказке проецирует возможность героического поведения, да еще умение сотрудничать, не говорит о том, что он уже реально себя так ведет. Но он уже НАЗВАЛ этот формат поведения, и от его воспитателей зависит, сможет ли он реализовать этот образец, этот умозрительный сюжет. Все предшествующие сюжеты этого ребенка, который он оглашал или разыгрывал, были в высшей степени агрессивными и разрушительными. Ни на какие компромиссы он в этом плане не шел.

Еще об одном сюжете, в котором нередко оказывается бывшая Жертва. Это Некто сидящий в яйце, или бочке, или иной оболочке. Некто функционально являющийся эмбрионом, поглощающим свою питательную среду и заключающий в себе потенциально огромный мир, мир, совершенно еще неизвестно какой. Это все наиболее тяжелые варианты психических травм и психических болезней — поза эмбриона и «капюшон» шизофреника, реактивные состояния под одеялом, это полная апатия к реальной жизни и почти растительное существование на физическом плане, это алкоголизм и наркомания. Это норма внутриутробного

развития и тяжелая патология последующих периодов, это заукливание в самого себя с непредсказуемым результатом. С мифологической точки зрения это юнговский Предвечный Младенец, обладающий потенциально огромной силой, как миротворческой, так и разрушительной Это сказка о том, как яичко били-били-били-били... А оно все не разбивалось, потому что не умели они этого делать — разбивать такие яички. А умела это некая Мышка, вовремя и к месту приложившая свой хвостик. Только тогда яйцо раскалывается, являя целый новый мир. Это суть космогонических мифов многих народов. В яйце может содержаться творец нового мира или разрушитель старого. Вспомним роковые яйца в повести М. Булгакова и аналог яйца, старинную бутылку, в которой содержался джинн, который с равным успехом мог создавать дворцы и разрушать города. У нас есть еще сказочка «Яйцо» в первой части книги. Условия вынашивания любого эмбриона таинственным образом влияют на его развитие. Даже коматозные больные (вполне аналогичные эмбриону) нуждаются в разговоре с ними, в

настоящее время медики считают необходимым общение с ними близких. Актер Евгений Леонов провел в коме после третьего инфаркта шестнадцать дней. Все эти дни жена и сын по совету врачей разговаривали с ним. После этого Леонов прожил еще пять полнокровных лет.

Это не весь сюжетный веер, но он создает представление о том, что нет единственно верного пути развития героя и его сюжета. Дальше я вкратце изложу принципы доступной мне сказкотерапии. Они основаны на инициальной психотерапии Карлфрида графа Дюркхайма. Изложен этот принцип в работе Т. М. Буякас «Инициальный путь развития личности: возможности психологической работы». «Инициальную психотерапию следует рассматривать как одно из направлений современной индирективной психотерапии. Подобный подход к человеку осуществляется в человекоцентрированной терапии К. Рождерса, а также в аналитической психологии К. Г. Юнга, психосинтезе Р. Ассаджолли, ло-готерапии В. Франкла, процессуально-ориентированной психологии А. и Э. Минделл.

Индирективная психотерапия нацелена не на устранение отдельных болезненных симптомов — она обращается к личности человека с попыткой высвободить некое позитивное начало в нем, его творческий, душевный и телесный потенциалы. Такая установка одинаково осуществляется как по отношению больным разной нозологии, так и по отношению к здоровым людям. Подход построен на глобальном доверии

к человеку, на том, что наилучший ответ может дать только сам чело-век. В соответствии с этим психотерапевт в процессе работы ничего не привносит, он воздерживается от всего, что могло бы задать какое-либо направление движению. Он идет вместе с человеком, становясь его спутником в этом творческом "путешествии" к своей сущности. Это "путешествие" осуществляют, по сути, оба — и клиент, и терапевт. Когда каждый из них каким-то образом соприкасается со своей трансцендентной сущностью, с неизвестным в себе, что бы они ни делали, оказывается целительным».

То есть создание качественного образа — задача, прежде всего, самого человека, его способности к генерации. Лучший образ тот, который возник в воображении самого ребенка. Итак, вот принципы сказкотерапии как магической практики и инициальной психотерапии:

Необходима точная символическая имитация, отражающая анализ актуального для ребенка сюжета, создание жизнеспособного исходного образа. Это то, что нам уже известно о ребенке. Наилучшим образом это может сделать сам ребенок, но может и хорошо чувствующий его взрослый.

Пошаговое тестирование реальности. Дальнейший путь напоминает движение по лабиринту Минотавра. Ни мы, ни ребенок точно не знаем, куда идти. Гарантия безопасности — взрослый рядом и нить Ариадны в руке, которая всегда даст возможность вернуться в исходное место. Если мы заходим куда-то не туда, ребенок теряет интерес, глаза его блекнут, он начинает отвлекаться.

Задержка на актуальной роли, какой бы она ни была. В любом случае она необходима ему для дальнейшего развития. Быстрее завершить негативную роль может разве что ваш запрет на все другие роли (принцип от противного).

Вместе с тем необходимо введение в сказочную перспективу возможностей других сюжетов (Героя, Мастера, Мудреца). Их можно увидеть на блюдечке под яблочком, они могут быть в форме снов, предсказаний, туда ведет клубочек. Но все это невзначай и ненавязчиво, чтобы не бросить лягушачью кожу Жертвы или драконью чешую Тирана в огонь раньше времени. Хуже всего здесь поспешить и потерять дорогой контакт. Эти возможности хорошо просто рассматривать без всяких обязательств, с легкостью от них отказываясь. Позитивный потенциал действия наиболее вероятен тогда, когда есть табу на выход из старого сюжета в новый (расчет на протест или на «слабо»).

Создание реального прецедента успеха. Не всегда в биографии ребенка есть значимые ресурсные воспоминания, к которым его можно подтягивать. Помню одного юношу лет шестнадцати, который из всей своей жизни смог вспомнить только одно достижение: что он поймал щуренка. Вообще в детских ситуациях этот пункт мне кажется особенно важным, чтобы позитивные сценарии подкреплялись реалистичны! поведением взрослых партнеров по сказочному путешествию. Тогда линии сюжета и реальной жизни начинают перевивать друг друга, подобно цепочкам ДНК, образуя полноценную матрицу жизни.

Пока это все известные мне принципы. Резюме: по принципу имитативной магии сказка действует при максимальном соответствии своему прототипу и если развитие ее сюжета экологично внутреннему миру ребенка. Для этого важно соблюдение принципа инициального подхода.

Работать так можно не только с сочиненной сказкой, но и любым сюжетом, значимым для ребенка, в том числе сном. Вот пример работы со сном — он приснился шестилетней Оле, замкнутой и застенчивой девочке, мечтающей о друге. Я записала этот сон, слегка обработав его, а продолжение подбирали уже вместе. Верность нашего завершения сна подтвердилась радостью в глазах девочки.

Сон про филина

Оля медленно шла мимо стадиона по направлению к старой мельнице. Настроение у нее было хорошее, и казалось, что сейчас может произойти что-то необычное и интересное. И это было связано со старой мельницей. Оля разглядывала ее издали, не решаясь подойти ближе. Одна она еще никогда не была в таком заброшенном месте. Вдруг где-то рядом сильно захлопали крылья, воздушная волна коснулась Олиного лица, и она увидела большого филина. Он быстро летел по направлению к мельнице. Оля с любопытством рассматривала его. Он был очень хорош собой - с коричневой спиной и крыльями, странными красно-белыми глазами, быстро зыркнув-шими на девочку. Оля захотелось получше рассмотреть филина, но она подумала, что ей пора домой, что там ее ждут родители и Наташа. И действительно, когда она вернулась домой, там ее ждала вся семья - и мама, и папа, и Наташа. Тогда Оля спросила у мамы разрешения пойти на стадион. И мама разрешила. Тогда Оля быстро пошла туда и, походив на стадионе совсем немного, побежала на мельницу, чтобы застать там филина.

Возле мельницы было тихо и пустынно, рядом не было ни души, но Оля смело вошла внутрь. Там было тихо и темно, но узкие снопики солнечного света прорывались кое-где сквозь щели и закрытые ставни, освещая покрытые пылью и паутиной стены и углы, какие-то мешки и доски, разбросанные тут и там. Когда Олины глаза привыкли к полумраку, она стала внимательно разглядывать внутренность помещения и, подняв глаза повыше, на балке под потолком увидела своего знакомого филина, который тоже с любопытством рассматривал ее. Оля не знала, как общаться с филинами, тот, по-видимому, тоже не знал, как общаться с девочками. Посидев некоторое время, филин сорвался с места и, ухнув, скрылся где-то в чердачном мраке. Оля задумчиво постояла еще минутку и медленно пошла домой, раздумывая на ходу, как бы ей познакомиться с этим филином поближе. Он казался ей таинственным и увлекательным, может, даже, охраняющим какую-нибудь

тайну.

Когда она пришла домой, то уже знала, что ей надо сделать. Она быстро взяла лист бумаги, самой лучшей, белой, и начала рисовать портрет филина с его странными красно-белыми глазами, мохнатым темным оперением. Потом она быстро побежала обратно к мельнице и, чтобы не спугнуть филина, нашла какую-то лазейку внутрь и сунула туда скатанный в трубочку рисунок. Притихнув, она стала ждать. Прошло совсем немного времени, послышался шум крыльев — и рисунок исчез. «Наверное, взял!» — решила обрадованная Оля. Первый шаг к знакомству был сделан. Больше сегодня ничего не успеть — уже темнело, и пора было домой. Тогда Оля помахала рукой невидимому филину и побежала домой. В ту ночь ей приснился сон: будто она а; пришла на мельницу опять и ее новый знакомый — филин слетел со своего места, держа в клюве лист бумаги. Сначала Оля огорчилась, подумав, что .. он возвращает свой портрет, но это оказался ее собственный портрет, на котором она оказалась такой хорошенькой и веселой, что сразу себя не узнала. «Неужели это он так нарисовал?» - подумала Оля. Счастливая, она схватила портрет и крикнула филину:

— Спасибо и до свидания! • И он в ответ ей тоже сказал: • . — Досвидания.

: Когда утром Оля, открыв глаза, взглянула на свой стол, она увидела собственный очень красивый портрет. Вот тебе и раз! От этого Оля засмеялась.

- 2 2 -

О сказках и алгоритмах

Человечество вообще изменяется куда меньше, чем думают. Оно как море: на поверхности бурлит, волнуется, но стоит погрузиться в пучину людских душ — и налицо неизменность важнейших человеческих чувств.

А. Моруа. Письма незнакомке

Почему сказка так живуча, почему прошли многие сотни лет от ее первого появления на свет, а она продолжает возвращаться к нам, а потом — к нашим детям? Значит, есть в этом какой-то смысл, какая-то большая необходимость, ее значительная роль в нашей жизни. Попробуем разобраться в той информации, которую несет сказка. О волшебной сказке написано множество исследований. Велик был Зигмунд Фрейд тем, что заметил связь психической жизни человека и его трагедий с содержанием древних мифов, в частности мифом о царе Эдипе. К.-Г. Юнг великолепно знал мифологию и сказки народов мира и применял их при анализе сновидений и других образных проявлениях психической жизни своих пациентов. Множество его последователей развили это юнгианское направление — аналитическую психологию. В этой главе тоже пойдет речь о "сказках и их воспитательной функции.

В сказках в завуалированной, иносказательной, символической форме представлены сюжеты, сценарии, жизненные стратегии людей, регламентированы правила поведения, и, судя по живучести этих произведений народного эпоса, они представляют не только исторический интерес, а и продолжают служить моделями нашего поведения. Здесь уже не нужно особой магии и выстраивания сказочного сюжета по индивидуальной мерке, а важно умение усвоить и передать опыт, содержащийся в классической сказке.

Вот только некоторые из моделей и стратегий поведения, представленные в сказках.

Во многих сказках есть эпизод с испытанием доброго молодца: он должен прыгнуть в чан с кипящей водой и молоком. Это испытание устраивает обычно прекрасная девица, на которой хочет жениться старый царь. Девица втайне содействует молодцу и способствует тому, чтобы он стал еще сильнее в результате испытания, а старый царь оказывается сваренным. По Сеньке и шапка. Руби

дерево себе по плечу. Не в свои сани не садись. И так далее. Также это тема котла рождения и смерти, сюжет возрождения, представленный в мифологии многих народов. Как мифологический символ, он неделим в своих противоположных функциях. Одновременно это и котел изобилия, который может накормить любое количество едоков (котел бога Дагды у кельтов). Есть мнения культурологов, что он аналогичен по смыслу и чаше Святого Грааля (Антон Платов).

А вот стратегия отношений активной и пассивной стороны, господина и раба, мужчины и женщины. Женщина, веками находившаяся в состоянии вынужденного подчинения мужчине, научилась своими средствами отвоевывать свою долю власти, учить уму-разуму зарвавшихся сластолюбцев-мужчин. В сказке «Иван Быкович» молодец добыл царицу — золотые кудри, конечно, с ней не сговорившись. А теперь пришлось еще и удержать ее. Она превращается в птиц небесных и рыб морских, и ему с помощью друзей, напросившихся в путешествие, Обьедай-ло и Опивайло, звездочета, удается выдержать испытания и удержать невесту. А невеста, которой за это время добрый молодец полюбился, начинает ему помогать. Таким образом, партнер, имеющий статус пассивного, пользуется привилегией назначения испытаний стороне активной. И активная сторона — не обязательно мужчина. В сказке «Перышко Финиста — ясна сокола» назначает испытание тот, кого девушка выбрала и кем завладела. Инициатива наказуема, а точнее, ответственна. В последней сказке ясной становится еще одна вещь — фактор времени. Для того чтобы вернуть себе возлюбленного, девушке приходится истоптать три пары сапог железных, три посоха железных, сгрызть три хлеба железных. В сказке на произнесение этих слов ушло несколько секунд, а у героев — целая жизнь. Быстро только кошки рождаются. Хочешь настоящего — запасись терпением. Вспомните, к чему привела спешка Ивана-царевича в «Царевне-лягушке». Сжег он лягушачью кожу своей жены, не спросив ее. И она в горе ему отвечала:

— Эх, Иван-царевич! Если бы ты подождал еще три дня и три ночи была бы я навек твоей, а теперь ищи меня за тридевять земель, в царстве Кощея бессмертного.

Многие родители спешат, подстегивая развитие своего ребенка, жгут лягушачью кожу его защитного поведения (странные игры, вранье «лень» — на самом деле потребность в собственной внутренней жизни) и теряют отношения с ребенком, получая взамен его оболочку, маску, которую он интуитивно выбирает для вас. Получается как в анекдоте:

— Вовочка, сколько будет дважды два?

— А сколько вам нужно?

Душа ребенка при этом ускользает от нас в тридевятое царство, тридесятое государство, и искать его потом можно годами. Скупой платит дважды. А все, что нужно ребенку и родителям, — позволить побыть лягушачьей коже детства и безответственной радости столько, сколько нужно ребенку для того, чтобы вырасти. Сколько — это очень индивидуально. Илья Муромец сидел на печи тридцать лет и три года, пока не пришлось встать и на ратные подвиги идти. Григорий Распутин, эта особа, приближенная к последнему русскому императору, в своей деревне вот так же до зрелости на печи просидел. Альберт Эйнштейн, Чарльз Дарвин... и многие другие, отстававшие в детстве. Я думаю, их мамы очень верили, что их дети не мытьем, так катаньем, найдут свое место в мире. И не боялись злых языков. И вообще, были заняты своими делами, а не спутывали детям ноги своими тревогами. В нецивилизованных народах обряд инициации мальчиков, то есть посвящения в общество взрослых охотников, приурочивался приблизительно к 12 годам. И не раньше. А анатомически и физиологически полное созревание в головном мозге нашего центра управления полетом (это лобные доли мозга) относится к возрасту 18-19 лет. Законодательство учитывает этот факт — в смысле всей полноты ответственности за свое поведение. Право избирать и быть избранными у нас также получают граждане с 18 лет, а в странах Запада — с 21 года. Вот так.

Еще одна стратегия просматривается тут же по соседству. Помните, как герои сказок шли к своей цели? Иногда — с помощью клубочка, который перед ними катился, и нельзя было оглядываться по сторонам. А вокруг отвлекали и пугали, мешали пути. Эта тема хорошо представлена и в древней мифологии, в частности греческой. Ясон, желая добыть золотое руно, должен был ночью, не оглядываясь по сторонам, смотря только вперед, пройти к своему кораблю «Арго». А вокруг бесновались адские псы и сонмы привидений Гекаты. Ясону удалось выдержать это испытание и не дрогнуть от страха. А вот у Орфея не получилось вывести Эвридику из царства умерших. Спустился он туда и волшебной своей музыкой покорил всех. Даже Тантал забыл о своих муках, трехликая Геката закрылась руками, чтобы не видно было слез на ее глазах, увлажнились глаза жестоких богинь мщения Эриний. Все, что нужно было Орфею по решению Аида, — это вывести Эвридику из царства мертвых. Для этого нужно было идти не оглядываясь. Орфей испугался, не слыша шагов за спиной (да и какие шаги могут быть у бесплотной тени?), и обернулся. Так он стал виновником повторной смерти своей жены.

У многих молодых родителей, начинающих воспитывать ребенка, есть масса советчиков, с одной стороны, куча соблазнов — с другой, страхов упустить что-то важное — с третьей. Какой светлый разум, какое верное, неиспорченное чутье надо иметь, чтобы не растеряться в этом сплетении.

А вот стратегия наведения мостов. Умерла у одного человека жена, и женился он во второй раз. Жена

оказалась ведьмой и решила известить свою падчерицу. Послала она ее с поручением к сестре. А сестра-то Баба Яга. Девочка не посмела ослушаться, да зашла к тетушке за советом. Та ее научила, как быть: у Бабы Яги березка будет тебя стегать, глаза выхлестывать, а ты ее ленточкой перевяжи, ворота будут скрипеть, не пускать — ты им под пяточки маслица полей, будут тебя собаки хватать — ты им хлеба брось, кот будет глаза вырывать — ты ему ветчинки кинь. Девочка все выполнила, и все они помогли ей убежать от Бабы Яги. А в скольких сказках добрый молодец, вызволяя из беды свою суженую, на своем пути терпит лишения и голод, но все же сохраняет жизнь тем животным, которых встречает на своем пути. Они потом ему службу верную сослужат. Неизвестно, когда и как увидим мы идущих навстречу по нами выстроенному мосту, но свято место пусто не бывает. Если мост хорош и крепок, кто-нибудь обязательно ему доверится.

Об искушении и риске. Можно было не рисковать Иванушке и не подбирать перо Жар-птицы, ведь предупреждали же, что будут неприятности, если поднять. Но кто не рискует, тот не пьет шампанского. Никто не может дать тебе однозначный совет, отсидеться в своей норе или вырваться на опасный простор. Ты один-одинешенек перед этим выбором. В этом и ужас, и восторг бытия человека.

Феномен Ивана-дурака. Он состоит в том, что, по большому счету, Иван-то как раз и не дурак, а дураки его братья. Это по признаку, давно замеченному народом, что умный любит учиться, он смиренно открыт опыту и культурному наследию предков, а дурак любит сам учить. Перед смертью старик наказал трем своим сыновьям три ночи ночевать на своей могиле. Старшим сыновьям (умным) неохота было ночью на кладбище идти. Вот они и уговорили Ивана-дурака вместо них пойти. Вот там, на могиле, дурак и поймал волшебного коня Сивко-Бурко. А старшие с носом остались, будучи во власти гордыни и пренебрежения к авторитетам.

Алгоритм распределения возможностей. Спросил царь мужика, как тот доходы со своего поля тратит. Тот и ответил, что из 80 рублей выручки 20 — на подати, 20 — за долги отдает, 20 — займы, 20 — на ветер. Долги — родителям, в долг — сыну, на ветер — дочери.

И много еще можно узнать из народной сказки. Я уверена, что их нужно перечитывать взрослым людям, да так оно и происходит, когда у нас появляются дети, и мы начинаем читать им сказки.

Сказка — ложь, да в ней намек, Добрым молодцам урок!

А. С. Пушкин

23 -

Философ с пустышкой и тайна Теремка (О сказках для самих маленьких)

Мама уложила Вовчика спать и вышла из комнаты, тихонько прикрыв за собой дверь. (Вовчик — это малыш одного года и двух месяцев от роду.) Из соседней комнаты мать некоторое время прислушивалась. Этот ребенок не очень жаловал укачивания и предпочитал засыпать сам, но перед сном любил заниматься разными интересными для себя делами. Мама уловила короткую и нешумную возню в детской, потом стало тихо. Она заглянула туда — удостовериться, что можно спокойно заняться своими делами. Вовчик лежал на вытасенном из кровати и расстеленном им одеяле с пустышкой во рту и книжкой про курочку Рябу в ручках. Он сосредоточенно смотрел в нее, посасывая пустышку. Вот какую картину застала мама в детской.

Вовчиковы родители серьезно готовились к его появлению на свет, посещали специальные курсы для беременных и их мужей, по вечерам, к большому изумлению будущих бабушек и дедушек, уединялись для чтения вслух сказок и былин. Читали они будущему беби и уверяли, что ему это нравится. Не будем судить, откуда родители об этом узнали, но после рождения ребенок действительно мог долго слушать сказки в записях и рассказанные мамой. Очень скоро выяснилось, что у него два вида любимых игрушек — совершенно неигровые замочки, запоры, вилки с розетками, утюги, переноски, всевозможные вкладыши геометрических фигур и книжки, которые он сам выбирал в своей библиотеке и приносил читать родителям и прочим родственникам.

Что в книжке с картинками обнаружило дитя, еще ничего практически не говорящее, хотя вполне разумное и понятливое? Какую роль играют сказки в жизни малыша — предстоит нам попытаться

понять. Конечно, наши домыслы будут во многом фантастичны, но ход рассуждений будет открыт.

Теперь ни у кого не вызывает сомнения аксиома: сказка — один из важнейших формообразующих моментов в судьбе человека наряду с прочими аспектами воспитания. Она является неким мощным концентратом закодированной символическим языком древней и по-прежнему актуальной информации о том, какова жизнь. И сам тот факт, что древние сказки по-прежнему живы и здоровы, вселяет уверенность, что основа человеческого бытия, его костяк, остался практически неизменным, меняя лишь свое облачение, внешний вид, следуя моде либо необходимости.

Язык символов — эсперанто, понятное любому малышу. «Бух», например, отражает целый процесс возможного падения и появления большой «вавы». «Вава» тоже понятие чрезвычайно обширное. Язык таких кратких символов начинает вспоминать любая мама (и многие папы), для которых доставляет удовольствие возня с малышом. Для всех прочих взрослых язык символического мышления младенца и его матери постепенно становится практически недоступным, за исключением поэтов, к коим следует отнести художников и прочих живописцев образа. Нам предстоит знакомиться с ним заново — через сказки для самых маленьких.

Теперь нужно немного сказать о рабочей (удобной для наших целей) классификации сказок. Выделяют кумулятивные сказки (с закономерно изменяющимися повторами в сюжете — типа «Репки», «Курочки Рябы», «Колобка», «Теремка»). Они традиционно и не зря считаются сказками для самых маленьких. За ними следуют народные волшебные, плутовские и бытовые сказки. Затем — авторские сказки. У каждой разновидности — своя основная цель и задачи, кое в чем они могут пересекаться и обобщать целый комплекс воздействий. Наша тема — сказки для самых маленьких.

Необходимо также прояснить связь между сказкой и мифом. Существует распространенное представление о том, что сказка — это десакрализованный миф, то есть миф, с которого снят ореол священнодействия, в сюжете которого главные действующие лица уже не боги или богоподобные герои, а люди и специфические сказочные персонажи. Цервой нашей задачей будет сопоставление некоторых мифологических сюжетов с сюжетами сказок, а второй — попытка понять, как это поможет нам понять смысл сказок для малышей. Для чего это нужно — для грамотного отношения взрослых, воспитывающих ребенка, к сказке и ее роли. Время от времени в книгопродаже попадаются очень красочные и заманчивые, но искаженные и подслащенные варианты классических сказок. Например, «Теремок» традиционно должен закончиться тем, что медведь сел на него и раздавил. Ан — нет: в одной из современных версий бедные зверушки, оставшиеся бездомными, ругают Медведя, и ему становится стыдно, и он строит для зверушек новый Теремок. Сказка получилась совсем другая и полностью теряющая свой первоначальный смысл. Вот и в первоначальной «Курочке Рябе», скорее всего, не было: «Снесу я вам другое яичко...»

Начнем же с тайны курочки Рябы и Теремка. Сразу оговорюсь — нет смысла и возможности добиваться полной, исчерпывающей трактовки этого сюжета. Каждое явление мира, к счастью, безмерно богаче всех наших попыток его понимания. К настоящему времени исследователи-юнгяицы достоверно выделяют три слоя амплификации (уточнения, прояснения) образа (по Джеймсу А. Холлу). На поверхности лежит личностный слой, имеющий отношение к непосредственному опыту человека, читающего или сочиняющего сказку, видящего сон. Второй слой амплификации — культуральный, связан с принадлежностью человека к определенной этнической общности, культурной зоне. Символика такого сюжета специфична для сказок определенного народа. Так, в чеченских сказках один из ведущих мотивов — взаимная поддержка и верность друг другу двух братьев или друзей, один из которых, например, помогает другому добыть невесту. Это типично для психологии малого народа, возможность выживания которого полностью зависит от солидарности и взаимной поддержки его представителей. И этот мотив практически не встречается в сказках русских. Можно даже сказать, что там он встречается с точностью до наоборот: завистливые братья губят отважного младшего брата и умыкают его невесту. Третий слой амплификации — архетипический, касается сюжетов самого глубинного свойства, пронизывающих фольклор и эпос большинства народов мира, в том числе лишенных естественной возможности непосредственно передавать друг другу сюжеты. Так, чрезвычайно распространенным в мире

является сюжет о царевне-лягушке или принце-лягушке, красавице и чудовище. Сегодня мы коснемся архетипического слоя сказки, так как речь идет о самых маленьких слушателях ее, у которых личностный опыт и культурная сопричастность еще только формируется и единственным их реальным достоянием является генетическая база в виде архетипов — образов коллективного бессознательного. На самом деле генетический характер присвоения архетипов не имеет до сих пор строгого научного доказательства и служит нам рабочей гипотезой.

Итак, Теремок. Сказка про Теремок — одна из самых первых сказок для самых маленьких. Теремок был маленький, а жителей в нем становилось все больше, и размеры этих жителей все увеличивались. Возможности Теремка по размещению жителей и его история подходила, таким образом, к своему завершению. Неизбежность этого факта пришла в виде медведя, который сел на Теремок и развалил его. Мифологически сюжет сказки соответствует началу и концу мира в космогонических и эсхатологических мифах. Это элемент зарождения мира в индийской мифологии, когда юный Индра,

родившийся от союза Земли и Неба, глотнул хороший глоток сомы и стал так быстро расти, что раздвинул их навеки и заполнил пространство между ними, олицетворяя воздушную стихию. Но этого было мало для сотворения мира. Собственно, Индра был сотворен для победы адитьев (олицетворение светлых сил во главе с Варуной) над данавами (от слов «стеснение», «несвобода», олицетворение злых сил) во главе с Вритрой (что значит на санскрите «нечто скрытое»). Юный Индра вооружился ваджрой, копьем-молнией, проявив себя, таким образом, громовержцем, и поразил Вритру и Дану, его мать, расколов демона и землю под ним. Тогда из демона (из земли — по другой версии мифа) хлынули космические воды, подобно стаду мычащих коров. Воды были уже беременны и содержали в себе солнце. Освобожденное светило и воды расположились на небе. Так начался мир, и одним из элементов этого начала был раскол Нечто скрытого, олицетворения стеснения, несвободы, замкнутости. Раскол Вритры, Теремка...

Но не менее, чем такое своеобразное, катастрофическое начало мира, сказка про Теремок напоминает мифы о конце мира. Впрочем, в мифологии он никогда не бывает вполне окончательным и всегда подразумевает последующее возрождение. Скандинавский конец мира, Рагнарек, вовлек весь мир в хаос огня, но все же выжили дети богов Одина и Тора, и один из сынов Локи, и двое людей, мужчина Ливтрасир и женщина Лив, и заколосились без посева поля. После гибели старого мира на его пепелище зародился новенький мир. В индийской мифологии конец мира должен обозначить Шива, исторгающий из себя пламя, которое поглотит мир. Шива также создаст новый мир, когда будет на то его воля.

В ранней детской классической литературе есть еще одна сказка про раскол. Конечно, это «Курочка Ряба». Золотое яичко — практически полная аналогия с сущностью Вритры, который скрывает в себе космические воды, содержащие внутри себя солнце. Расколоть яйцо пытались дед и баба (адитьи), и у них ничего не получалось, пока не появилось юное существо с волшебным хвостиком, подобным по эффективности громам и молниям Индры. Индра был столь могущественным, что напугал даже породивших его Землю и Небо и те навеки разлетелись. Не исключено, что грандиозностью катаклизма раскола космического яйца Вритры были потрясены и сами адитьи, равно как дед и баба. И хочется и колется... И как получаешь то, о чем мечтаешь долго, то потом и непонятно, что с этим делать.

А что же значит простое яичко, которое курочка обещала снести еще? Дану, мать Вритры, олицетворяет Несвободу, стеснение, силы, сдерживающие нечто внутри, в нашем случае — внутри яйца и земли. В греческой мифологии Деметру, земную богиню плодородия, иногда называют богиней Дан, то есть земной. Считается, что Посейдон получил свое имя как муж богини Дан (игра корней «дон» — «дан»). Именно этот смысл отражает его имя. Нам известно, что Посейдон преследовал Деметру в виде коня, а Деметра была тогда в образе лошади. Случайно ли это созвучие? Нам известно, что в санскрите и других древних языках индоариев немало общих корней. Кроме того, в мифологии кельтов (относящихся к индоевропейцам) описываются племена богини Дану (Туа-та де Дананн), которые прибыли в Ирландию, по одной версии, в окружении темных облаков, три дня закрывавших солнце. Племена богини Дану вытеснили предыдущих обитателей Ирландии фоморов и стали хозяевами земли. Потом их вытеснили люди, и Туата де Дананн ушли в сиды (холмы, в которых жили представители того мира, духи умерших). Таким образом, индийская Дану и греческая Дан, Деметра, и кельтские племена богини Дан, могут быть олицетворением сдерживающих сил земли, как порождающей стихии. В этом, с одной стороны, их зло, хотя в греческой мифологии Деметра считается образчиком чрезвычайно заботливой матери, но ее связывающая опека приводит к тому, что юная и невинная Кора, ее дочь, достается самому «скверному» парню (с точки зрения матерей) из всех возможных, Гадесу-Аиду, царю подземного царства смерти. В реальной жизни совсем нередки подобные факты, когда долго и бдительно выдерживаемая своими родителями барышня из приличной семьи выскакивает замуж со скандалом за самого большого хулигана из своего окружения. Нам известно, что мужчины не играли большой роли в жизни Деметры. Смыслом ее жизни становились дети. Налицо симбиотическая связь, затрудняющая развитие ребенка, будь то яйцо или девственница-дочь. И в каждом случае трансформация в иное качество существования становится возможной лишь через смерть. Яйцо разбивается, Вритра погибает, дав жизнь солнцу и космическим водам, Кора-Персефона теряет девственность (символическая смерть невесты) и становится царицей подземного царства. Еще одна немаловажная подробность — санскритский корень «дан» — «дон» санскритологами трактуется и как нечто текучее, отсюда, как предполагается, произошли названия рек — Дон, Дунай, Днепр. Коротенький корень, в котором заложена двойственность, противоположность, а значит, потенциальная возможность развития. Сдерживающее начало раскалывается, что обеспечивает свободное излияние животворного начала.

Вот как иллюстрирует «Курочку Рябу» ЗАО «Мир поздравлений» в маленькой открытке «Сказка в подарок». Не правда ли, разбитое яичко похоже на восходящее из вод солнце?

Согласно мифологиям различных народов, получается, что нет другого пути для радикальной (космической) трансформации, кроме космического же по своим масштабам катаклизма. Смерть, если не физическая, то уж непременно символическая — с разрушением старых иллюзий, образа жизни,

системы ценностей — вот что единственное дает гарантию поистине радикального преобразования.

А простое яичко — это воспроизведение прежних форматов жизни, ее повторение без каких-либо радикальных преобразований. Мир, будучи однажды сотворен, какое-то время нуждается в плавном, эволюционном развитии. Кроме того, появление простого яичка может вообще не иметь отношения к основному сюжету, а служить своего рода компромиссом, реверансом в сторону читающего сказку взрослого, которому мало чисто космического смысла малюсенькой истории. На самом деле мавр сделал свое дело, мавр может уходить. Курочка Ряба снесла золотое яйцо мироздания, и больше от нее ничего не требуется.

С точки зрения древней мифологии уместно вспомнить сказку и о Колобке. Путь Колобка, как мы помним, закончился в пасти рыжей Лисы. Позвольте провести очень древнюю параллель с одним из сюжетов египетской мифологии. Небесную богиню Нут (по разным версиям, она мать или жена бога солнца Ра) представляли в облике небесной коровы или свиньи, пожирающей своих поросят. Древнейшие элементы мифа известны как доисторическое представление о небесной корове, рождающей своего теленка, Солнце, и, скорее всего, пожирающей быка вечером, чтобы снова родить теленка утром. Колобок — это очень солнечный символ по своей форме и характеру продвижения по лесной (дневной) тропинке, минуя все препятствия. В конце дня солнце-Колобок тонет в рыжем закате-Лисе.

Что же нам дает космогонический миф в младенческой версии, почему он продолжает существовать в сказках для самых маленьких, почему песенка про кузнечика, который сидел в травке до того, как его проглотила лягушка, стала так некритично популярна среди детей и взрослых? Почему вполне грустный сюжет о срубленной-загубленной в лесу елочке стал символом новогоднего праздника? Об этом много написали этнологи, этнопсихологи, культурологи, исследователи сказок и мифов. Мифология и фольклор всегда были элементом инициатической культуры, культуры посвящения в новое социальное или духовное состояние. Никто, разумеется, не убивал ребенка, чтобы из него возник взрослый охотник, но символическая смерть яйца, личинки, младенца была заложена в сюжетах самых ранних сказок и совокупности ритуалов первобытных людей. Сказка ложилась на почву древнего архетипа трансформации, превращения живого существа, и готовила его к реалистическому восприятию мира людей и природы. В буквальном смысле слова: все однажды рождается, и все однажды закономерно умирает, служа материалом нового мира, явления, существа. Таким образом, маленькая сказка служит основой для формирования диалектического восприятия мира. Иными словами, в метафорической форме сказки про золотое яичко и теремок сообщают маленьким девочкам и мальчикам, что период их пребывания в утробе детства однажды закончится выходом в белый свет. И легким этот выход не будет.

Не менее важную роль эти сказки и эти мифы играют и в формировании родительской позиции. Сколько веревочке ни виться... Однажды ребенок станет готов выйти из яйца предыдущего состояния, и только при условии этого выхода он сможет жить дальше, но в уже новом качестве. Нам известно не менее трех кризисов детства, проходящих под знаком почти космических трансформаций: двух-трех лет, шесть-восемь и двенадцать-пятнадцать лет. И в каждом из них буквально из куколки, яйца появляется новая во многом, неведомая ранее личность.

В заключение: сказка для самых маленьких выполняет с этой точки зрения одну, но очень важную задачу — формирует диалектическое мышление будущего человека, закладывает иммунитет к страху превращений, переходов, перемен. Это наднравственный или вненравственный континуум мышления. Нравственный еще недоступен мышлению ребенка первого-второго года жизни, поэтому воспроизводить сказки надо точно, в классическом варианте. Нравственные же нормы и оптимальные способы существования в человеческом социуме содержатся в сюжетах волшебных и авторских сказок, которые мы рассмотрели в предыдущей главе. А такие вот мифосказки должны быть самыми первыми, с которыми мы можем знакомить малыша еще до его рождения. Даже без понимания смысла сами повторы повествования с последующим его завершением уже являются отражением ритмического рисунка мироздания.

— 24 —

Новый домострой

Когда я растила своих детей, было очень мало хорошей литературы о психологии детей и отношений с ними. Сейчас ее стало слишком много, и бедные родители бывают совершенно растерянными от того, что не понимают, к какой концепции воспитания или к чьим конкретным советам им стоит примкнуть. Я не очень хорошо отношусь к конкретным советам, потому что за словом, например, «агрессивность», стоит целый мир ребенка, опыт прожитой им и вами жизни. В чем-то наши опыты совпадают, во многом и разнятся. Поэтому плодом моего десятилетнего регулярного общения с родителями и детьми в качестве

психолога и психотерапевта (а вместе с материнским опытом это уже более двадцать лет) стал свод несложных правил, прошедших через века и сохранивших свою актуальность поныне. Ими можно пользоваться как информацией к размышлению (ни в коем случае — как догмой), творчески осмысливать возможность применения в каждом конкретном случае. Правила логически и информационно связаны с содержанием предыдущих глав.

Таблица уважения: раньше считали, что родители должны любить детей, а дети должны уважать родителей. Сейчас достоверно известно, что, если родители еще и уважают ребенка, и сами ведут себя достойно, ему легко и любить и уважать их.

Правило чистой страницы (или утро вечера мудренее): грязь и исправления на страницах жизни ребенка — результат его труда и издержки процесса роста. Тот не ошибается, кто ничего не делает. Копи и запоминай все успехи и достижения свои и своих близких, неудачи благодари как ценный источник опыта. «Смотри на каждую утреннюю зарю как на начало твоей новой жизни, и пусть каждая из этих кратких жизней будет отмечена чем-то важным и интересным» (Джон Рескин).

Правило Ивана-царевича: сначала доброго молодца накорми-напой, в баньке попарь, а потом и спрашивай. Даже Баба Яга соблюдала это правило испокон веку. Оно правомерно в отношении и взрослых, и детей. В детях полезно воспитывать мужество Ивана-царевича, который не боялся напомнить Бабе Яге о правилах хорошего тона. К этому правилу близко правило «Апчхи». Если вы слышите «Апчхи» (замечаете признаки нездоровья, неблагополучия), то привычно желаете здоровья, почему бы при виде вернувшегося из школы расстроенного ребенка не пожелать ему чего-нибудь хорошего, а потом выяснять, не получил ли он опять «неуд.» по поведению или «пару» по учебе?

4. *Правило царевны-лягушка*: если ребенок не делает того, что от него ожидают, часто это бывает оттого, что он еще не готов к этому. Поспешив с требованиями, рискуете потерять отношения с ним. (Эх, Иван-царевич, если бы ты подождал еще три дня и три ночи и не трогал моей лягушачьей кожи, была бы я навек твоей, а теперь ищи меня за тридевять земель, в тридесятом царстве, у Кощея Бессмертного.)

5. *Правило чудо-рыбы, или Подменыша* (индивидуальности): не корми меня тем, что я не ем. У каждого ребенка свой путь в жизни, он может и не быть воплощением ваших представлений о нем.

6. *Правило клубочка*: если вы идете к цели по нити клубочка, вам стоит придерживаться пословицы: «Собака лает, ветер носит, а караван идет». Хор критиков всегда звучит громко и искушает оглянуться и по потерять цель из виду (вспомните мифы о Язоне, Мееде, Гекате с ее адскими псами и сонмом призраков, об Орфее и Эвридике). Но этот путь не имеет ничего общего с глупым упрямством и зазнайством. Как их отличить друг от друга? Кабы сама точно знала...

7. *Правило избушки (стрелочника)*: избушка, встань к лесу задом, а ко мне передом. Умей перевести стрелку отношений в нужном направлении. Легче это сделать, если из конфронтации вы переходите в состояние эмоционального и делового присоединения, рассмотрите ситуацию с другой стороны (всякая палка о двух концах).

— Э-э-й, больше Вселенной горе мое...

— Э-э-й, больше Вселенной счастье мое!

Представьте, что ваш ребенок может сказать: «Перестань быть моим страхом, стань моей мамой!»

8. *Правило золотой рыбки* — благодарности жизни за то, что вы имеете здесь и теперь, умения быть счастливым от повседневных мелочей. (Лучше сказать «слава богу», чем «господи, помоги».) Всегда можно сравнить свою ситуацию с гораздо худшей. Если этого не делать, однажды можно обнаружить себя возле разбитого корыта.

9. *Правило хрустальной туфельки (активной позиции)*. Когда к королю привели сестру Золушки, обутую в хрустальную туфельку, он в ужасе сказал учителю танцев примерно следующее:

— Это не она!! Что же делать?

— Как что делать? Танцевать!

И как мы помним, именно в танце туфелька и слетела, не удержавшись на слишком большой ноге.

А одна лягушка, попавшая в кринку со сметаной, вместо того чтобы утонуть, стала бить лапками до тех пор, пока из сметаны не сбила масло. Тогда она выпрыгнула из кринки.

Везет тому, кто сам везет.

Все перемелется — мука будет.

10. *Скупой платит дважды (или ложка хороша к обеду)*. Растущий ребенок требует больших материальных и духовных вложений. Если не сделать этого своевременно, то в дальнейшем придется совершать длительные, изнурительные и многократные усилия.

11. *Про убежавшее молоко*. Не стоит слишком долго его оплакивать. Жизнь продолжается, и орешник зеленеет каждую весну.

12. *Правило зайчихи*. Она кормит своим молоком любого зайчонка, которого встречает на своем пути, потому и заячий род до сих пор не перевелся. Если мы будем замечать не только своих детей, но и чужих, то не исключено, что и другие люди не дадут пропасть нашим (основной принцип архаических

коллективистических культур).

13. *Благословение матери (поцелуй доброй волшебницы)* хранит ребенка в трудностях его пути (вспомним Дороти из «Волшебника из страны Оз» и Гарри Поттера).

14. *Нечего на зеркало пенять, коли рожа крива*. Без комментариев, но с цитатами из диалога мамы и дочери, а потом И. А. Крылова:

—Ах ты, чертово отродье!

—Я твое отродье, мамочка!

—Чем кумушек считать трудиться,
Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?

Возможно, эти правила уже нуждаются в пересмотре, но, скорее всего, в осмыслении и постоянном переосмыслении. Применение любых правил есть труд. Родительство и есть творческий беспрестанный труд, очень интересный и содержательный, если войти во вкус. А аппетит, как известно, приходит во время еды.

- 2 5 -

Техническая

Сезам, откройся!

Здесь речь пойдет о некоторых родительских техниках воспитания и сопровождения развития детей. Они будут связаны, как и все главы, с работой над сюжетами, образами средствами литературы, кинематографа, культуры и искусства в самом широком плане. Хочу сразу оговориться, что культурно-развивающий компонент системы воспитания никак не является единственным, хотя, может быть, ключевым. Он никак не подменяет интеллектуального, физического и трудового воспитания, которым нужно уделить не меньше внимания для гармоничного развития ребенка. Но он важная составная часть нравственного воспитания, без которого человек не является человеком.

Домашние уроки приобщения к культуре могут выглядеть внешне почти незаметно и уроками-то вовсе не называться. Здесь важно достичь со своим растущим ребенком взаимных интересов — найти ту музыку, которая нравится вам и ребенку, ту сказку, которая увлекает ребенка и все еще или снова интересна вам, тот фильм, на который запал ребенок, а вам еще только предстоит разобраться почему. В психологии воспитания есть принцип оптимальности усилий. Или по-другому — ложка хороша к обеду. Только обед в данном случае — это созревшая потребность ребенка в (ка?)м-то научении и развившаяся способность его реализовать. А ложкой будет ваше педагогическое усилие в этом процессе научения. Причем родители обычно используют следующие тактики: Предлагают ребенку — давай я тебе покажу то-то и то-то, на что упрямый ребенок (особенно если он в одном из переходных возрастов: двух-четырёх, шести-восьми или тем паче — двенадцати-пятнадцати лет) ответит, что не хочет этим заниматься, — просто в силу потребности в протесте, в бунте, в определении границ своего «Я».

Если же ребенок соглашается с вами, это вовсе не значит, что он хочет заниматься чем-то, это значит, что он дорожит вашими отношениями. И только дальнейшие события являются тестом на его готовность принять ту пищу, которую вы ему пытаетесь дать с вашей ложечки. Например, он, скучая, слушает ту сказку, которая, как вы знаете, идеально подходит для его возраста. Но он ничего не желает знать об этом. А хочет смотреть мультики про покемонов или других чудовищ, которые вам до глубины души противны. В другом варианте, позитивном, вы достигли успеха, попали в точку — ребенку очень понравилась ваша стряпня в виде сказки или истории, которую вы прочитали или вместе прослушали в аудиозаписи.

Однако чтобы успех носил неслучайный характер, более продуктивна следующая тактика — учения с увлечением. «Заразить можно только тем, что имеешь» (из книги М. Л. Покрасса «Активная депрессия»). Поэтому чуткие родители стараются, во-первых, понять сформированную потребность ребенка, во-вторых, попытаться ее удовлетворить и на его лад и на свой, как это важно для вас, заразить ребенка своим интересом. Например, ребенка привлекает героическая тема победы над врагами (в переводе на взрослый язык — страхами). Поэтому он увлечен Человеком-Пауком, Бэтманом, Черной Смертью, Дьяволиком и прочими персонажами из телевизора, наводящими ужас на миролюбивых мам. А мамы, в свою очередь, часто умудряются сделать своими сторонниками вечно занятых и как следует забывших собственное детство пап. В результате герои экрана подвергаются

гонениям, а ребенок — фрустрации своей потребности. Наши добрые мультики ему почему-то не интересны. Лучшим вариантом для ребенка и его семьи будет попытка посмотреть вместе его любимые вещи и попытаться понять хоть что-нибудь в них. И обязательно выслушать ребенка, как он понимает то, что видит. И самое главное, не пугаться никаких эмоций ребенка, какими бы агрессивными они ни оказались. Отождествляя себя с воинственным персонажем, играя в него, ребенок освобождается от груза соответствующих эмоций и способен возвратиться в реальную жизнь разрядившимся и заинтересованным новыми возможностями познания и научения. Если вы хорошенько и внимательно посмотрите или послушаете интересные для вашего ребенка вещи, вам станет там близко и понятно хоть что-нибудь. Именно это «что-нибудь» сделает вас ближе друг другу. Вспоминаю девочку-подростка (она была не единственная из моих знакомых такого рода), которая увлекалась творчеством Мэрилина Мэнсона, весьма одиозной фигуры в мире шоу-бизнеса. Его просатанистские взгляды, поражающий воображение (это очень мягко сказано) внешний вид, целью которого словно было вселять ужас, сочащиеся кровью, гноем, смертью и ужасом тексты — все это приводило родителей в состояние шока. Девочка же была на самом деле чиста, открыта всему свежему и правдивому, и в кумире видела честного человека, бросившего вызов лживому обществу с его обветшалыми ценностями прошлого века. То, что Мэнсон крушит, но не пытается созидать, не смущает девочку-подростка. Она сама находится в психологическом возрасте ниспровержения ценностей, пересмотра унаследованных стратегий. Ее мама оказалась мудра и позволила дочке познакомиться себя с творчеством своего кумира, стала заинтересованным наблюдателем. В предшествующие годы совместной жизни мама успела вложить столько любви и доверия в отношения с ребенком, что сейчас девочка на самом деле иммунна к силам разрушения.

А вот следующим шагом может стать ваше предложение. Оно будет находиться на надежной платформе возникшего с ребенком сотрудничества и паритета. Помню, в свое время у меня была проблема с увлечением моих детей боевиками, которые мне самой совсем не нравились. Посмотрев некоторые из них с детьми, я убедилась, что не так страшен черт, как его малюют, и что там немало интересного. А потом запустила кассету со старой комедией «Девчата», даже не предлагая детям посмотреть. Велико же было мое удивление, когда они сначала застряли возле экрана, а потом этот «хит» стал у них одним из любимых. Потом у них возникло доверие к моему вкусу, и приносимые мной фильмы и книги воспринимались критически, но без тотального протеста.

Что касается книг, увлечь иного ребенка бывает очень сложной задачей. Для этого родителю нужно выбрать историю или сказку, которая не только соответствует возрасту ребенка, но и собственному вкусу. Если вам самим буде¹ «вкусно» рассказывать или читать что-либо, то и ребенку это, скорее всего, понравится. Очень важно, чтобы родители реализовали в себе присущие всем в той или иной мере актерские способности, которые на самом деле состоят в том, что надо войти в образ героя и всей душой его показать ребенку. Это вопрос не притворства, а вашей искренности, симпатии, собственной увлеченности. То есть первый шаг слушания сказки — это драматизация, а не сказывание. Чтобы «включить» внимание ребенка, необходим яркий сценический образ. А уж затем, когда ребенок научится включаться в повествование и не только смотреть, но и слушать, необходимо будет перейти к сказыванию, то есть к напевному воспроизведению с ровной повествовательной интонацией. Акценты будет расставлять воображение ребенка, причем в той мере, в которой это свойственно лично ему. Сказывание — это древняя народная традиция, способствующая максимально свободному полету мысли и воображения.

Хочу несколько слов сказать о непонятных взрослым сказках, их абсурдном на первый взгляд содержании. Непонятыми многими взрослыми были в свое время произведения Корнея Ивановича Чуковского, его странные герои и их не менее странные приключения. До тех пор пока в силу своей необъяснимой популярности не стали классикой детства. А с классиками, как известно, спорить бесполезно за давностью лет и многочисленными заслугами. Сейчас подобная история в какой-то степени происходит с произведениями Григория Остера, любимыми детворой и не всегда понимаемыми взрослыми. Я сталкивалась с бурными реакциями протеста на одно лишь название его книги «Воспитание взрослых». «Кого-кого воспитание?» — с угрожающими интонациями в голосе переспросила меня пожилая лоточница, когда я интересовалась у ее соседки-книготорговки о наличии этой книги. А его «Школа ужасов» на первый взгляд может показаться вам полной чушью (да простит мне эти слова мой любимый и уважаемый писатель), но это только первое впечатление. На самом деле — это хорошее пособие по семейной и дворовой психотерапии детских страхов. Ведь нет более сильного оружия против страха, чем смех над ним. Остер смог намекнуть на тонкую грань между реальностью и жуткой пропастью нездоровой фантазии, обозначив ее именно вопиющей чушью, вызывающей смех. Вот что пишет об этом явлении К. И. Чуковский в своей книге «От двух до пяти».

Это было в Алушке в 1929 году. Больные ребята изнемогали от зноя. Они шумели и хныкали. Какая-то растяпистая женщина кудахтала над ними по-куриному, но не могла их унять. Я пришел издалека и, чтобы обрадовать их, начал читать им «Мюнхаузена». Через две минуты они уже ржали от счастья. Слушая их блаженное ржание, я впервые по-настоящему понял, какое аппетитное лакомство для девятилетних людей эта веселая книга и насколько тусклее была бы детская жизнь, если бы этой книги не

существовало на свете. С чувством нежнейшей благодарности к автору я читал под взрывчатый хохот детей и про топор, залетевший на луну, и про путешествие верхом на ядре, и про отрезанные лошадиные ноги, которые паслись на лугу, и, когда я на минуту останавливался, дети кричали: «Дальше!»

Но вот подбегает ко мне эта женщина, и на лице у нее красные пятна:

—Что вы! Что вы!.. Да мы никогда, ни за что!.. — И хватает у меня из рук мою бедную книгу, и глядит на нее, как на жабу, и двумя пальцами уносит куда-то, а больные дети режут от обиды, а я иду растерянно за женщиной, и руки у меня почему-то дрожат. Тут возникает какой-то молодой в тюбетейке, и оба говорят со мною так, будто я пойманный вор:

—Какое вы имеете право читать эту дрянь нашим детям?

И объясняют мне учительным тоном, что в книге для советских ребят должны быть не фантазии, не сказки, а самые подлинные реальные факты.

—Но позвольте, — пробую я возразить. — Ведь именно при помощи своих фантазий и сказок эта книга утверждает ребят в реализме. Самый хохот, с которым встречают они каждую авантюру Мюнхаузена, свидетельствует, что его ложь им ясна. Они именно потому и хохочут, что всякий раз противопоставляют его измышлениям реальность.

Эти размышления помогут вам не бояться того, что сказка уведет детей из мира реальности в мир несбыточных иллюзий.